
СИБИРСКИЙ ФИЛОСОФСКИЙ ЖУРНАЛ

2024. Том 22, № 4

СОДЕРЖАНИЕ

Аналитическая философия, эпистемология и философия науки

- Суров И. А. Законы робототехники Азимова: мировоззренческие основы и когнитивные искажения 5
- Корж В. Г. Визуальный поворот в исторической методологии: в поисках философских оснований 25

Социальная философия

- Бродников А. Ю. Массовое общество как основа социального нарциссизма 35
- Постнов А. Г. Постколониализм: истоки и основные противоречия теории 46
- Немкова Е. Ю. «Умный город» – урбанистическая метафора, тренд или отражение повседневности 59

Научная жизнь, полемика, рецензии, переводы

- Прись И. Е. Контекст 71

- Информация для авторов 104

SIBERIAN JOURNAL OF PHILOSOPHY

2024. Volume 22, issue 4

Contents

Analytical Philosophy, Epistemology and Philosophy of Science

Surov I. A. Asimov's laws of robotics: conceptual foundations and cognitive fallacies 5

Korzh V. G. Visual turn in historical methodology: in search of philosophical grounds 25

Social Philosophy

Brodnikov A. Y. Mass society as the basis of social narcissism 35

Postnov A. G. Postcolonialism: the origins and main contradictions of postcolonial theory 46

Nemkova E. Y. The «Smart City» – an urban metaphor, a trend, or reflection of everyday life 59

Academic Life, Polemics and Reviews

Pris I. E. Context 71

Instructions for Contributors 104

Научная статья

УДК 174 + 177

DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-4-5-24

Законы робототехники Азимова: мировоззренческие основы и когнитивные искажения

Илья Алексеевич Суров

Национальный исследовательский университет ИТМО

Санкт-Петербург, Россия

ilya.a.surov@itmo.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5690-7507>

Аннотация

«Законы робототехники» Айзека Азимова пользуются исключительным авторитетом и являются своего рода заповедями для многих сторон этически-философского дискурса вокруг искусственного интеллекта. Практическое применение этих «законов», однако, сталкивается с принципиальными трудностями, причины которых исследованы в этой статье. В частности, первый «закон» о недопущении вреда человеку не уточняет, об ущербе кому идёт речь; второй «закон» о подчинении робота человеку не уточняет, кому из претендентов на управление роботом следует отдать предпочтение. На элементарных примерах показано, что при наличии конфликта интересов оба этих абстрактно-гуманистических «закона» теряют смысл и являются жизненно несостоятельными. Кроме того, даже в отсутствие такого конфликта «недопущение вреда» требует от робота предвидения последствий тех или иных действий в сколь угодно далёком будущем, однако возможность такого прогноза противоречит законам физики и биологии. Наконец, показано, что формулировки всех трёх «законов», очевидно абсурдные для неодушевлённых инструментов, предполагают наличие у роботов свободы действия, ошибочно наделяя их субъектностью. Этот ложный антропоморфизм, характерный для современных обсуждений искусственного интеллекта, закрепился в устойчивых языковых формах. Система выявленных искажений представляет собой чуждую традиционным культурам когнитивно-мировоззренческую матрицу, угрожающую безопасности общества на переходе к новым техноукладам.

Ключевые слова

Законы робототехники, искусственный интеллект, Азимов, абстрактный гуманизм, антропоморфизм, детерминизм, субъектность, когнитивные искажения, этика, право

Благодарности

Работа выполнена при поддержке фонда Потанина.

Для цитирования

Суров И. А. Законы робототехники Азимова: мировоззренческие основы и когнитивные искажения // Сибирский философский журнал. 2024. Т. 22, № 4. С. 5–24. DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-4-5-24

© Суров И. А., 2024

Asimov's laws of robotics: conceptual foundations and cognitive fallacies

Илья А. Сузов

ITMO University, St. Petersburg, Russia

ilya.a.surov@itmo.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5690-7507>

Abstract

Asimov's laws of robotics provide rare common ground, a kind of commandments for all sides of ethical discourse on artificial intelligence. Practical implementation of these «laws», however, faces fundamental problems which are studied in this work. In particular, the first «law» on the prevention of harm to humans does not specify, the harm to whom is meant; the second «law» on the subordination of a robot to a human does not specify, which of the subjects willing to control this robot must be preferred. Elementary examples show that with ubiquitous conflicts of interest, both these abstractly-humanistic laws are untenable. Even in the absence of such conflicts, the «prevention of harm» requires a robot to foresee the consequences of certain actions in the arbitrarily distant future, which contradicts the laws of physics and biology. Finally, it is shown that formulations of all three laws, obviously ridiculous in application to inanimate instruments, assume that robots have freedom of action, fallaciously endowing them with subjectness. Such misplaced anthropomorphism, typical for the ongoing discussions of artificial intelligence, has a foothold in stable language forms. A bundle of the revealed fallacies makes up an erroneous conceptual system, threatening social security in transition to future technological lifestyles.

Keywords

Robotics, artificial intelligence, Asimov, abstract humanism, anthropomorphism, determinism, subjectness, cognitive distortion, ethics, law

Acknowledgements

The work was supported by the Potanin Foundation.

For citation

Surov I. A. Asimov's Laws of Robotics: conceptual foundations and cognitive fallacies // *Siberian Philosophical Journal*. 2024. Vol. 22, no. 4. С. 5–24. DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-4-5-24

1. Введение

Искусственный интеллект и кибернетические технологии – важная часть создаваемого техноуклада, которая во многом определит будущее человечества. Нормы использования этих технологий формируются на основе различных научно-профессиональных, культурно-религиозных и нравственно-мировоззренческих позиций (см.: [Карпов и др., 2018; Введенская, 2019; Разин, 2019; Попова, 2020; Алексеева, 2024; Дронова, 2024]). В силу новизны рассматриваемой проблематики имеющееся разнообразие точек зрения, подходов и сторон практически лишено общепризнанных авторитетов. Редким исключением является Айзек Азимов – американский писатель-фантаст, работавший над этикой человекоподобных машин начиная с 40-х годов прошлого века¹. В сборнике рассказов под названием «Я, робот», дополнявшемся более поздними произведениями (см.: [Азимов, 1994]), Азимов рассматривает аспекты взаимодействия человека и робота, многие

¹ Полное имя – Исаак Юдович Азимов (1920, РСФСР – 1992, США). См.: «Азимов, Айзек» (ред. 5 января 2025). *Википедия. Свободная энциклопедия*. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Азимов,_Айзек (дата обращения: 01.02.2025).

из которых становятся актуальны лишь сейчас, а некоторые остаются фантастической и поныне.

Творческое наследие Азимова особенно ценно тем, что основные его выводы в отношении робототехнического, искусственного интеллекта обобщены в трёх кратких тезисах, называемых «законами робототехники» (далее – «законы»). Азимов отмечал, что эти «законы» – едва ли не самое важное, что он написал за всю свою жизнь, тогда как большая часть его (более пятисот) остальных произведений во многом посвящена исследованию действия этих «законов» [Asimov, 1950]².

Первый закон: робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинён вред (A robot may not injure a human being or, through inaction, allow a human being to come to harm).

Второй закон: робот должен повиноваться всем приказам, которые даёт человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат первому закону (A robot must obey the orders given by human beings except where such orders would conflict with the First Law).

Третий закон: робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в которой это не противоречит первому или второму законам (A robot must protect its own existence as long as such protection does not conflict with the First or Second Law).

Иными словами, робот должен быть безопасен для человека, управляем, а также по возможности сохраняться в работоспособном состоянии. Азимов связывает эти правила с нормами общечеловеческой этики: первый «закон» подобен библейской «любви к ближнему»; второй «закон» соответствует «порядочности» человека, следующего обычаям культуры, авторитетам и распоряжениям правительства; третий «закон» соответствует инстинкту самосохранения (см.: [Азимов, 1994, с. 519]).

В современной терминологии рассматриваемые Азимовым робототехнические и кибернетические системы обозначаются термином «искусственный интеллект». Положение о том, что такой искусственный интеллект (ИИ) должен находиться под контролем человека и не должен причинять ему вред, представляется бесспорным. Того же можно пожелать для любого нашего орудия, инструмента и приспособления, в связи с чем согласно Азимову его «законы» распространяются (хотя и не всегда успешно) на все такие инструменты (см.: [Латиева, 2019]). В связи с этим «законы», мысленно опробованные в широком спектре жизненных обстоятельств, пользуются у исследователей гуманитарных аспектов кибернетики и техники в целом исключительным авторитетом. Подобно библейским «не убий» и «не укради» «законы» фактически стали своего рода заповедями, общим местом этического дискурса в области ИИ, робототехники и кибернетики (см.: [Clarke, 1993; Алимова, Каменская, 2019]).

В настоящей статье показано, что это первое впечатление обманчиво и на практике ведёт к весьма нежелательным последствиям. В разделе 2 рассмотрен ряд простых примеров, проявляющих неприменимость «законов» в кон-

² В действительности «законы Азимова» сформулированы еще в 1940 году его наставником Джозефом Кэмпбеллом – главным редактором американского научно-популярного журнала «Astounding Science Fiction», в котором «законы» были впервые опубликованы в марте 1942 года [Алимова, Каменская, 2019].

кретных жизненных обстоятельствах. В разделе 3 показано, что приведённая формулировка «законов» противоречит основам традиционных культур правового регулирования ИИ. В разделах 4 и 5 рассмотрены причины незаметности этих противоречий, а также их мировоззренческие основы. В заключительном разделе 6 отмечены элементы языковой практики, внимание к которым необходимо для предупреждения возможных проблем развития информационных технологий.

2. Абстрактный гуманизм

Попробуем применить «законы» на деле. Рассмотрим беспилотный робот-автомобиль, стоящий на городской улице в режиме ожидания. ИИ такой машины обязан распознавать людей, животных, дорожную разметку и транспортные средства, прогнозировать их будущее движение, вероятности столкновений и других аварийных ситуаций. Наблюдая за дорожной ситуацией в фоновом режиме, система распознаёт на противоположной стороне улицы двух человек, идущих друг на друга, глядя в свои телефоны. Вероятность их столкновения оценивается как высокая, причём в результате возможно травмоопасное падение людей на лёд.

Согласно первому «закону», робот обязан не допустить травм и другого ущерба в результате потенциального столкновения. Для этого ИИ включает двигатель машины и, не нарушая правил дорожного движения, направляет её к точке вероятного столкновения, громко сигнала. Столкновения и травм удаётся избежать, но в результате этого манёвра на дороге возникает затор. Кто-то опаздывает на встречу, звуки гудков мешают чьей-то беседе. Пробка отображается на онлайн-картах навигаторов других машин города, которые перестраивают свои маршруты в объезд. Больше время в пути повышает транспортные расходы и выбросы выхлопных газов, которые портят экологию и здоровье горожан.

Удалось ли роботу подчиниться первому «закону» о ненанесении ущерба человеку? Очевидно, что нет. Как видно из намеченных выше последствий (цепочку которых можно продолжать), в сложившейся ситуации исключить ущерб людям невозможно, так что первый «закон» робототехники оказывается невыполним.

В связи с этим его формулировку можно было бы модифицировать, обязав робота не устранять, а минимизировать общий ущерб³. Для этого, однако, потребовалось бы заранее определить метрики такого ущерба для всевозможных последствий, что также невозможно. Кроме того, при этом потребовалось бы, например, сравнить ущерб от травм столкнувшихся лиц и ущерб здоровью граждан (а также их будущих поколений) от загрязнения окружающей среды, и многое другое; ясно, что соответствующие численные оценки также не представляются возможными. В рассказе «Улики» рассматривается лишь вполне однозначный случай, когда для спасения людей роботом может быть убит сумасшедший преступник (см.: [Азимов, 1994, с. 520]).

³ В поздних рассказах, согласно которым роботы участвуют в управлении государствами и цивилизациями, Азимов дополняет три приведённых закона «нулевым», который устанавливает для роботов приоритет «интересов человечества» над ущербом для отдельных людей (см.: [Азимов, 1994, с. 559]).

С минимизацией ущерба связан ещё один немаловажный вопрос: об ущербе кому идёт речь? Продажа вредной еды, алкоголя и наркотиков наносит ущерб потребителю, одновременно принося пользу производителям и продавцам. На такие продажи робот вполне мог бы влиять в рамках обычного законодательства – например, загородив своим корпусом рекламу магазина или вход в него. Как ущерб всех вовлечённых сторон будет учтён в метриках, которыми при этом будет руководствоваться робот согласно первому «закону»?

Эти ситуации – не какой-то исключительный, специально выдуманный сюжет наподобие дилеммы вагонетки, в которой «законы» Азимова также заходят в тупик (см.: [Persson, Hedlund, 2024]); проблема «стороны» возникает во всех коммерческих, политических, личных отношениях обособленных субъектов, в которых конфликт интересов является нормой. Человек хотел бы приобрести долговечную и надёжную вещь, но тогда производитель не сможет продать ему следующую модель; пациент хотел бы выздороветь, но если это произойдёт, то «биг-фарма» потеряет клиента; успех одной компании на рынке означает банкротство другой; сделанный на заводе беспилотник или бомба спасёт одних людей и уничтожит других (см.: [Шиббаева, Холова, 2018]). Чьё благополучие будет охранять робот по первому «закону»? Чьим приказам он будет подчиняться по второму? Эти фундаментальные неопределённости, замечаемые на удивление редко (см.: [McCauley, 2007; Bueno and Jankowski, 2024; Алексеева, 2024]), указывают на полную жизненную несостоятельность «законов».

Азимов вполне осознавал возможность военного применения роботов одними людьми против других (рассказ «Давайте объединимся»), однако прямое противоречие с «законами» при этом как бы не замечено. Эта проблема затронута лишь в заключительном рассказе цикла «Яко помниши его...», где выяснено, что на практике следование «законам» требовало бы от роботов собственной оценки целесообразности полученных приказов, количественного сравнения ущербов, причиняемых их действиями разным людям, а также предпочтения одних приказов другим⁴. При этом из нескольких противоречивых приказов, согласно Азимову, выполнять следует тот, который отдан более достойным человеком – по уму, характеру и знаниям – независимо от его физических параметров (см.: [Азимов, 1994, с. 619])⁵.

Большинство же (хронологически более ранних) сюжетов сборника [Азимов, 1994] обходят вопрос конфликта интересов стороной. Выведенные в них и общеизвестные ныне формулировки «законов» подразумевают, что противоречий отмеченного типа в мире попросту нет; в этом идеальном мире как человек, так и «совершенный робот» может быть за всё хорошее против всего плохого. Как видно из приведённых примеров, этот абстрактный гуманизм есть грубое

⁴ При этом отмечено, что такие «дискриминирующие» суждения роботов нарушали бы права человека, как они понимаются в западной культуре (см.: [Азимов, 1994, с. 598]).

⁵ В сюжете показано, что эта логика ведёт роботов к выводу о том, что лучшими из людей являются именно они. Соответственно этому все три «закона» переориентируются на роботов, превосходящих человека по интеллекту и порядочности (в смысле следования «законам»). Эти «совершенные роботы» и становятся приоритетным объектом защиты и наиболее авторитетным источником приказов для других роботов [Там же].

и опасное искажение действительности, химера гуманизма реального (см.: [Во-
долазов, 2013]).

3. Субъектность: оглашения и умолчания

Правовое регулирование искусственного интеллекта – острая проблема современности, требующая согласования технической и гуманитарной мысли. Возможные решения этой проблемы в пределе сходятся к одной из следующих альтернатив (см.: [Попова, 2021]).

1. ИИ есть объект права наравне с другими видами имущества, инструментов и информационной собственности.

2. ИИ есть субъект права, обладающий некоторой частью прав животных и человека, адаптированных под специфику так называемого «электронного лица»⁶.

Второй вариант рассмотрен Азимовым в рассказе «Двухсотлетний человек», по сюжету которого один из роботов, изначально запрограммированный как камердинер, дворецкий и горничная, со временем обрёл способность к непредсказуемому, свободному и творческому поведению; специалисты объяснили это тем, что сложность «позитронных связей» в искусственном мозгу делала возможным лишь приближённое решение соответствующих уравнений. Робот начал заниматься художественной резьбой по дереву, а получаемый в результате доход был оформлен на его собственное имя «Эндрю» (однокоренное латинскому «андроид»). Поначалу «Эндрю» тратил деньги на нужды своего владельца, минимизируя его ущерб согласно первому «закону»; по прошествии некоторого времени «Эндрю» «захотел» приобрести себе свободу аналогично самовыкупу рабов у своих хозяев. Последовала «великая битва за права роботов» (против «болезни человечества» – «страха человека перед роботом», «инстинктивной антипатии» консерваторов, «недоступных доводам рассудка» – цитаты из текста), включая право ношения одежды и обладания органическим телом, право на свободу, жизнь и защиту от человека; частью этой борьбы стало воздействие на общественное мнение посредством научно-популярных лекций и серии судебных прецедентов. Одно из промежуточных решений сформулировано так: «Нельзя отказывать в свободе тому, кто обладает сознанием, развитым в степени достаточной, чтобы воспринимать понятие свободы и желать её» [Азимов, 1994, с. 632]. Финальным актом является решение всемирного суда, впервые в истории признавшее робота человеком (см.: [Азимов, 1994, с. 667]).

За исключением этого позднего рассказа, изобразившего вариант далёкого будущего, большинство сюжетов Азимова явно поддерживает первую из двух представленных позиций: поскольку движения робота определяются работой заложенных в него программ и не подвержены какому-либо произволу, ответственности за свои действия робот нести в принципе не может. В силу отсутствия правосубъектности роботы, как и любой другой инструмент, являются собственностью человека или производящей их компании, которая и отвечает за их дей-

⁶ См. также: [Владимирова, 2021] или Зорькин В.Д. «Право и вызовы искусственного интеллекта» (27.06.2024). *Российская газета*. URL: <https://rg.ru/2024/06/27/pravo-i-vyzovy-iskusstvennogo-intellekta.html> (дата обращения: 01.02.2025).

ствия (см.: [Азимов, 1994, с. 510]). Сами же роботы собственностью обладать не могут, не пользуются свободой, неприкосновенностью и другими правами человека⁷.

Эта позиция Азимова, однако, противоречит неявному содержанию «законов», которое нетрудно увидеть в приведённых формулировках. Чтобы выявить это, посмотрим, как «законы» звучали бы на русском языке в приложении к другим инструментам человека.

Первый «закон»: кран / лопата / пистолет не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинён вред.

Второй «закон»: кран / лопата / пистолет должен повиноваться приказам человека кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому закону.

Третий «закон»: кран / лопата / пистолет должен заботиться о своей безопасности в той мере, в какой это не противоречит первому и второму «законам».

Нелепость этих предложений, столь же грубая в англоязычном оригинале, режет слух любому носителю языка. Дело в том, что как в английском, так и в русском миропонимании неодушевлённый предмет – будь то трактор, лопата или камень на дороге – не может «причинять вред», «действовать» или «бездействовать», «повиноваться» или «не повиноваться», что-то «допускать» и о ком-то «заботиться». Эти и другие подобные выражения применимы исключительно к одушевлённым существам, способным к произвольному, свободному поведению. Соответственно, если в списке приведённых предложений заменить кран / лопату / пистолет на человека или животного, то отмеченная нелепость исчезает. Являясь субъектами свободного поведения, человек и собака (в меру своего понимания) несут ответственность за совершённые действия и могут быть заслуженно наказаны. Наказание же инструмента за что бы то ни было, напротив, совершенно неадекватно природе происходящего (см.: [Melnikova, Surov, 2023]) – хотя настоящий виновник, вероятно, был бы рад такому «правосудию».

Таким образом, формулировки «законов» подразумевают, что их объектом является одушевлённая сущность, способная к произвольному поведению. Это наделяет робота правосубъектностью в соответствии уже не с первым, а со вторым вариантом из отмеченных в начале этого раздела – в противоречии с буквальным содержанием большинства рассказов Азимова. В отмеченном выше рассказе «Двухсотлетний человек», написанном спустя 25 лет после основной серии «Я, робот», эта логика одушевления робота представлена в следующем диалоге:

– А ведь робот не неодушевлённый предмет. И он не животное. ...

– Он не имеет понятия о свободе. Он робот.

– Папа, ты его не знаешь. Он прочёл все книги в нашей библиотеке. Я не знаю, что он ощущает внутри, но ведь я не знаю, что и ты ощущаешь в душе. Попробуй поговорить с ним, и ты убедишься, что самые различные абстрактные понятия он воспринимает как ты и я, а что ещё имеет значение? ...

⁷ Право человека на личную неприкосновенность получает важное следствие при необходимости определить, является данная сущность роботом или человеком. Как показано Азимовым, такое определение требует обследования внутреннего устройства этой сущности, например с помощью рентгена. Принуждение к такому обследованию, однако, нарушает права человека, за которого может выдавать себя робот. В результате определить, является ли эта сущность роботом или человеком, в рамках правового поля становится невозможно (см.: [Азимов, 1994, с. 523–525]).

Имея в виду внимание Азимова к тонкостям формулировок, эта противоречивость оглашений и умолчаний вряд ли является случайной⁸. Сюжеты сборника [Азимов, 1994] указывают на то, что такую двойственную позицию автор избрал намеренно. Согласно этим сюжетам, для создателей роботов и прочей интеллектуальной элиты ясно, что роботы – снабжённые необходимой механикой искусственные вычислительные машины, запрограммированные ими для работы в определённых целях. Остальной же, менее образованной части общества осознать разницу между живым существом и искусной имитацией трудно и, возможно (с точки зрения Азимова), даже и ни к чему; соответствующая сцена представлена в вышеприведённой цитате и многих других сюжетах цикла. В рассказе «Лучший друг мальчика», например, ребёнка не убеждают объяснения отца о разнице между роботом и настоящей собакой (см.: [Азимов, 1994, с. 14]). Для этой части населения вполне годится «детский вариант» объяснения механики роботов как одушевлённых существ, «заботящихся», «чувствующих», «действующих», «не допускающих» и «повинующихся» приказам человека; именно это и достигается тройкой «законов»⁹. Несмотря на свою фундаментальную неадекватность, правдоподобность такого восприятия имеет глубокие психологические основания.

4. Антропоморфизм и механоморфизм

Для безопасности любого организма необходима предсказуемость внешней среды и последствий своих собственных действий. Такая предсказуемость требует от каждого индивида понимания касающихся его процессов, то есть знания управляющих ими законов. Смена времён года и полёт стрелы, например, следуют простым закономерностям и потому хорошо предсказуемы, что позволяет безопасно использовать эти процессы в своих целях.

Достичь такого понимания, однако, удаётся не всегда; движение машин на дороге, динамика рыночных цен, поступки людей, животных и многое другое не описываются никакой простой формулой. Для таких процессов желательно отыскать управляющего ими субъекта и выяснить его намерения, цели, умонастроения и чувства. Как и знание законов физики в предыдущих примерах, это «психологическое» знание делает такие процессы более предсказуемыми и безопасными, хотя полной предсказуемости в этих случаях достичь так и не удаётся.

В доиндустриальную эпоху понимание по первому, хорошо предсказуемому варианту было выражено в традиционных канонах строительства, земледелия, медицины, мореплавания и военного дела, за рамками которых лежал непознанный мир непредсказуемых и потенциально опасных процессов природы. Соглас-

⁸ По ходу сюжета рассказа «Улики» происходит диалог робота с судебным инспектором. В ходе этого разговора робот замечает, что утверждение о владении некоторой собственностью юридически однозначно указывает на то, что речь идёт не о роботе, а о человеке; соответственно, эта сущность обладает соответствующими правами, защищаемыми законом (см.: [Азимов, 1994, с. 525]).

⁹ В нескольких рассказах руководители единственного на планете (американского) конструкторского бюро «U.S. Robots and Mechanical Men, Inc.» отмечают, что государственных чиновников и широкую публику желательно не посвящать в детали их работы, чтобы не создавать лишних трудностей (см.: [Азимов, 1994, с. 567]). Стержневая и авторитетная героиня цикла – робопсихолог Сьюзен Кэлвин – в разговоре с этими руководителями замечает: «Вы делите человечество на категории и большую часть из них презираете или не принимаете в расчёт» [Азимов, 1994, с. 588].

но второму сценарию, управление этими процессами относилось на счёт одушевлённых сил со своими чувствами, настроением, характером и волей; фактически любой сложный процесс за пределами немногих ремесленных канонов считался осмысленным поведением некоторого живого субъекта, в принципе подобного человеку¹⁰. В течение тысячелетий жизни человека в естественной среде этот мысленный приём уподобления других одушевлённых существей человеку – антропоморфизм – работал вполне эффективно (см.: [Guthrie, 1997]).

Появление роботов и так называемого искусственного интеллекта принципиально изменило окружающую среду человека. Создателям ИИ ясно, что это не более чем системы электронных «шестерёнок», подобные огромным часовым механизмам. Независимо от их сложности действие таких механизмов полностью предопределено их памятью и входными данными; двигаясь по программе в обратном направлении, причину каждого выданного ими результата можно установить однозначно (при современной сложности таких систем, однако, технических возможностей для этого не всегда хватает даже у их разработчиков)¹¹. Сторонний же пользователь видит лишь сложное, практически непредсказуемое человекоподобное действие – будь то движение танцующего робота от Boston Dynamics или поток текста в диалоговом окне Chat GPT. Отлаженный тысячелетиями когнитивный алгоритм распознаёт такую сущность как живую, мысленно наделяя её собственными намерениями, целями, чувствами и волей (см.: [Placani, 2024]). Этот механизм аналогичен психологической проекции, посредством которой дети наделяют кукол чертами характера по своему образу и подобию (см.: [Борзых, 2019]). Такая игра полезна в детстве как подготовительный этап к взаимодействию с реальными людьми; имитационный ИИ, напротив, чаще используется в обратном направлении замещения человека искусственным суррогатом. При этом чем совершенней имитация, тем привлекательнее становится это направление трансгуманизма».

Подобно личностям людей, животных и других организмов, мнимая личность робота или диалогового ИИ наивно наделяется всеми её обычными возможностями: переживать, заботиться, подчиняться и не подчиняться, действовать и бездействовать по своему разумению и свободной воле. Именно это восприятие развёрнуто в творчестве Азимова, согласно которому роботы глубоко понимают происходящее, проникательно и стратегически мыслят, тонко переживают, общаются на языке высокого стиля, заботятся о людях, принимают ответственные решения и показывают образцы благородства; в изображении Азимова эти качества делают даже «несовершенных» роботов более привлекательным, чем большинство человеческих персонажей. Многократно обкатывается сюжет, в котором робот неотличим от человека, а человек в итоге оказывается роботом, помогая читателю привыкнуть к одинаковому восприятию тех и других.

¹⁰ Устанавливая наличие психики во всё большем спектре индивидуальных и коллективных организмов (см.: [Lyop и др., 2021; Levin, 2022]), современная биоинформатика показывает, что при таком одушевлении допускалось намного меньше ошибок, чем это было принято считать в материалистических философиях XVIII–XX веков.

¹¹ В рассказе «Яко помниши его...» создатель наиболее совершенного человекоподобного робота не сразу напоминает себе, что заслуга этого робота в решении сложной проблемы «не больше, чем у логарифмической линейки» [Азимов, 1994, с. 618].

В этом уравнении присутствует и обратная сторона антропоморфизма – механоморфизм (см.: [Sapota, 1986]), то есть восприятие человека как механической и электрохимической Машины с большой буквы (как она пишется в части рассказов). При этом намерения, чувства и волю человека следует считать такой же иллюзией, как у робота; принципиальное отличие людей состоит лишь в невоспроизводимой сложности органического тела и соответствующих биополей (см.: [Rubik, 2018]). В остальном робот и человек оказываются, по сути, одним и тем же, а отмеченное в предыдущем разделе противоречие разрешается само собой. Будучи – как и многие выдающиеся писатели – хорошим психологом, Азимов не пишет об этом прямо, позволяя читателю сознательно или подсознательно самому прийти к этому выводу.

5. Мировоззренческие основания

Привлекательность идеи разумного, «совершенного» человекоподобного робота имеет под собой не только житейско-психологические, но и глубинные мировоззренческие основы. На эти основы указывает то обстоятельство, что исполнение «законов» требует от робота предвидения последствий совершаемых им действий. При этом такое предвидение необходимо на неограниченно большой срок поскольку, как отмечает один из героев Азимова, «достижение кратковременных целей зачастую оборачивается долговременными неприятностями» [Азимов, 1994, с. 607], чему в повседневной жизни имеется сколько угодно примеров, когда отложенное следствие давно завершившихся действий меняет их оценку с положительной на отрицательную и обратно. Не допуская подобных ошибок, «законы» Азимова подразумевают, что в распоряжении роботов должна быть программа, позволяющая им прогнозировать сколь угодно отдалённые последствия доступных роботу движений.

Для наивно-научного мировоззрения, образцовым носителем которого был Азимов, возможность такого прогноза представляется вполне правдоподобной. Имея в распоряжении неограниченные вычислительные ресурсы, возможно, на ещё не открытых физических принципах – например, «платино-иридиевый, позитронный мозг» – принципиальных препятствий для решения этой задачи обычно не просматривается; и тем не менее они есть.

Получив высшее химическое образование в США на рубеже 1930–1940-х годов, Азимов был знаком с новыми на тот момент открытиями квантовой физики, вынужденно отказавшейся от классических представлений о полной предсказуемости природы. Как отмечается азимовскими робото-инженерами, квантовая неопределённость поведения частиц на субатомном уровне есть единственное принципиальное отличие человеческого мозга от «позитронного», действие которого полностью предопределено заранее; предполагается, что именно эта фундаментальная непредсказуемость отвечает за интуицию, творчество, спонтанность и свободу человека, отличающие его от машин (см.: [Азимов, 1994, с. 566]). Эта гипотеза подтверждается по ходу рассказа «Женская интуиция», согласно которому квантовая модификация «позитронного мозга» позволила новой версии робота интуитивно-иррациональным образом решить задачу о нахождении ближайших к Земле

обитаемых планет. В отличие от предыдущих моделей, эту машину нельзя было выключать; у неё появилось истинно эмоциональное «женское» поведение, а во всем, что «она» делала, чувствовался «скрытый смысл» (см.: [Азимов, 1994, с. 579]).

В этих описаниях Азимов весьма точно предвосхитил открытия современной нейробиологии, согласно которым в поведении живых организмов есть фундаментально непредсказуемая часть (см.: [Еськов, 2017; Еськов и др., 2022]), в принципе не поддающаяся алгоритмической имитации; в одной из теорий причиной этой неалгоритмичности является усиление квантовой неопределённости с атомно-молекулярного масштаба на макроскопический уровень поведения живых организмов (см.: [Jedlicka, 2017; Суров, 2023]). Как и у «интуитивного» робота Азимова, это усиление делает возможным заранее не предопределённое, свободное поведение человека, недоступное для сколь угодно сложного ИИ на обычных вычислительных принципах (см.: [Surov, Melnikova, 2024]). Усиленная на макроуровень квантовая неопределённость предоставляет место для свободы выбора и воли, произвольно-осмысленного поведения, переживаний от первого лица, сознания и чувств, ответственности и юридической правосубъектности, которые представляют собой единый неделимый блок [Там же]. Художественные картины об эмоциональном, сознательном, этическом и вместе с тем детерминированном, бесправном и безответственном роботе, разводя неотъемлемые стороны единого явления, уравнивают человека и робота с меньшим стрессом для читателя, по частям.

Помимо свободного человека или даже «квантового робота» в окружающей его среде действует множество других субъектов, поступки которых также принципиально непредсказуемы. Классическим примером является нематода *Caenorhabditis elegans*, нервная система которой из 302 нейронов полностью картирована в 1986 году, однако спрогнозировать на этой основе движение какого-либо отдельного живого образца до сих пор не удалось (см.: [Toyoshima et al., 2024]). То же самое относится к отдельным живым клеткам, в основе поведения которых лежат не только классические вычисления, но и неалгоритмизируемые квантовые процессы (см.: [Панов, 2014]). Аналогичной способностью усиления микроскопических флуктуаций обладают хаотические процессы, например в атмосфере, что накладывает принципиальные ограничения на горизонт их предсказуемости¹².

Динамика хаотических систем и спонтанное поведение живых организмов определяют будущее внешней для робота среды, а также её отклик на действия робота; в силу природы квантовой неопределённости ни то ни другое не может быть ни имитировано, ни предсказано. Соответственно, ни одно мышление ни на классических, ни на квантовых принципах не сможет предвидеть будущее так, как это предполагается «законами» Азимова¹³.

¹² По этой причине более-менее достоверный прогноз погоды ограничен двумя неделями, и увеличить этот срок не поможет никакая вычислительная мощность ни классических, ни квантовых компьютеров.

¹³ Математически это фундаментальное ограничение выражено в теореме Гёделя – Тьюринга, согласно которой для любой конечной программы можно предъявить утверждение, которое она не может подтвердить, ни опровергнуть. Эта теорема означает, что мир принципиально невычислим и не может быть имитирован никаким сколь угодно сложным алгоритмом (см.: [Панов, 2014]).

Таким образом, «законы робототехники» не просто трудны для осуществления на практике в силу невычислимости метрик ущерба, конфликтности субъектов управления или «неполноты информации», как можно было бы заключить на основе примеров из раздела 2; эти вымышленные «законы» (как и их многочисленные модификации [Clarke, 1994; Введенская, 2019]) находятся в глубинном противоречии с истинными законами природы, исключающими предопределённость и предсказуемость будущего; общая схема этих мировоззренческих искажений показана на рисунке ниже. Соответственно, идея «совершенного робота» (как и совершенного человека) с объективно оптимальным поведением в интересах «всеобщего блага» является физически несостоятельной.

Объективное, безусловное добро может иметь место как идеал, стремление к которому в целом свойственно природе человека; сам этот идеал, однако, существует только в силу отличия добра от зла и возможности свободного выбора между ними. Для робота ни такое различие, ни такой выбор недоступны, а значит идея всеобщего добра в «мире машин» осуществиться в принципе не может. Поэтому абсолютно упорядоченное, «объективно оптимальное» течение жизни на Земле под управлением «совершенного робота» – даже если бы оно допускалось законами природы – означало бы не триумф, а самоликвидацию человечества (см.: [Высочина, 2023]).

Схема мировоззренческих искажений, ведущих к идее «совершенного робота», потенциально превосходящего человека. Стрелками показаны логические следствия
 Scheme of conceptual fallacies behind the idea of a «perfect robot», potentially superior to a human being.
 Arrows show logical implications as explained in the text

6. Языковая матрица

На основе приведённых аргументов блогер N мог бы сообщить, что «все поступки, действия и чувства робота предопределены заложенной в него программой»; после этого могло бы идти пояснение, что «есть ли у робота чувства и что это такое вообще – вопрос до конца не изученный, но современные модели разговорного ИИ всё лучше понимают человека и реагируют на них всё более

естественно, демонстрируя высокий уровень эмпатии, соответствующий людям такого-то возраста». Получив подобное сообщение из ленты новостей, немногие читатели найдут время вникнуть в тонкости проблемы. Большинство запомнит главное: у робота есть поступки, действия и чувства, а также эмпатия и понимание – что, как показано выше, не соответствует действительности. Где произошла ошибка?

Читатель понял всё верно: словосочетание «высокое дерево», например, подразумевает, что дерево есть пространственный объект, занимающий много места по вертикальному направлению. Такого типа выводы – важная способность естественного мышления, лежащая в основе, например, чрезвычайно эффективного (по сравнению с ИИ) обучения детей языку безо всяких учебников просто путём слушания разговоров окружающих (см.: [Frensch and Rünger, 2003; Cleeremans et al., 2019]). Таким же образом указанный выше ложный вывод следует из приведённого в кавычках текста, в языковых оборотах которого («поступки, действия и чувства робота», «ИИ понимает» и «демонстрирует эмпатию») и содержится искажение. Тот факт, что в соседних словах сказано о предопределённости и научных затруднениях, дела не меняет; эта информация адресована сложному логическому мышлению, требующего умственных усилий и отсутствующего у читателя времени.

Подобным образом можно весьма квалифицированно рассуждать о принципах действия ИИ, объяснять его внутренне устройство и алгоритмику, обосновывать допустимость или недопустимость наделения ИИ правосубъектностью; но если при этом используются фразы «ИИ научился» (то есть научил себя сам), «ИИ принял верное / неверное решение», «ИИ ошибся / сделал правильный выбор», «ИИ поступил так или иначе», «ИИ настаивает / предпочитает / относится», «доверие к ИИ» и тому подобные, то такая письменная или устная речь – намеренно или не намеренно – навязывает адресату вывод о субъектности ИИ. Кто совершил поступок, принял верное решение или ошибся, тот и несёт ответственность – верный логический ход, автоматически достраиваемый подсознанием читателя. То же самое следует из льстящих самолюбию разработчиков обращений «мать / отец роботов», поскольку родиться может только живое, одушевлённое существо.

По такому же принципу действуют цитированные и многие другие рассказы Азимова, в которых роботы стремятся, действуют, подчиняются, чувствуют, любят и обижаются, страдают, хотя и наслаждаются. Как отмечено выше, Азимов использует эти выражения вполне намеренно, осознавая важность «составления фраз с учётом всех оттенков смысла» [Азимов, 1994, с. 643]. Встречая подобные языковые обороты во всевозможных обстоятельствах, неявное мышление – как при рассуждениях курящего о вреде курения – легко отсеивает логическую маскировку и воспринимает истинный авторский посыл в обход сознания читателя.

Таким образом, язык действует как когнитивная матрица, определяющая для своих носителей ходы мысли, возможные суждения и выводы в отношении ИИ, роботов и других кибернетических систем. Языковая матрица, сформированная трудами Азимова (и других подобных ему деятелей западной науки и культуры), противоречит фундаментальным законам природы (раздел 5) и ведёт своих

последователей к катастрофам; в связи с этим культурам, желающим сохраниться в будущем, от этой матрицы целесообразно было бы отстроиться.

Для такой остройки необходимо прежде всего внимательное отношение к письменной и устной речи (в которой поставить кавычки жестом не всегда уместно), не допускающее использования человекоподобных оборотов по отношению к роботу (и наоборот, раздел 4). Часть таких выражений имеет более корректные технические аналоги, которые вполне могут войти в обиходный язык. Например, вместо «машинных рассуждений» можно говорить о машинном выводе, вычислениях, анализе или переработке данных; другие выражения, вроде «жизни / смерти роботов», «этике роботов», «машинной интуиции», «машинного принятия решений», «сознания / чувств / эмоций ИИ» и тому подобные, напротив, следовало бы исключить как опасно искажающие реальность, несмотря на их метафорическую ценность и популярную эффектность (см.: [Батурин, Полубинская, 2022; Placanì, 2024]). Для их замены возможно создание новых понятий без антропоморфной окраски, способствующих безопасному развитию информационного техноклада.

7. Заключение

Отмеченные свойства языка обсуждаются редко, а если и обсуждаются, то как вторичные по отношению к созданию технологических реалий «на земле». История социокультурного и научно-технического развития, однако, раз за разом показывает несостоятельность такого подхода; «бытие», вне всякого сомнения, определяет сознание, но в действительности это лишь половина правды, поскольку сознание определяет бытие ничуть не хуже (а может быть и лучше – если «в начале» действительно было слово). Супруги или партнёры, пол или гендер, отец или родитель номер два – разные названия определяют разные практики, допустимые и недопустимые в отношении именуемой сущности. Эти неявные определения задают мировоззренческие основания и этические ориентиры для решения проблем современности, формируя будущий облик человечества (см.: [Гребенникова, 2018; Латиева, 2019; Нигоматуллина, 2022]).

В этом плане рассказы сборника [Азимов, 1994] направлены на переосмысление понятия «робот» и наполнение его новым содержанием. Роботы Азимова под водительством «законов» заменяют образ «чудовища Франкенштейна» на образ друзей и помощников человека в контрасте с кошмарными сюжетами М. Шелли и К. Чапека (см.: [Маслова, 2018; Кружалова, 2023]). Современные прецеденты наделения роботов собственными интересами, гражданством, элементами правосубъектности, авторским и другими правами человека обусловлены именно этим смысловым сдвигом¹⁴.

В предыдущих разделах показано, что для этого сдвига – как и для вызываемого произведениями Шелли, Чапека, Замятина, Хаксли ужаса перед роботами (см.: [Маслова, 2018]) – оснований столько же, как для страха перед пистолетом, самолётом или беспилотным трактором. Всё это более или менее сложные механизмы,

¹⁴ См.: [Владимирова, 2021] или Зорькин В.Д. «Право и вызовы искусственного интеллекта» (27.06.2024). *Российская газета*. URL: <https://rg.ru/2024/06/27/pravo-i-vyzovy-iskusstvennogo-intellekta.html> (дата обращения: 01.02.2025).

которые по недостатку образования может одушевлять туземец-абориген; особенность современного ИИ состоит в том, что из-за его сложности в ловушке антропоморфизма оказалась большая часть человечества. В творчестве названных и других фантастов имеет место ложная эмоциональная раскачка публики, причём первый ход качелей – как и положено по законам жанра – выполнен в сторону страха.

Эффективность этой раскачки в течение более чем двух столетий зрима не только по отмеченным правовым прецедентам и законодательным инициативам. В этом же русле лежат многочисленные модификации «законов» Азимова и формируемые под их влиянием «концепции» (см.: [Батурин, Полубинская, 2022]) и «кодексы этики ИИ» как принципы его якобы самостоятельного поведения (см.: [Карпов и др., 2018; Алексеева, 2024]). Как и другие рассмотренные примеры, «этика ИИ» – столь же ложное понятие, как «этика ножей» или «этика консервных банок», однако именно это фундаментальное мировоззренческое искажение навязывает читателю Азимов под умело приготовленным научным соусом. Троянский конь этого искажения в виде «законов робототехники» распознан, однако зашёл уже достаточно далеко.

Список литературы

- Азимов А.** Миры Айзека Азимова. Книга первая. Совершенный робот. М.: Полярис, 1994. 668 с.
- Алексеева И. Ю.** Этика искусственного интеллекта как прикладная этика // Философия и общество. 2024. № 3. С. 69–85.
- Алексеев А. П., Алексеева И. Ю.** Статус этических кодексов в этике искусственного интеллекта // Информационное общество. 2024. № 4. С. 43–49.
- Алимова С. З., Каменская И. Б.** Критическая рецепция цикла рассказов Айзека Азимова «Я, робот» // Формирование профессиональной компетентности филолога в поликультурной образовательной среде: Материалы II Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. И. Б. Каменской. Евпатория: Индивидуальный предприниматель Корниенко Андрей Анатольевич, 2019. С. 23–26.
- Батурин, Ю. М., Полубинская С. В.** Искусственный интеллект: правовой статус или правовой режим? // Государство и право. 2022. № 10. С. 141–154.
- Борzych С. В.** Антропоморфизм ИИ // Журнал философских исследований. 2019. Т. 5. № 2. С. 2–9.
- Введенская Е. В.** Актуальные проблемы робоэтики // Научно-исследовательские исследования. 2019. № 2019. С. 88–101.
- Владимирова З. В.** О возможных способах наделяния искусственного интеллекта правосубъектностью // Вестник магистратуры. 2021. № 8. С. 50–55.
- Водолазов Г. Г.** Гуманизм абстрактный и гуманизм реальный // Гуманизм и современность: Материалы международной научно-образовательной конференции. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2013. С. 30–40.
- Высочина Д. С.** Повседневность прогнозируемого мира (Сборник рассказов Азимова «Я, робот») // Вестник Калужского университета. Серия 2. Исследования по филологии. 2023. № 3. С. 70–76.

- Гребенщикова Е. Г.** Этика как управление // Сибирский философский журнал. 2018. Т. 16. № 4. С. 135–146.
- Дронова Е. А.** Искусственный интеллект и социология морали // Свободная мысль. 2024. № 4. С. 55–62.
- Еськов В. М.** Конец определенности: хаос гомеостатических систем. Тула: ТППО, 2017. 595 с.
- Еськов В. М. и др.** Хаотический мозг // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2022. № 2. С. 5–16.
- Карпов В. Э., Готовцев П. М., Ройзензон Г. В.** К вопросу об этике и системах искусственного интеллекта // Философия и общество. 2018. № 2. С. 84–105.
- Кружалова Л. В.** Проблемы взаимоотношений естественного и искусственного интеллектов (роботов) в произведениях научной фантастики (К. Чапек, И. Варшавский, А. Азимов и др.) // International journal of professional science. 2023. № 9. С. 5–13.
- Латиева А. Р.** Взаимодействие научно-фантастических концепций и социума // Проблемы современных социокультурных исследований / Под ред. Е.В. Хлыщевой, Р.Т. Алиева, В.Л. Тихоновой, О.И. Закутнова. Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2019. С. 77–81.
- Маслова К. К.** Трансформация образа «робот» от «механического подобия» к образу «робот-человек» в произведениях (К. Чапека, Е. И. Замятина, О. Хаксли и А. Азимова) // Вестник славянских культур. 2018. Т. 49. С. 161–170.
- Нигоматуллина Р. М.** Этика как онтология управления // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20. № 1. С. 15–25.
- Панов А. Д.** Технологическая сингулярность, теорема Пенроуза об искусственном интеллекте и квантовая природа сознания // Информационные технологии (Приложение к журналу). 2014. № 5. С. 1–32.
- Попова А. В.** Этические принципы взаимодействия с искусственным интеллектом как основа правового регулирования // Правовое государство: теория и практика. 2020. Т. 16. № 3. С. 34–43.
- Попова Н. Н.** Развитие технологий искусственного интеллекта в перспективах трансформации права: правосознание в проекции будущего // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 3. С. 65–76.
- Разин А. В.** Этика искусственного интеллекта // Философия и общество. 2019. Т. 1. № 90. С. 57–93.
- Суров И. А.** Квантовая концепция свободы выбора // Ученые записки Института психологии РАН. 2023. Т. 3. № 4. С. 68–82.
- Шиббаева К. В., Холова Л. Н.** Три закона робототехники Айзека Азимова: к вопросу о гуманности применения смертоносных автономных систем вооружения на войне // Теология, философия, право. 2018. Т. 8. № 4. С. 28–41.
- Asimov I. I.** Robot. New York: Gnome Press, 1950.
- Bueno C. C., Jankowski S.** Judgement after Automation: Posthumanist Reflections on Asimov's Laws of Robotics // Journal of science fiction and philosophy. 2024. Vol. 7. P. 1–19.
- Caporael L. R.** Anthropomorphism and mechanomorphism: Two faces of the human machine // Computers in human behavior. 1986. Vol. 2. No. 3. P. 215–234.

- Clarke R.** Asimov's laws of robotics: implications for information technology. Part 1 // Computer. 1993. Vol. 26. No. 12. P. 53–61.
- Clarke R.** Asimov's laws of robotics: Implications for information technology. Part 2 // Computer. 1994. Vol. 27. No. 1. P. 57–66.
- Cleeremans A., Allakhverdov V. M., Kuvaldina M.** (eds.) Implicit learning: 50 years on. Abingdon, Oxon: Routledge, 2019. 262 p.
- Frensch P. A., Rüniger D.** Implicit Learning // Current Directions in Psychological Science. 2003. Vol. 12. No. 1. P. 13–18.
- Guthrie S. E.** Anthropomorphism: A definition and a theory // Anthropomorphism, anecdotes, and animals / Ed. R. W. Mitchell, N. S. Thomson, H. L. Miles. New York: State University of New York Press, 1997. P. 50–58.
- Jedlicka P.** Revisiting the quantum brain hypothesis: Toward quantum (neuro)biology? // Frontiers in Molecular Neuroscience. 2017. Vol. 10. P. 1–8.
- Levin M.** Technological Approach to Mind Everywhere: An Experimentally-Grounded Framework for Understanding Diverse Bodies and Minds // Frontiers in Systems Neuroscience. 2022. Vol. 16. P. 768201.
- Lyon P.** и др. Reframing cognition: getting down to biological basics // Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences. 2021. Vol. 376. No. 1820. P. 20190750.
- McCauley L.** AI Armageddon and the Three Laws of Robotics // Ethics and Information Technology. 2007. Vol. 9. No. 2. P. 153–164.
- Melnikova E., Surov I.** Legal Status of Artificial Intelligence from Quantum-Theoretic Perspective // BRICS Law Journal. 2023. Vol. 10. No. 4. P. 5–34.
- Persson E., Hedlund M.** The Trolley problem and Isaac Asimov's First law of robotics // Journal of science fiction and philosophy. 2024. Vol. 7. P. 1–21.
- Placani A.** Anthropomorphism in AI: hype and fallacy // AI Ethics. 2024. Vol. 4. No. 3. P. 691–698.
- Rubik B.** Artificial intelligence and the human biofield: New opportunities and challenges // Cosmos and history: The Journal of natural and social philosophy. 2018. Vol. 14. No. 1. P. 153–162.
- Surov I. A., Melnikova E. N.** Subjectness of intelligence: quantum–theoretic analysis and ethical perspective // Foundations of science. 2024. <https://doi.org/10.1007/s10699-024-09947-y>
- Toyoshima Y.** и др. Ensemble dynamics and information flow deduction from whole-brain imaging data // PLOS computational biology. 2024. Vol. 20. No. 3. E1011848.

References

- Asimov I. I.** Robot. New York: Gnome Press, 1950.
- Asimov I.** The Worlds of Isaac Asimov. The first book. The perfect robot. Moscow: Polaris, 1994. 668 p. (in Russian)
- Alekseyeva I. Yu.** Ethics of Artificial Intelligence as Applied Ethics // Philosophy and Society. 2024. No. 3. P. 69–85. (in Russian)
- Alekseev A. P., Alekseeva I. Yu.** The status of ethical codes in the ethics of artificial intelligence // Information Society. 2024. No. 4. P. 43–49. (in Russian)

- Alimova S. Z., Kamenskaya I. B.** Critical reception of the cycle of Isaac Asimov's short stories "I, robot" // Formation of professional competence of a philologist in a multicultural educational environment. Materials of the II International Scientific and Practical Conference. ed. I.B. Kamenskaya. Yevpatoria, 2019. P. 23–26. (in Russian)
- Baturin Y. M., Polubinskaya S. V.** Artificial intelligence: legal status or legal regime? // Gosudarstvo i pravo. 2022. No. 10. P. 141–154. (in Russian)
- Borzykh S.** Anthropomorphism of artificial intellect // Journal of philosophical research. Vol 5. No. 2. P. 2–9. (in Russian)
- Bueno P. P., Jankowski S.** Judgement after Automation: Posthumanist Reflections on Asimov's Laws of Robotics // Journal of Science Fiction and Philosophy. 2024. Vol. 7. P. 1–19.
- Caporael L. R.** Anthropomorphism and mechanomorphism: Two faces of the human machine // Computers in Human Behavior. 1986. Vol. 2. No. 3. P. 215–234.
- Clarke R.** Asimov's laws of robotics: implications for information technology. Part 1 // Computer. 1993. Vol. 26. No. 12. P. 53–61.
- Clarke R.** Asimov's laws of robotics: Implications for information technology. Part 2 // Computer. 1994. Vol. 27. No. 1. P. 57–66.
- Cleeremans A., Allakhverdiv V. M., Kuvaldina M.** (eds.) Implicit learning: 50 years on. Abingdon, Oxon: Routledge, 2019. 262 p.
- Dronova E. A.** Artificial intelligence and the sociology of morality // Free thought. 2024. No. 4. P. 55–62. (in Russian)
- Eskov V. M.** The End of certainty: the chaos of homeostatic systems. Tula: TPPO, 2017. 595 p. (in Russian)
- Eskov V. et al.** Chaotic brain // Complexity. Mind. Postnonclassical. 2022. No. 2. P. 5–16. (in Russian)
- Frensch P. A., R nger D.** Implicit Learning // Current Directions in Psychological Science. 2003. Vol. 12. No. 1. P. 13–18.
- Grebenshchikova E. G.** Ethics as governance // Siberian Philosophical Journal. 2018. Vol. 16. No. 4. P. 135–146. (in Russian)
- Guthrie S. E.** Anthropomorphism: A definition and a theory // Anthropomorphism, anecdotes, and animals / Ed. R. W. Mitchell, N. S. Thomson, H. L. Miles. State University of New York Press, 1997. P. 50–58.
- Karpov V. E., Gotovtsev P. M., Roizenzon G. V.** On the issue of ethics and artificial intelligence systems // Philosophy and Society. 2018. No. 2. P. 84–105. (in Russian)
- Kruzhalova L. V.** Problems of the relationship between natural and artificial intelligence (robots) in the works of science fiction (K. Chapek, I. Varshavsky, A. Asimov, etP.) // International Journal of Professional Science. 2023. No. 9. P. 5–13. (in Russian)
- Latieva A. R.** The interaction of science fiction concepts and society. In the collection Problems of Modern Socio-cultural Research. Ed. E.V. Hlyshheva, R.T. Aliev, V.L. Tihonova, O.I. Zakutnov. Astrahan': Astrakhan University Publishing House, 2019. P. 77–81. (in Russian)
- Levin M.** Technological Approach to Mind Everywhere: An Experimentally-Grounded Framework for Understanding Diverse Bodies and Minds // Frontiers in Systems Neuroscience. 2022. Vol. 16. P. 768201.

- Lyon P. et al.** Reframing cognition: getting down to biological basics // *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2021. Vol. 376. No. 1820. P. 20190750.
- Maslova K. K.** Transformation of the «robot's» image from «mechanical similarity» to the «robot-human» (K. Chapeka, E. I. Zamyatin, O. Huxley, A. Asimov) // *Bulletin of Slavic Cultures*. 2018. Vol. 49. P. 161–170. (in Russian)
- McCauley L.** AI Armageddon and the Three Laws of Robotics // *Ethics and Information Technology*. 2007. Vol. 9. No. 2. P. 153–164.
- Melnikova E., Surov I.** Legal Status of Artificial Intelligence from Quantum-Theoretic Perspective // *BRICS Law Journal*. 2023. Vol. 10. No. 4. P. 5–34.
- Nigomatullina R. M.** Ethics as an ontology of management // *Siberian Philosophical Journal*. 2022. Vol. 20. No. 1. P. 15–25. (in Russian)
- Panov A. D.** Technological singularity, Penrose's theorem on artificial intelligence and the quantum nature of consciousness // *Information Technologies (Supplementary)*. 2014. No. 5. P. 1–32. (in Russian)
- Popova A. V.** Ethical principles of interaction with artificial intelligence as a basis of legal regulation // *The rule of law: theory and practice*. 2020. Vol. 16. No. 3. P. 34–43. (in Russian)
- Popova N. N.** Development of artificial intelligence technologies in the prospects of transformation of law: legal consciousness in the projection of the future // *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence*. 2021. No. 3. P. 65–76. (in Russian)
- Persson E., Hedlund M.** The Trolley Problem and Isaac Asimov's First Law of Robotics // *Journal of Science Fiction and Philosophy*. 2024. Vol. 7. P. 1–21.
- Placani A.** Anthropomorphism in AI: hype and fallacy // *AI Ethics*. 2024. Vol. 4. No. 3. P. 691–698.
- Razin A. V.** Ethics of artificial intelligence // *Philosophy and society*. 2019. Vol. 1. No. 90. P. 57–93. (in Russian)
- Rubik B.** Artificial intelligence and the human biofield: New Opportunities and Challenges // *Cosmos and History: The Journal of Natural and Social Philosophy*. 2018. Vol. 14. No. 1. P. 153–162.
- Shibaeva K. V., Khokhlova L. N.** Isaac Asimov's Three Laws of robotics: on the question of the humanity of the use of deadly autonomous weapons systems in war // *Theology Philosophy Law*. 2018. Vol. 8. No. 4. (in Russian)
- Surov I. A., Melnikova E. N.** Subjectness of Intelligence: Quantum-Theoretic Analysis and Ethical Perspective // *Foundations of Science*. 2024. <https://doi.org/10.1007/s10699-024-09947-y>
- Surov I. A.** Quantum Concept of Free Choice // *Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*. 2023, Vol. 3. No. 4. P. 68–82. (in Russian)
- Toyoshima Y. et al.** Ensemble dynamics and information flow deduction from whole-brain imaging data // *PLOS Computational Biology*. 2024. Vol. 20. No. 3. P. E1011848.
- Vladimirova Z. V.** On possible ways of endowing artificial intelligence with legal personality // *Bulletin of the Magistracy*. 2021. No. 8. P. 50–55. (in Russian)

- Vodolazov G. G.** Humanism abstract and humanism real // Proceedings of the international scientific and educational conference «Humanism and Modernity» Kazan: Kazanskij (Privolzhskij) federal'nyj universitet, 2013. P. 30–40. (in Russian)
- Vvedenskaya E. V.** Actual problems of roboetics // Scientific research. 2019. № 2019. P. 88–101. (in Russian)
- Vysochina D. S.** The everyday life of the predicted world (collection of short stories by A. Asimov «I, robot») // Bulletin of the Kaluga University. Series 2. Studies in philology. 2023. No. 3. P. 70–76. (in Russian)

Информация об авторе

Илья Алексеевич Суров, кандидат физ.-мат. наук
старший научный сотрудник, Университет ИТМО

Information about the Author

Ilya A. Surov, Candidate of Sciences (Physics and Mathematics),
Senior Researcher, ITMO University

*Статья поступила в редколлегию 18.12.2024;
одобрена после рецензирования 24.02.2025; принята к публикации 27.02.2025*

*The article was submitted 18.12.2024;
approved after reviewing 24.02.2025; accepted for publication 27.02.2025*

Научная статья

УДК 930.1

DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-4-25-34

Визуальный поворот в исторической методологии: в поисках философских оснований

Виктор Геннадьевич Корж

*Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
Абакан, Россия*

victorkorzh@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6569-4400>

Аннотация

В представленной статье исследуются философские основания визуального поворота в исторической науке. Рассматривается влияние данного феномена на трансформацию исторической методологии и исследовательских подходов через призму исследований культовой архитектуры. Визуальный поворот, как показано в статье, играет одну из ключевых ролей в формировании новых парадигм исторического знания, что выражается как в интеграции визуальных источников, так и в конструировании и адаптации новых методов и подходов в рамках современной историографии.

Ключевые слова

визуальный поворот, восприятие, историческая наука, историческое образование, исторический нарратив, историческое сознание, культовая архитектура

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда проект № 23-28-10111, <https://rscf.ru/project/23-28-10111/> при паритетной финансовой поддержке Правительства Республики Хакасия

Для цитирования

Корж В. Г. Визуальный поворот в исторической методологии: в поисках философских оснований // Сибирский философский журнал. 2024. Т. 22, № 4. С. 25–34. DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-4-25-34

Visual turn in historical methodology: in search of philosophical grounds

Victor G. Korzh

*Khakass State University
Abakan, Russian Federation*

victorkorzh@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6569-4400>

© Корж В. Г., 2024

Abstract

The presented article examines the philosophical foundations of the visual turn in historical science. The author examines the influence of this phenomenon on the transformation of historical methodology and research approaches through the prism of research on cult architecture. The visual turn, as shown in the article, plays one of the key roles in the formation of new paradigms of historical knowledge, which is expressed both in the integration of visual sources and in the construction and adaptation of new methods and approaches in modern historiography.

Keywords

visual turn, perception, historical science, historical education, historical narrative, historical consciousness, cult architecture

Acknowledgements

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation Project No. 23-28-10111, <https://rscf.ru/en/project/23-28-10111/> with parity financial support of the Government of the Republic of Khakassia

For citation

Korzh V. G. Visual turn in historical methodology: in search of philosophical grounds. *Siberian Journal of Philosophy*, 2024, vol. 22, no. 4, pp. 24–34 (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-4-25-34

В условиях перманентного кризиса теоретической философии истории и нарастающей дифференциации и фрагментации проблемного поля этой философской субдисциплины закономерным и ожидаемым становится сближение той части философии истории, которая занималась и занимается проблемами исторического сознания и исторического познания с теоретической историей и методологией истории. В этом случае появление новых исторических методов и методик одновременно с исторической интерпретацией нуждается и в философском анализе и обосновании.

Неугасающий исследовательский интерес со стороны научного сообщества к проблематике визуального иллюстрирует и убедительно закрепляет фундаментальное значение *visual turn* (визуального поворота) для всего комплекса современной социогуманитарной науки. Как известно, наиболее активное обсуждение сущности этого феномена произошло в западноевропейской научной литературе на рубеже XX–XXI вв. Однако и в современной ситуации визуальный поворот остается актуальным объектом для научного изучения, а заметный рост популярности и развитие *visual studies* (визуальных исследований) или, точнее, *visual culture studies* (исследований визуальной культуры) в первой четверти XXI в., естественно, не могли не привести к системной трансформации методологии, методов, языка и расширению проблемно-тематического поля дисциплин, участвующих в междисциплинарном дискурсе. При этом исследователи визуального не замкнулись на истории искусства и иконографии. Неоднозначный подход специалистов к пониманию категории визуального, перцепции и интерпретации визуальных данных, да и непосредственно сама междисциплинарная природа визуальных исследований свидетельствуют об открытости данной проблемной области для всестороннего взаимодействия и взаимообогащения научного инструментария акторов.

Историческая наука не остается в стороне от этого междисциплинарного взаимодействия. Ещё задолго до того как визуальный поворот стал темой для дис-

куссий теоретиков и методологов истории, к области визуального обратились антиковеды, медиевисты и историки раннего Нового времени. Фактически это был вынужденный шаг, обусловленный недостаточной информационной ценностью письменной источниковой базы и, напротив, наличием объемного корпуса вещественных и визуальных источников, в частности археологических и этнических артефактов, произведений искусства, памятников архитектуры и других материально-реализованных результатов целенаправленной человеческой деятельности. На основе теоретических разработок историков искусства, таких как А. Варбург, Э. Панофский и М. Баксданл, были разработаны специальные методы для работы с ними. Однако в других областях исторического знания они не получили широкого признания, там визуальные данные продолжительное время рассматривались исключительно в качестве дополнения к тексту, а не как полноценные исторические источники. Признанию возможности их применения в конкретно-исторических исследованиях предшествовали активные исторические, источниковедческие и археографические дискуссии. Лишь с появлением «новой истории» во второй половине XX в. и последующим методологическим обновлением исторической науки, развитием источниковедения было признано значение не только художественных изображений, но и технически сложной визуальной продукции эпохи модерна – кинофотофонодокументов – в качестве исторических источников. Тем не менее их освоение, как отметил отечественный историк-источниковед В. М. Магидов, «началось практически сразу после появления первых фото, киносъемок и звукозаписей начиная со второй половины XIX в., когда первые исследователи (В. В. Стасов, У. К. Л. Диксон, Б. Матушевский и др.) обратили внимание на историческую значимость документальных свидетельств, созданных с помощью технических средств» [Магидов, 2005, с. 8].

На современном этапе в отечественной исторической науке идёт непрерывающийся процесс поиска, конструирования и совершенствования методов извлечения и интерпретации исторической информации из визуальных источников. Впрочем, отечественные историки «только начинают учиться читать и постигать визуальные тексты» [Белгородская, 2019, с. 102]. Проблематика визуального, в свою очередь, находится в центре внимания как отдельных исторических исследований, так и целых направлений исторической науки и даже научно-исследовательских организаций. К примеру, в середине 2024 г. на базе Центра исторических исследований Высшей школы экономики была открыта Лаборатория визуальной истории, деятельность которой строится вокруг изучения отечественной истории по визуальным источникам XVIII, XIX и XX вв. И, как следствие, в современной историографии происходит наращивание корпуса научных публикаций, выполненных в рамках историко-визуальных исследований.

Вместе с тем неочевидными маркерами, свидетельствующими об усилении интереса к проблематике визуального в исторической науке, являются открытие в высших учебных заведениях магистерских программ по визуальной истории и внедрение в учебные планы исторических направлений подготовки спецкурсов по визуальной истории, визуальной антропологии, визуальной культуре, аудиовизуальным источникам и т.п. Из этого следует, что сущность визуального поворота в исторической науке не исчерпывается введением в научный оборот

нового комплекса исторических источников. Методологический поворот инициирует, как было отмечено ранее, системную трансформацию науки, обновление исторической методологии, открывает новые перспективы для научно-исследовательской работы и «поднимает фундаментальные вопросы о взаимосвязи между реальностью и её репрезентацией, а также о той роли, которую визуальные образы играют в формировании нашего восприятия и понимания истории» [Корж, 2023, с. 27].

В представленной статье мы остановимся на проявлениях визуального поворота в исторической методологии на примере исследований культовой архитектуры. Одна из задач реализуемого нами научного проекта заключалась в проведении визуального анализа религиозной архитектуры Русской Православной церкви в ряде сибирских регионов (Красноярский край, Республика Хакасия, Республика Тыва) и разработку возможных теоретических моделей для ее изучения в русле современной визуальной методологии. Поэтому некоторые из полученных выводов о проблемах визуального поворота в методологии исторических исследований напрямую основаны на опыте реального историко-культурного исследования.

В настоящее время наблюдается заметный рост интереса среди научного сообщества как к конкретно-историческому, так и к культурологическому изучению архитектуры. Причиной этому является интенсивная деятельность по реставрации исторических объектов, исторической застройки в целом и планомерное строительство новых архитектурных объектов. Внимание исследователей привлекают забытые и третируемые ещё недавно стороны архитектурного мышления и деятельности, в своих научных изысканиях они обращаются к «феноменологическим и символическим её аспектам, к темам мифа, культа, ритуала, к проблематике идентичности» [Капустин, 2016, с. 132]. Визуальный поворот значительно расширил возможности изучения памятников архитектуры, поскольку с его наступлением произошло изменение перспективы историко-архитектурных исследований в связи с взаимным сближением исторической науки и урбанистики. Сегодня ведётся научный поиск и активная разработка проблем визуального анализа объектов городского пространства [Немкова, 2022], возможностей рассмотрения объектов культовой архитектуры в качестве визуального кода региональной идентичности [Лызина, 2022], применения современных технологий в проектах по виртуальной реконструкции исторических объектов [Жеребятьев, 2016], использования памятников архитектуры и фрагментов городского ландшафта в качестве полноценных исторических источников [Гончарова, 2015], выявления особенностей формирования религиозного ландшафта [Асочакова, 2018], воссоздания целостного исторического облика культовых сооружений [Дворецкая, 2020], методологических и методических аспектов изучения исторического городского ландшафта [Бородкин, 2019].

Культовая архитектура является неотъемлемой частью культурного (религиозного) ландшафта России. В Приенисейской Сибири расположено большое количество культовых памятников Русской Православной церкви. Некоторые из них включены в перечень объектов историко-культурного наследия федерального (общероссийского) и регионального значения: Воскресенская церковь в Ени-

сейске (1750 г.); Церковь Покрова в Красноярске (1795 г.); Церковь Петра и Павла в Ужуре (1824 г.); Церковь Сретения Господня в Минусинске (1864–1866 гг.) и др. В то же время примечательно, что сооружения с таким статусом были выявлены и поставлены на учет только в Красноярском крае, а вот в реестрах историко-культурного наследия Республики Хакасия и Республики Тыва по состоянию на первую половину 2024 г. не значится ни один архитектурный объект православной веры. Основное внимание региональных служб по выявлению и сохранению памятников историко-культурного наследия в этих национальных республиках сосредоточено на многочисленных объектах археологии. В философском и культурологическом отношении может представлять интерес причина столь дифференцированного подхода специалистов разных регионов к изучению особенностей, восприятию и интерпретации культовой архитектуры, в то время как сами территории Хакасии, Тувы и юга Красноярского края в определенном смысле представляют собой историко-культурное единство. Очевидно, что каждый человек, и работник сферы охраны памятников здесь не исключение, визуально воспринимает и чувственно взаимодействует с окружающим его миром через призму своего личного опыта, накопленных знаний, культурного багажа и, несомненно, системы ценностных ориентаций. Из-за субъективности визуализации культовая архитектура становится своеобразным зеркалом, в котором находят отражение все перечисленные выше факторы, вследствие чего многие её детали, важные для одного, становятся бессмысленными и просто невидимыми для другого. В этом смысле и подход к определению историко-культурного наследия субъективен: для специалистов одного региона история и эстетика православной культовой архитектуры представляет первостепенный интерес, в другой же локации она теряется на фоне иных объектов, являющихся неотъемлемой частью системы ценностей, и рассматривается только как место религиозной практики определенной конфессии.

Охраняемый историко-культурный объект, как отмечают урбанисты, зачастую располагается между разновременными постройками, не привлекающими к себе внимание, и «чтобы воспринять памятник в соответствии с периодом создания, нужна мысленная реставрация всех условий его возникновения» [Берньюкевич, 2021, с. 215]. Этой «реставрации» способствует интеграция в научный инструментарий исторической науки новых типов исторических источников и современных технологий – методов цифрового моделирования, виртуальной реконструкции, визуализации и репрезентации данных. Перечисленные методы в отечественной исторической науке получили широкое развитие в рамках научно-исследовательской деятельности представителей исторической информатики и, несомненно, расширения исследовательского поля междисциплинарной *digital humanities* (цифровой гуманитаристики). Фактически с помощью современных технологий архитектурные памятники прошлого и фрагменты исторического ландшафта могут получить «вторую жизнь», а аудитория – возможность наглядного приобщения к историко-культурному наследию в соответствии с виртуально воссозданной пространственно-городской средой и подробно смоделированным ретроспективным контекстом (особенности возможностей применения технологий и методов многомерного моделирования и их востребованность в истори-

ческой науке подробно охарактеризованы в монографии digital-историка Юлии Юмашевой «Источниковедение информационной эпохи» [Юмашева, 2024]).

Влияние технического аспекта на историческую методологию исследований культовой архитектуры весьма велико, но будет ошибочным сводить к нему все её трансформации и обновления. Необходимо также остановиться и на вопросе исторического восприятия. Рассуждая о живописи эпохи Ренессанса, английский историк искусства М. Баксдалл весьма удачно определил изображение как «отчет о визуальной деятельности» [Баксдалл, 2019, с. 202]. Архитектура, по своей сути, также представляет собой отчет о визуальной деятельности, который необходимо воспринимать не просто как материальную сущность, привязанную к какой-либо культуре, эстетике или другой категории, но и как текст, который необходимо учиться читать и интерпретировать. Культовая архитектура, в частности, выполняет не только функцию места религиозной практики, но и транслирует закодированные в её форму определенные идеи и идеалы. Наряду с этим формируя религиозное пространство, она оказывает духовное, культурное и эстетическое влияние на окружающих. Этому способствует и особое расположение культовой архитектуры в пространстве конкретного локуса: как правило, на возвышенности в центре населенного пункта, что превращает её в яркую визуальную доминанту, которая, будучи объектом визуального восприятия, участвует в формировании зрительного опыта и на чувственном уровне взаимодействует с телом субъекта восприятия. Из этого следует, что культовую архитектуру возможно рассматривать в качестве наполненного культурными символами и значениями «визуального нарратива».

В связи с этим приобретает смысл рассмотрение культовой архитектуры в качестве «визуального кода» региональной идентичности, одним из ключевых факторов формирования которой, несомненно, является история. Изучение архитектуры в данном ключе требует от историка поиска и выделения тех визуальных аспектов, которые подтверждают своеобразие и уникальность местной архитектуры и обоснования её причинности. Для этого необходимо изучение и сравнение истории, этапов формирования культурного ландшафта и развития архитектурных традиций регионов – центра и провинции, а также выявление общих (норм) и уникальных (аномалий) черт, присущих культовой архитектуре. В частности, православный канон и утвержденные им правила сооружения культовых построек могут рассматриваться как норма, а региональные особенности архитектуры, обусловленные различными факторами (климатические условия, строительные материалы, уникальные локальные решения архитекторов, цеховые традиции и т.п.), могут рассматриваться в качестве аномалий. Отход от нормы создает визуальную узнаваемость и подчеркивает самобытность региональной культовой архитектуры, тем самым транслирует информацию о культурной, социальной и религиозной жизни местных сообществ, делая их неотъемлемой частью региональной идентичности. Например, характеризуя исторические этапы развития культовой архитектуры в Приенисейской Сибири, региональные историки нередко пишут о складывании енисейской школы «сибирской архитектуры, в которой нашла отражение эстетика „низового“ барокко» (см.: [Дворецкая, 2018]). Проведение анализа культовой архитектуры региона как визуального кода

региональной идентичности остаётся перспективным, но требует от исследователя выделения визуальных и ментальных факторов (подобный подход, в частности, используется в статье российского дизайнера и историка архитектуры Анны Лызиной «Культовая архитектура Пензенской области как визуальный код местной идентичности» [Лызина, 2022]).

Проведенный нами анализ культовой архитектуры Русской Православной церкви в Приенисейской Сибири открывает перспективы для её изучения в нескольких аспектах. Во-первых, как полноценного исторического источника, представляющего собой отчёт о визуальной деятельности и отражающего определённые исторические процессы, происходившие на данной территории: государственное и духовное освоение Сибири, градостроительство, храмостроительство, миграцию, взаимодействие переселенцев с местным населением и т.д. Во-вторых, как потенциального объекта многомерного исторического моделирования, для которого необходимы реставрация всех условий его возникновения и источниковедческий поиск наиболее ранних свидетельств, фиксирующих его первоначальный облик и расположение в пространстве локуса относительно других сооружений. В-третьих, как «визуального кода» региональной идентичности, требующего выявления уникальных аномалий, присущих местной культовой архитектуре, и научного обоснования их причин.

На наш взгляд, современное историческое исследование культовой архитектуры должно стремиться к восстановлению всех недостающих звеньев в цепи: проведению комплексного изучения условий и обстоятельств создания памятника и его бытования во времени и пространстве; отбору, систематизации и верификации связанных с ним исторических источников (как письменных, так и визуальных); всесторонней характеристике культурного контекста и эстетической стороны вопроса; полевым исследованиям; историческому моделированию и сравнению полученных разными способами результатов.

Как известно, телесность и визуальность неразрывно связаны, поэтому особенно интересным, по нашему мнению, является изучение телесного взаимодействия с архитектурой. Иметь чувство зрения, как выразился французский философ М. Мерло-Понти, значит «владеть универсальным аппаратом, этой типичной схемой возможных визуальных связей, при помощи которых мы способны осознать любые визуальные данные. Иметь тело – значит владеть универсальным аппаратом, типичной схемой всех перцептивных движений и интерсенсорных соотношений, которые лежат по ту сторону действительно воспринимаемого нами сегмента мира» [Мерло-Понти, 1999, с. 418]. Попытки исследования того, как и каким образом происходило взаимодействие архитектуры с телом и обществом в целом, какие этот контакт вызывал чувства, эмоции и ассоциации в разные периоды существования объекта, изучить с позиции классической исторической методологии практически невозможно. Их можно только предположить на основании тех редких исторических источников, в которых эти чувственные данные могли быть зафиксированы. Преодолеть эту трансцендентную границу, которая выходит за пределы словесного описания, в исторической науке призывает обращение к телесности, чувственным и визуальным образам.

С нашей точки зрения, использование визуальной методологии и ландшафтного анализа для проведения конкретных исторических исследований позволяет задействовать в неожиданной для них области методы феноменологии телесности и телесных практик и тем самым обогатить арсенал современной философии и методологии истории.

Подводя итоги, следует отметить, что история как наука сохраняет свои традиционные черты и остается дисциплиной, сконцентрированной главным образом на тексте, а письменные исторические источники по праву занимают центральное место в процессе историописания. Вместе с тем современная историческая методология не является закрытой от междисциплинарного взаимодействия, и тем более не пребывает в состоянии стагнации. Наблюдаемое усиление интереса со стороны профессионального исторического сообщества к различным аспектам визуальной культуры не могло не отразиться на методологическом аппарате науки. Вследствие этого можно утверждать, что визуальный поворот на современном этапе развития исторической науки играет одну из ключевых ролей в формировании новых парадигм исторического знания. Историческое исследование культовой архитектуры в русле визуальной методологии, в частности, требует от историка выхода за пределы существующих методов сбора, анализа и интерпретации исторической информации. В связи с этим целесообразным представляется структурированная разработка упомянутой выше категории визуального нарратива как формы исторической коммуникации (медиатора), выраженной с помощью визуального языка.

Список литературы

- Асочакова В. Н.** Формирование религиозного ландшафта Хакасии в XVIII–XIX веке: к истории православных храмов // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2019. № 4 (38). С. 75–79.
- Баксандалл М.** Живопись и опыт Италии XV века: введение в социальную историю живописного стиля. М.: VAC Press, 2019.
- Белгородская Л. В.** Смыслы и скрытые подтексты визуальных исторических источников. Красноярск: Изд-во СФУ, 2019.
- Бернюкевич Т. В.** Философские и социокультурные проблемы развития города. М.: МИСИ–МГСУ, 2021.
- Бородкин Л. И.** О виртуальной реконструкции исторического городского ландшафта Белого города // Историческая информатика. 2019. № 4 (30). С. 90–96.
- Гончарова Е. З.** Архитектура как визуальный источник в исследовании городских сообществ Сибири (на примере жилых домов евреев-предпринимателей г. Красноярска на рубеже XIX–XX вв.) // Россия и АТР. 2015. № 1 (87). С. 162–179.
- Дворецкая А. П.** Православная церковь и население Приенисейской Сибири. 1700–1919 гг. Красноярск: Изд-во СФУ, 2018.
- Дворецкая А. П.** Облик енисейских храмов во второй половине XIX – начале XX в. // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4, № 2. С. 10–22.

- Жеребятъев Д. И.** О применении технологий дополненной реальности в проектах по виртуальной реконструкции городского пространства и монастырских комплексов // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2016. № 45. С. 108–110.
- Капустин П. В.** Историческая роль культовой архитектуры // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. 2016. Т. 4, № 3(23). С. 126–133.
- Корж В. Г.** Историческая наука и визуальный поворот: особенности восприятия // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21, № 2. С. 26–35.
- Лызина А. Г.** Культовая архитектура Пензенской области как визуальный код местной идентичности // Градостроительство и архитектура. 2022. Т. 12, № (47). С. 77–82.
- Магидов В. М.** Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М.: Изд-во РГГУ, 2005.
- Мерло-Понти М.** Феноменология восприятия. СПб.: Ювента, 1999.
- Немкова Е. Ю.** Фотографии и симуляции в городском пространстве // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 4. С. 37–45.
- Юмашева Ю. Ю.** Источниковедение информационной эпохи. М.: Директ-Медиа, 2024.

References

- Asochakova V. N.** The Formation of the religious landscape of Khakassia in the XVIII–XIX century: on the History of Orthodox Churches // Issues of Social-Economic Development of Siberia. 2019. No. 4 (38). P. 75–79. (in Russian).
- Baksandall M.** Painting and the experience of Italy in the XV century: an introduction to the social history of the pictorial style. Moscow: VAC Press, 2019. (in Russian).
- Belgorodskaya L. V.** Meanings and hidden subtexts of visual historical sources. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2019. (in Russian).
- Bernyukevich T. V.** Philosophical and socio-cultural problems of urban development. Moscow: MISI–MGSU, 2021. (in Russian).
- Borodkin L. I.** About the virtual reconstruction of the historical urban landscape of the White City // Historical Informatics. 2019. No. 4 (30). P. 90–96. (in Russian).
- Dvoreckaya A. P.** The Orthodox Church and the population of Yenisei Siberia. 1700–1919. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2018. (in Russian).
- Dvoreckaya A. P.** The appearance of the Yenisei temples in the second half of the XIX – early XX century // Siberian Journal of Anthropology. 2020. Vol. 4, No. 2. P. 10–22. (in Russian).
- Goncharova E. Z.** Architecture as a Visual Source in Research of Siberian Town Communities (on the example of houses of Jewish businessmen in Krasnoyarsk at the turn of the 19th–20th century). // Russia and the Pacific. 2015. No. 1(87). P. 162–179. (in Russian).
- Kapustin P. V.** The historical role of sacral architecture // Current Directions of Scientific Research of the XXI Century: Theory and Practice. 2016. Vol. 4, No. 3 (23). P. 126–133. (in Russian).
- Korzh V. G.** Historical science and the visual turn: features of perception. // Siberian Journal of Philosophy. 2023. Vol. 21, No. 2, P. 26–35. (in Russian).

- Lyzina A. G.** Religious architecture of the penza region as a visual code of local // Urban Construction and Architecture. 2022. Vol. 12, No. 2 (47). P. 77–82. (in Russian).
- Magidov V. M.** Kinofotofonodokumenty in the context of historical knowledge. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2005. (in Russian).
- Merlo-Ponti M.** Phenomenology of Perception SPb.: Yuventa, 1999. (in Russian)
- Nemkova E. Yu.** Photos and simulations in urban space. // Siberian Journal of Philosophy. 2022. Vol. 20, No. 4. P. 37–45. (in Russian).
- Zherebyat'ev D. I.** On the application of augmented reality technologies in projects for the virtual reconstruction of urban space and monastery complexes // Historical Information Systems. 2016. No. 45. P. 108–110. (in Russian).
- Yumasheva Yu. Yu.** Source Studies of the Information Age. Moscow: Direkt-Media, 2024. (in Russian).

Информация об авторе

Виктор Геннадьевич Корж

аспирант, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова

Information about the Author

Victor G. Korzh

postgraduate student, Khakass State University

*Статья поступила в редколлегию 04.12.2024;
одобрена после рецензирования 24.02.2025; принята к публикации 27.02.2025.*

*The article was submitted 04.12.2024;
approved after reviewing 24.02.2025; accepted for publication 27.02.2025*

Научная статья

УДК 304.2

DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-4-35-45

Массовое общество как основа социального нарциссизма

Александр Юрьевич Бродников

Институт философии РАН

Москва, Россия

alexanderbrodnikov@yandex.ru, ORCID: 0009-0009-8613-0984

Аннотация

В настоящее время все больше исследователей в области философии подчеркивают, что современный социум является нарциссическим. Принято считать, что подобная трансформация общества произошла после Второй мировой войны, когда среднестатистический человек разочаровался в идеалах модерна и закрылся в себе, не желая более активно участвовать в общественной жизни. Распространенность такой жизненной стратегии позволила назвать современную эпоху нарциссической. Однако, посмотрев на предыдущие времена, можно увидеть, что подобная трансформация человека началась еще до сороковых годов XX века, фундамент подобного общественного уклада был заложен еще в начале прошлого столетия. Ознакомившись с трудами философов тех времен, становится понятно, что основой подобного общества является массовость, о разрастании которой активно писали в XX веке. Данная статья ставит перед собой попытку продемонстрировать влияние массового общества на зарождения нарциссизма. В работе описываются характеристики массовости, демонстрируется, что именно такой общественный уклад мог стать той основой, на которой в дальнейшем и будет построено нарциссическое общество, описываемое в трудах современных философов.

Ключевые слова

масса, нарциссизм, общество, социум, эгоцентризм

Для цитирования

Бродников А. Ю. Массовое общество как основа социального нарциссизма // Сибирский философский журнал. 2024. Том 22, № 4. С. 35–45. DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-4-35-45

Mass society as the basis of social narcissism

Alexander Y. Brodnikov

Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences,

Moscow, Russian Federation

alexanderbrodnikov@yandex.ru, ORCID: 0009-0009-8613-0984

© Бродников А. Ю., 2024

Abstract

Currently, more and more researchers in the field of philosophy emphasize that modern society is narcissistic. It is generally accepted that such transformation of society occurred after the Second World War, when the average person became disillusioned with the ideals of modernism and withdrew into himself, not wanting to participate more actively in public life. The prevalence of such life strategy allowed us to call the modern era narcissistic. However, looking at previous times, we can see that such a transformation of man began even before the forties of the twentieth century and the foundation of such social order was laid at the beginning of the last century. Having familiarized ourselves with the works of philosophers of those times, it becomes clear that the basis of such society is mass character, the growth of which was actively written about in the twentieth century. This article attempts to demonstrate the influence of mass society on the emergence of narcissism. The work describes the characteristics of mass character, demonstrating that it was precisely this social order that could become the foundation on which the narcissistic society described in the works of modern philosophers would be built in the future.

Keywords

mass, narcissism, society, social medium, egocentrism

For citation

Brodnikov A. Yu. Mass society as the basis of social narcissism. *Siberian Journal of Philosophy*, 2024, vol. 22, no. 4, p. 35–45 (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-4-35-45

Введение

Авторы, рассматривающие вопрос о массовом нарциссизме, отмечают множество факторов, которые могли повлиять на развитие этого явления в современном обществе. В своих трудах они обсуждают огромное количество частных случаев, провоцирующих в человеке желание посвящать свою жизнь исключительно своей личности и заботиться только о себе. Среди них выделяется: разрастание общества потребления, развитие социальных сетей (где каждый может создать свой идеальный образ и демонстрировать своего цифрового двойника другим), развитие психотерапевтических практик (культивирующих самопознание и легитимизирующих повышенное внимание к себе) и т.д. Все это описано довольно подробно, однако одна из главных причин развития нарциссизма – массовое общество – не всегда получает должное внимание в трудах современных авторов.

Одним из значимых философов для этой темы, провозгласивших то, что современное общество стало нарциссическим, является Кристофер Лэш. Во введении к своей книге он отмечал тот факт, что в настоящее время социум как будто изолирован от истории. Современный человек в таком обществе не интересуется своим прошлым и будущим, его интересует только настоящее, в котором он стремится к удовлетворению своих потребностей. По мнению Лэша, кризис современного общества состоит в том, что в нем происходит отрицание своего прошлого, в связи с чем оно не может смотреть в будущее, уделяя повышенное внимание исключительно настоящему (см.: [Lasch, 1979, p. xviii]). Такие характеристики свойственны для массового общества, и как можно увидеть, Лэш не отрицает тот факт, что именно в нем и проявляется себя массовый нарциссизм. Тем не менее, более подробно связь массового общества и нарциссизма в работе Лэша не раскрывается. В ней он уделяет внимание другим вопросам, например: процессу постепенного смещения буржуазии с ведущих позиций в обществе и ее замене на менеджеров, новую элиту второй половины XX века, проповедующую гедонистический образ

жизни; влиянию корпораций на человека; семейным проблемам, ведущим к развитию в людях нарциссизма и т.д. Эти темы невероятно важны для понимания данного явления, тем не менее в своей книге Лэш не уделяет достаточного внимания массовому обществу, которое, вероятно, является фундаментом для всех тех общественных изменений, проанализированных им в своей работе.

Другим автором, в трудах которого также встречаются размышления, касающиеся массового нарциссизма, был Жан Бодрийяр. В работе «В тени молчаливого большинства» он отмечает, что те процессы, которые мы наблюдаем в современном обществе, могут свидетельствовать о его массовости. Бодрийяр снова выделяет то, что такое общество изолировано от истории, а помимо этого отмечает, что «массы свободны от своих символических обязанностей» и «не имеют социологической реальности» [Бодрийяр, 2000, с. 10]. Как можно заметить, французский философ также опирается на то, что современное общество является массовым. На этой основе им были проанализированы различные социальные явления, а что самое важное, он также учитывал то, что в современном обществе потребления и преобладания гиперреальности над реальностью огромную роль играет нарциссическая личность. Такую характеристику он дает современному человеку в ряде своих трудов, и индивид с подобными чертами характера довольно органично вписывается в его философскую систему, что еще раз позволяет предположить, что массовое общество влияет на зарождение в современном человеке именно такого характера. Но также стоит учесть и то, что Бодрийяр не уделяет этому вопросу достаточно внимания и не раскрывает его более подробно.

Другой современный автор, Славой Жижек, также обращает свое внимание на данный вопрос. В работе «Метафазы удовольствия» он пишет о том, что образование масс происходит благодаря деиндивидуализации человека. В подобном обществе индивид не является отдельной личностью, он практически полностью зависит от массового сознания, массовых желаний и от других людей в целом. В итоге, являясь частью массового общества, человек теряет свое «Я», чем «укрепляет нарциссизм и его коллективные производные» [Жижек, 2016, с. 32]. В данном случае вновь можно убедиться в том, что массовость влияет на распространение нарциссизма в социуме. Тем не менее, данная тема вновь не получает своего развития, и словенский философ не раскрывает ее.

В данной статье предпринята попытка более подробно осветить характеристики массового общества, место и роль человека в нем и постараться понять, почему же именно в таком социуме нарциссизм проявляет себя столь ярко и становится не частным, а общественным явлением.

Массовое общество

Многие философы конца XIX – начала XX века отмечали факт изменений в европейском обществе. В Античности, Средневековье, в самом начале Нового времени можно было увидеть огромные культурные различия между странами, каждая из которых имела свои неповторимые особенности, что качественно отличало одну страну от другой. Кроме того, различие можно было наблюдать и между разными классами людей (ремесленниками, аристократией, торговцами

и т.д.). У каждого сообщества наблюдались определенные отличия друг от друга, каждое имело свои нормы, правила и в целом отличалось своим жизненным стилем от другого сообщества. Однако в какой-то момент все больше мыслителей стали описывать в своих трудах совершенно иное общество, более однообразное. Подобное положение дел было замечено российским философом Константином Леонтьевым еще в XIX веке. Проанализировав работы Абу, Бокля, Шлоссера, он пришел к выводу, что каждый из них при описании будущего общества опирался на то, что лучшим человеком стоит считать не монарха или рыцаря, а именно европейского буржуа. С точки зрения Леонтьева это абсолютно средний человек, который гораздо «менее эстетичен, менее героичен, менее выразителен» [Леонтьев, 1912, с. 62–63]. Несмотря на довольно критический взгляд российского философа на данный социальный класс, многие мыслители считали, что буржуа должен стать тем человеком, который составит фундамент идеального европейского общества будущего.

Мнение Леонтьева довольно хорошо показывает, как философы того времени желали привести общество к определенному однообразию. Как раз это и отличает массовое общество от обществ предыдущих лет. В нем каждый человек становится похож на другого и мало чем отличается от окружающих его людей. Кроме того, Леонтьев подчеркнул еще одну важную особенность, которую отметил в своей работе «Византизм и славянство» 1875 года. Им был замечен факт того, что эпоха рыцарства и германского феодализма заложила основу «чрезмерного самоуважения». Переняв это качество, буржуазия «произвела демократическую революцию и породила все эти нынешние фразы о беспредельных правах лица, а потом, дойдя до нижних слоев западного общества, сделала из всякого поденщика и сапожника существо, исковерканное нервным чувством собственного достоинства» [Леонтьев, 2014, с. 4–5].

Стоит отметить тот факт, что в то время термин нарциссизм еще не применялся к целому обществу и не был так распространен среди философов. Возможно, именно из-за этого в этом тексте среднестатистического человека и социум в целом не именуют этим термином. Однако если посмотреть на ту характеристику, которая была дана Леонтьевым для среднего буржуа, можно сказать о том, что он уже тогда заметил развитие в людях таких характерологических черт, которые свойственны нарциссической личностной структуре. А учитывая то, что весь социум так или иначе должен состоять из буржуа, можно предположить, что в дальнейшем это приведет к тому, что данные личностные качества будут присутствовать в характере многих людей.

Еще одним важным мыслителем, отметившим растущее сходство людей друг с другом, можно назвать Мартина Хайдеггера. В его работе «Бытие и время» (1927) он также заметил разрастающуюся усредненность людей и предположил, что современный человек находится в бытии-с-другими, в котором «полностью растворяет свое присутствие всякий раз в способе бытия “других”, а именно так, что другие в их различительности и выраженности еще больше исчезают» [Хайдеггер, 2015, с. 126]. В подобном обществе любое превосходство подавляется, любая оригинальность сглаживается, тем самым такое общество становится все более усредненным (см.: [Там же, с. 127]). В этом социуме гораздо ярче можно уви-

деть то, как через «молву, слухи, толки» Dasein получает усредненное представление о себе, а кроме того, определяет других людей, тем самым только усиливая усреднение. В этом случае мы можем говорить о том, что оторванный от своего собственного бытия, Dasein всегда получает представление о себе от других, тем самым теряя свою оригинальность, и довольствуется лишь «маской», усредняющей его через слова и мнения окружающих его людей (см.: [Фалёв, 2018, с. 46–47]). Немецкий философ сделал довольно важное замечание по поводу устройства общества и вновь отметил его массовость и способ ее формирования. Стоит отметить, что если каждый человек определяется другим, видит в себе то, что ему было донесено от социума, то таким образом ему могут быть навязаны определенные черты характера и способы поведения в некоторых ситуациях, которые будут идентичны для каждого члена общества. Учитывая массовость этих процессов, можно предположить, что нарциссические черты характера могут распространяться гораздо активнее в таком социуме, чем ранее.

Можно сказать о том, что любое общество во все времена именно таким образом формировало личность человека. Развиваясь в определенном социуме, человек приобретает специфическое видение мира, привычки, культурные особенности и т.д. Все это делает людей немного похожими друг на друга. Однако в случае массового общества речь идет о совершенно другом процессе. Этот момент довольно подробно описал испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет в своей работе «Восстание масс» (1930). Он считает, что масса – это не огромная толпа людей, а специфическая психологическая характеристика каждого индивида, который является частью сообщества. Такой человек ощущает себя таким же «как и все», при этом он доволен собственной неотличимостью от других (см.: [Ортега-и-Гассет, 2020, с. 7–8]). Если ранее человек некритически перенимал черты сообщества, которому принадлежал (например, аристократические или военные традиции), воспринимая сложившийся порядок как естественный, то современный человек массы, рационально оценив свое положение, сознательно выбирает удовлетворяться именно похожестью себя на других и не желает как-то выделяться из массы.

Подобный человек, с точки зрения испанского философа, мог появиться из-за определенных общественных изменений, начавшихся в XIX веке, а затем усилившихся в веке XX. Одной из причин можно назвать рост благосостояния. Рост уровня жизни среднестатистического человека ведет к постоянному желанию получать больше материальных благ, а вместе с этим появляется ощущение полного отсутствия жизненных преград. Социальные барьеры, которые были ранее (классы, касты, сословия и т.д.), были попорчены, что изменило гражданский и моральный аспект. Человек в подобном обществе с рождения практически не встречает преград. Ни у кого нет гражданских привилегий, провозглашена свобода, и никто более не стеснен жесткими рамками своего класса, из которого в предыдущие эпохи выбраться было невероятно сложно и который ограничивал человека во многих аспектах жизни (см.: [Там же, с. 52–53]). Таким образом, Ортега приходит к выводу, что человека массы характеризуют две ярко выраженные черты, а именно: «рост жизненных запросов и безудержная экспансия собственной натуры», а также «врожденная неблагодарность ко всему, что сумело облег-

чить ему жизнь» [Ортега-и-Гассет, 2020, с. 56]. Эти характеристики очень похожи на нарциссическое поведение, которое можно увидеть еще в раннем детстве, когда человек ставит свое Я в приоритет и отрицает влияние на него других людей (см.: [Боллас, 2023, с. 36]). Во взрослом возрасте такое поведение может сохраниться, что зачастую приводит к сходству нарциссичного человека с ребенком. Именно такую характеристику и дает Ортега среднему представителю социума начала XX века. Такой человек практически с самого рождения не испытывает какого-либо серьезного давления на себя, что может привести его к вере в то, что существует только он и ему не нужно с кем-то считаться и самое главное – «никого не считать лучше себя» [Ортега-и-Гассет, 2020, с. 57]. Испанский мыслитель называет это «закупоркой души». В таком состоянии человек начинает считать себя завершенным, целостным, не требующим работы над собой. В своих глазах он прекрасен, ведь он попросту не может выйти из своего «кокона», сравнить себя с другими и увидеть свою ограниченность. Можно сказать, он просто неспособен на это, так как не может покинуть «убежище», которое сам создал для себя (см.: [Там же, с. 68]).

Как можно увидеть, Ортега не только дал подробную характеристику общества XX века, но также описал характерные черты среднестатистического человека того времени, что довольно важно в контексте данной работы и в понимании массового общества в принципе. С точки зрения Габриэля Марселя, то, что описывал испанский философ, полностью соответствует понятию «Мал» в философии Хайдеггера (см.: [Марсель, 2018, с. 109]). В работе Ортеги те наблюдения, которые можно было увидеть в книге «Бытие и время», описаны более подробно, тем самым он смог продемонстрировать озабоченность собой и своими интересами у человека того времени и внес некоторые дополнения в размышления предыдущего автора, касающиеся массовости общества. В своей работе он не называл такого индивида нарциссом (или нарциссической личностью), тем не менее, та характеристика, которая была дана им, весьма удачно подходит под данное определение. Нарциссичный человек зачастую действительно считает себя лучше других, стремится обольстить окружающих и всегда быть в центре внимания. Подобную характеристику философ дает и среднестатистическому представителю массового общества. Подобное изменение в социуме и личности человека отметил не только Ортега, но и другие философы, пытающиеся осмыслить данный феномен.

Следующей работой, затрагивающей тему массового общества, была книга Карла Ясперса «Духовная ситуация времени» (1931). В данном труде читатель вновь не сможет встретить такое определение, как нарциссизм. Тем не менее, процессы и черты характера человека, описанные Ясперсом, снова подходят на то, что в современном гуманитарном знании именуется этим термином. Ясперс отметил довольно важный момент, касающийся закрытости человека от трансцендентности. В такой обстановке человек становится зависим сам от себя, так как все высшее в подобном обществе (то, что может помочь ему познать самого себя) больше ему недоступно, и в такой ситуации он должен опираться только на свое Я (см.: [Ясперс, 2013, с. 200]). Это еще больше увеличивает его эгоцентризм и ведет к отчуждению от других. В такой ситуации познание себя, достижение каких-либо целей практически полностью невозможно произвести теми путями,

которые использовались ранее (через трансцендентное). Для Ясперса единственный способ добиться успеха в настоящее время – реализовывать некоторые желания масс, в душе которых есть «потребность в восхищении» и которые способны моментально дать человеку то внимание и славу, которую он хочет получить (см.: [Там же, с. 238–239]). Потребность восхищать других, быть в центре внимания довольно хорошо характеризуют нарциссическое стремление. Утверждение себя не через трансценденцию, а через ближайшего человека было описано Хайдеггером, а замечания Ясперса только подтверждают этот факт и добавляют к нему то, что человек не только определяет себя и других через ближнего, но и способен моментально возвысить свою персону или персону другого человека. В этом случае можно увидеть, как стремление к славе и механизм масс по возвеличиванию какого-либо человека довольно хорошо взаимодействуют друг с другом. Тем не менее, в этом процессе есть одна важная проблема. В подобном обществе, где невозможно познать свое Я через трансценденцию, образование и т.д., человек теряет свое настоящее Я и таким образом еще больше замыкается в себе и теряет свою индивидуальность. Закрытость личности от других – еще одна важная черта, характеризующая нарцисса. Эта характеристика человека XX века была замечена всеми вышеприведенными авторами, а свое дальнейшее развитие получила в работе Николая Бердяева «Я и мир объектов» (1934).

Российский философ отметил, что в современном обществе человек действительно сталкивается с определенными трудностями в познании себя. Бердяев пишет о том, что настоящее Я может быть познано исключительно через другое Я, отличное от него самого. Когда Я способно выходить к «ты», к другому человеку, к Божьему миру», оно способно к трансценденции себя. Погружаясь в эгоцентризм, человек закрывается в себе и более не способен познать самого себя, что ведет его к одиночеству (см.: [Бердяев, 2023, с. 53]). Подобное одиночество довольно часто можно увидеть именно в обществе, в котором человек взаимодействует с другими объектами. Настоящая личность возможна только в том социуме, в котором существует другое «я», в котором можно отразиться, понять себя и утвердить свое существование. Однако, опираясь на предыдущий материал, можно понять, что массовое общество не предоставляет человеку такой возможности. В таком социуме человек никогда не может разглядеть себя настоящего в другом, так как он полностью определен другими. Именно из-за этого в таком сообществе и будет распространен нарциссизм. Для Бердяева нарциссизм – это не столько желание увидеть свое отражение в воде (как это было в мифе), для него это состояние, когда «я» хочет отразиться не в зеркале, не в воде, а в другом «я», в «ты», в общении». «Я» стремится, чтобы другой увидел его настоящим. Нарциссизм, таким образом, является следствием неудачной любви. Не получив то, что человек желал получить от объекта, он закрывается в себе и больше не выходит к другим (см.: [Там же, с. 56]). В итоге индивид замыкается в своем эгоцентризме, тем самым укрепляя собственное нарциссическое состояние.

Следующим автором, обратившим внимание на разрастание массового общества и роли человека в нем, можно назвать персоналиста Эммануэля Мунье, который затронул этот вопрос в ряде своих трудов. В своей книге «Персоналистская и общностная революция» (1935) он отметил факт того, что современная

культура начала XX века находится в огромном упадке. Как раз по этой причине массы (или безличностные общества) и вышли на первый план, так как именно во времена социальных катастроф и коррозии культуры они обретают свою силу. В подобном обществе человек является обезличенным, подавленным с помощью административно-экономической машины, партий, которые превратили людей в «мелкобуржуазную посредственность», неспособную восстать против подобного общественного строя [Мунье, 1999б, с. 76–77]. Несмотря на массовость данного общества, человек в нем будет являться индивидом, «бродягой-одиначкой», у него не будет прошлого и будущего, отношение к другому человеку он воспринимает как «гнусное принуждение», единственная его ценность – «собственное самоутверждение», все остальное он попросту отрицает с помощью логики и идеологических установок данного социума (см.: [Там же, с. 42]).

Для Мунье индивид «это – неопределенный, непостоянный образ, создаваемый многократной сменой различных персонажей, в которые я погружен, внутри которых я распыляюсь и ускользаю от себя». В отличие от личности (которая имеет целостность и способность любить других), индивид имеет неустойчивую структуру, он распылен, что не беспокоит его, а наоборот, он ощущает «кровосмесительную любовь к своим собственным особенностям», что еще больше изолирует его от других и от самого себя (см.: [Мунье, 1999б, с. 57–58]). Все это довольно похоже на то, что принято называть нарциссизмом, а так как все общество (с точки зрения Мунье) было подвержено этому состоянию в 1930-е годы, то он делает вывод о том, что каждый из таких людей, стремящийся укрепиться в своем одиночестве, демонстрирует «замаскированный нарциссизм», который способствует его адаптации в социуме (см.: [Там же, с. 67]). Кратко обрисовав точку зрения Мунье об отличии индивида (типичного представителя массового общества) от личности, становится понятно, что эти две структуры совершенно различны. Если личность характеризуется открытостью миру, людям и деятельности, то массовый человек закрыт в себе и не желает сделать шаг навстречу людям и миру в целом, что, в свою очередь, эквивалентно нарциссизму.

В своей следующей работе «Что такое персонализм?» (1947) Мунье дополнит свои представления о человеке того времени и заметит тот факт, что среднестатистический индивид чересчур сильно беспокоится о своей «чистоте». Под этим термином он понимает особую манию совершенства, стремление все идеализировать. Это очень мешает не только во взаимоотношениях с другими людьми, но и в профессиональной сфере (или деятельности вообще). Из-за завышенных требований к своей деятельности современный человек попросту отказывается работать в принципе, так как боится, что результат его труда будет несовершенным. В конечном итоге это еще больше уводит его от мира и заставляет закрыться в себе (см.: [Мунье, 1994, с. 20–21]). Подобное нежелание к действию философ связывает с индивидуальной психологией человека и с его личностными притязаниями. Стремление не ошибаться, быть непогрешимым напрямую связано с его личным интересом стремления к совершенству. Подобная забота о себе опирается на древние человеческие стремления к самосохранению и желанию быть безупречным (см.: [Там же, с. 23]). Все это помогает индивиду уравнивать свое психологическое состояние, которое страдает в этом расшатанном и неста-

бильном мире. Таким образом, с точки зрения Мунье, современный нарциссизм отстраняет индивида от деятельности, тем самым порождая бунт против Бога, давшего человеку возможность действовать и наградившего его талантом, который он стремится развивать (см.: [Там же, с. 35–36]).

Рисуя образ массового общества 1930–1940-х гг., Мунье делает вывод о том, что оно буквально захвачено эгоцентричными индивидами, которые закрываются в себе, не могут обратить свой взгляд на окружающих людей и реализовать себя в какой-либо деятельности. Вместо того чтобы развивать свои таланты и быть открытым для межличностных отношений, человек начинает заботиться о том, как он выглядит в глазах окружающих. Единственная значимая цель – культивирование собственного образа. Современный нарцисс подменяет святость и героизм (характерный для личности) чванливостью и стремлением к успеху. Помимо этого «духовность сводится к суетливому беспокойству, любовь – к эротике, ум – к поверхностному остроумию и т.д.» [Мунье, 1999а, с. 492–493]. Другими словами, человек становится более поверхностным, стремящимся исключительно к своему удовольствию, что ведет его к замыканию в самом себе, а, следовательно, и к нарциссизму.

Заключение

Отметим ключевые моменты, которые позволяют говорить о значимости массового общества в развитии общественного нарциссизма. Если обратиться к трудам К. Леонтьева, то можно увидеть, что уже в XIX веке были предпосылки к тому, что общество будет становиться более однообразным. Подобное положение дел было описано в трудах многих философов того времени. Кроме того, образ человека массы они строили по образу буржуа – человека, который уже тогда, с точки зрения К. Леонтьева, выделялся стремлением к возвеличиванию себя.

Далее в трудах других мыслителей также стало появляться описание массового общества и некоторых его характеристик. М. Хайдеггер отметил то, что в таком обществе человек ориентирован на других и оторван от своего бытия. Далее эти мысли были продолжены и развернуты в трудах Х. Ортеги-и-Гассета, в которых он отметил коллективность современного социума, похожесть людей друг на друга, а также закрытость индивида и его стремление не видеть никого вокруг, кроме самого себя. Немного позже К. Ясперс выделил особую характеристику массового общества, заключающуюся в «потребности в восхищении» и способности дать внимание и славу любому индивиду, способному удовлетворить желание масс. В таком обществе нарциссичный человек действительно может проявлять себя гораздо чаще, чем это было в предыдущие эпохи. В то же самое время подобный способ действия ведет к тому, что человек не может обнаружить свое собственное Я, так как в массовом обществе, где каждый походит на другого и определяется через другого, личности нет места и она не может отразиться в глазах ближнего и познать себя через него, что довольно удачно заметил Н. Бердяев. Подобное поведение ведет к замыканию в самом себе, что и является нарциссизмом, с точки зрения российского философа. Подобные взгляды разделяет также и Э. Мунье, для которого современный человек является нарциссичным, так как в таком обществе он не может реализовать свои таланты, данные Богом, не может обратить

внимание на ближнего, и единственное, что ему остается – это стремление к бесконечному самовозвеличиванию и оболещению других.

Все вышеприведенные авторы отмечали массовость общества и говорили о том, что именно в эту эпоху человек становится более эгоцентричным и самолюбленным. Не каждый философ называл это явление нарциссизмом, но каждый из них так или иначе выделял те моменты, которые довольно хорошо характеризуют это явление, а такие авторы как Бердяев и Мунье прямо говорили о нарциссичности человека их эпохи задолго до К. Лэша, провозгласившего культуру нарциссизма в 1970-х годах.

Таким образом, можно увидеть, что массовое общество стало определенным фундаментом, на котором в дальнейшем было воздвигнуто общество, называемое нарциссическим. Массовость привела к тому, что человек закрылся в себе, стал уделять невероятно много времени своей личности, не замечать других людей, а социум только способствовал такому поведению и укреплял эти черты характера в среднестатистическом человеке. Исходя из всего вышесказанного можно предположить, что именно на этой основе, которую предоставило массовое общество, и развился общественный нарциссизм, с каждым годом описываемый все большим количеством авторов.

Список литературы

- Бердяев Н.** Я и мир объектов. М.: Книга по требованию, 2023.
- Бодрийяр Ж.** В тени молчаливого большинства, или конец социального. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000.
- Боллас К.** Три характера: нарциссический, пограничный, маниакально-депрессивный. М.: Когито-Центр, 2023.
- Жижек С.** Метастазы удовольствия. Шесть очерков о женщинах и причинности. М.: АСТ, 2016.
- Леонтьев К. Н.** Византизм и славянство. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2014.
- Леонтьев К. Н.** Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // Собрание сочинений К. Леонтьева в 9 т. М.: Издание В.М. Саблина, 1912. Т. 6. Восток, Россия и славянство. С. 1–80.
- Марсель Г.** Люди против человеческого. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2018.
- Мунье Э.** Персонализм // Манифест персонализма / Под ред. И.С. Вдовиной. М.: Республика, 1999а. С. 459–538.
- Мунье Э.** Персоналистская и общностная революция // Манифест персонализма / Под ред. И.С. Вдовиной. М.: Республика, 1999б. С. 13–266.
- Мунье Э.** Что такое персонализм? М.: Издательство гуманитарной литературы, 1994.
- Ортега-и-Гассет Х.** Восстание масс. М.: АСТ, 2020.
- Фалёв Е.В.** Герменевтика Мартина Хайдеггера. СПб.: Алетейя, 2018.
- Хайдеггер М.** Бытие и время. М.: Академический проект, 2015.
- Ясперс К.** Духовная ситуация времени. М.: АСТ, 2013.
- Lasch C.** The culture of narcissism. American life in an age of diminishing expectations. New York, London: W.W. Norton&Company, 1979.

References

- Baudrillard J.** In the shadow of the silent majority, or the end of the social. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta, 2000. (in Russian)
- Berdyayev N.** I and the world of objects. Moscow: Kniga po Trebovaniyu, 2023. (in Russian)
- Bollas K.** Three characters: narcissistic, borderline, manic-depressive Moscow: Kogito-Centr, 2023. (in Russian)
- Falyov E. V.** Hermeneutics of Martin Heidegger. Saint Petersburg: Aletejya, 2018. (in Russian)
- Heidegger M.** Being and Time. Moscow: Akademicheskij proekt, 2015. (in Russian)
- Jaspers K.** The spiritual situation of time. Moscow: AST, 2013. (in Russian)
- Lasch C.** The culture of narcissism. American life in an age of diminishing expectations. New York: W.W. Norton&Company, 1979.
- Leontiev K. N.** Byzantium and Slavdom. Moscow; Berlin: Direkt-Media, 2014. (in Russian)
- Leontiev K. N.** The average European as an ideal and instrument of global destruction // Collected Works of K. Leontiev. Moscow: Izdanie V.M. Sablina, 1912. Vol. 6. East, Russia and Slavs P. 1–80. (in Russian)
- Marcel G.** People against the human. Moscow: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2018. (in Russian)
- Munier E.** Personalism // I. Vdovina (Ed.) Manifesto of personalism. Moscow: Respublika, 1999a. P. 459–538. (in Russian)
- Munier E.** Personalist and communal revolution // I. Vdovina (Ed.) Manifesto of personalism. Moscow: Respublika, 1999b. P. 13–266. (in Russian)
- Munier E.** What is personalism? Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoj literatury, 1994. (in Russian)
- Ortega y Gasset H.** Revolt of the Masses. Moscow: AST, 2020. (in Russian)
- Zizek S.** Metastases of pleasure. Six essays on women and causality. Moscow: AST, 2016. (in Russian)

Информация об авторе

Александр Юрьевич Бродников

Соискатель, сектор современной западной философии, Институт философии РАН

Information about the author

Alexander Y. Brodnikov

Graduate student, Department of Contemporary Western Philosophy, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

*Статья поступила в редколлегию 10.12.2024;
одобрена после рецензирования 24.02.2025; принята к публикации 27.02.2025.*

*The article was submitted 10.12.2024;
approved after reviewing 24.02.2025; accepted for publication 27.02.2025*

Научная статья

УДК 130.2

DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-4-46-58

Постколониализм: истоки и основные противоречия теории

Артём Георгиевич Постнов

*Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
Абакан, Россия*

a.postnov09@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-6718-0293>

Аннотация

В статье представлен всесторонний анализ основной проблематики постколониального дискурса. Рассматриваются ключевые теории, такие как постколониализм, деколонизация мышления и ориентализм, а также другие концепции, связанные с этим направлением исследований. Анализируются основные противоречия постколониальной теории и определяется роль и место постколониализма в современном мире. Показано, что на данном историческом этапе постколониализм старается выйти за рамки ангажированного знания и предложить миру определенную модель поведения для преодоления различий между «центрами» и «периферией», но пока рассматриваемое в данной работе направление занимается скорее фиксацией несправедливости в обществах. Разрушить это устоявшееся отношение к постколониализму и дать практические методы борьбы с неравенством – основные задачи постколониальных исследователей.

Ключевые слова

постколониализм, деколонизация мышления, ориентализм, запад, колониальность, мышление, поворот мышления, Э. Саид

Для цитирования

Постнов А. Г. Постколониализм: истоки и основные противоречия теории // Сибирский философский журнал. 2024. Т. 22, № 4. С. 46–58. DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-4-46-58

Postcolonialism: the origins and main contradictions of postcolonial theory

Artem G. Postnov

*Khakass State University
Abakan, Russian Federation*

a.postnov09@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-6718-0293>

© Постнов А. Г., 2024

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2024. Том 22, № 4
Siberian Journal of Philosophy, 2024, vol. 22, no 4

Abstract

The article presents a comprehensive analysis of the main problems of postcolonial discourse. Key theories such as postcolonialism, decolonization of thought and orientalism are considered, as well as other concepts related to this area of research. The main contradictions of postcolonial theory are analyzed and the role and place of postcolonialism in the modern world are determined. It is shown that at this historical stage, postcolonialism is trying to go beyond the bounds of biased knowledge and offer the world a certain model of behavior to overcome the differences between «centers» and «periphery», but so far the direction of this work is rather engaged in recording injustices in societies. To destroy this established attitude to postcolonialism and to provide practical methods of combating inequality are the main tasks of postcolonial researchers.

Keywords

postcolonialism, decolonization of thinking, orientalism, west, colonialism, consciousness, turn of thinking, E. Said

For citation

Postnov A.G. Postcolonialism: the origins and main contradictions of postcolonial theory. *Siberian Journal of Philosophy*, 2024, vol. 22, no. 4, pp. 46–58 DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-4-46-58

Постколониализм – это комплекс теорий и практик, призванных объяснить состояние, ментальность европейского общества в период после падения колониальных империй во второй половине XX века. Отсюда приставка «пост» в названии этого термина – она указывает на то, что в европейской истории был период колониальных завоеваний, который ушёл в прошлое, и после него наступил новый, требующий собственного осмысления.

На данном историческом этапе постколониальная теория, несмотря на значительное внимание к ней в западных странах, остается недостаточно изученной и интегрированной в социальные исследования. Это приводит к неполному пониманию глобальных процессов и внутренних противоречий, связанных с колониальным наследием. В условиях глобализации и усиления межкультурных взаимодействий постколониальная теория предоставляет важные инструменты для анализа сложных социальных и культурных процессов, что делает ее актуальной и востребованной в современных исследованиях.

Постколониальная теория возникла как ответ на необходимость критического осмысления колониального прошлого и его влияния на современность. Основные концепции этой теории были заложены такими авторами, как Эдвард Саид, Хоми Баба и Гаятри Спивак. Их работы стали фундаментом для постколониальной критики, которая охватывает широкий спектр тем, включая вопросы идентичности, культурного гибридизма, власти и сопротивления, а также исторической памяти и нарративов.

Цель данной статьи – исследовать особенности постколониальной теории и ее применение в современных социальных исследованиях. Для достижения этой цели необходимо проанализировать основные концепции и истоки постколониальной теории, а также исследовать, как постколониальные идеи адаптируются и применяются в различных культурных и исторических контекстах. Это позволит выявить основные противоречия и проблемы, связанные с применением постколониальной теории.

Постколониальная теория представляет собой мощный инструмент для анализа современных социальных и культурных процессов. Ее адаптация и применение в различных контекстах позволяет глубже понять сложные взаимодействия между культурами и историческими наследиями. Однако для полного раскрытия ее потенциала необходимо дальнейшее изучение и интеграция постколониальной теории в социальные исследования. Только так можно будет достичь более полного понимания глобальных процессов и внутренних противоречий, связанных с колониальным наследием.

Рассматриваемое нами направление, вопреки устоявшемуся в научном сообществе мнению, актуально не только для стран с колониальным прошлым, таких как США, Великобритания и Франция, но и для глобального научного сообщества в целом. Она позволяет переосмыслить историческое наследие колониализма и его влияние на современные общества, а также исследовать вопросы идентичности, культурного гибридизма и власти.

Ученые, такие как Эдвард Саид, Хоми Баба и Гаятри Спивак, заложили основы постколониальной критики и продолжают оказывать значительное влияние на международную научную дискуссию. Например, Э. Саид в своей работе «Ориентализм» анализирует, как западные представления о Востоке формируют колониальные дискурсы и структуры власти. Он подчеркивает, что «ориентализм – это не просто академическая дисциплина, но и политический инструмент, который служит для укрепления западного доминирования» [Саид, 2006, с. 3]. Х. Баба в книге «The Location of Culture» (1994) исследует вопросы культурного гибридизма и сопротивления, отмечая, что «культурный гибридизм позволяет переосмыслить идентичность и власть в постколониальном контексте» [Bhabha, 1994, p. 110]. Г. Спивак в статье «Могут ли угнетенные говорить?» рассматривает вопросы субъектности и агентности в постколониальном дискурсе, утверждая, что «субъектность субъекта в постколониальном контексте требует переосмысления традиционных категорий власти и сопротивления» [Спивак, 2001, с. 655].

Что такое постколониализм?

Для наиболее полного определения рассматриваемого термина у нас есть два пути, по которым мы можем пойти: либо попытаться найти самое первое упоминание постколониализма в научной литературе и, исходя из этого, задать его определение, либо обратиться к более поздним работам, обобщающим предшествующие исследования. В нашей статье мы пойдем вторым путём и для начала обратимся к оксфордскому «Введению в постколониализм», написанному Робертом Янгом. В самом начале своей книги Янг задаёт достаточно интересный взгляд на то, чем является постколониализм. Он спрашивает своего читателя: «Были ли вы когда-нибудь единственным человеком своего цвета кожи или этничности в группе?». Далее он поясняет: «Говорят, что есть два типа белых людей: те, которые никогда не были в ситуации, где большинство людей вокруг них были небелыми, и те, которые оказывались единственным белым человеком в комнате» [Young, 2003, p. 1]. Уже здесь видна одна из основных характеристик, через которые задаётся постколониализм. Прежде всего ему присущ расовый дискурс,

в котором цвет кожи занимает важное место в определении субъекта. Кроме того, уже в этой цитате видно, что белый, европейский человек занимает центральное место в постколониальной теории. Можно сказать, что постколониализм – это попытка продемонстрировать белому человеку опыт инаковости, который испытывают жители колоний или бывших колоний.

Постколониализм, являясь продуктом западной мысли, не может (вероятно, и не стремится) оторваться от культуры, его породившей. Таким образом, постколониализм представляет собой, с одной стороны, попытку говорить о сознании не-белого человека, делая его центральной фигурой теории, с другой стороны, он постоянно держит белого европейца либо как антагониста, либо как адресата. В связи с постколониализмом оказывается важно и постколониальное мышление – тот способ, с помощью которого мы говорим о бывших европейских колониях и их жителях. М.В. Тлостанова, современная российская исследовательница постколониальных и феминистских теорий, утверждает, что «вместо того чтобы вести свое историческое происхождение от интеллектуального наследия Греции и Рима, деколониальное мышление в качестве точки отсчета использует открытие Нового Света, возникновение атлантических коммерческих маршрутов XVI–XVII вв., геноцид коренного населения и работорговлю африканцами, организованную западными христианскими государствами Европы» [Тлостанова, 2009, с. 6]. В этом определении видна основная направленность пост- и деколониализма, заключающаяся в попытке пересобрать ту оптику, с которой традиционно европейские мыслители подходили к не-европейским странам и народам. При этом архетип европейца никогда не пропадает из вида. Постколониальная теория во многом негативна, она строится на противопоставлении некоторой (во многом умозрительной и обобщённой) европейской традиции мысли.

Предметом постколониализма является постколониальность как определённое состояние истории после завершения периода европейского колониализма. И здесь важно отметить, что наступление этого состояния не является общепризнанным фактом. Например, этот термин критикует Энн Маклинток. Она указывает на то, что постколониализм борется с традиционными представлениями о прогрессе и линейном времени, при этом он постоянно «преследуется самой фигурой линейного “развития”, которую он намеревается разрушить» [McClintock, 1992, p. 85]. Внутренняя логика этого термина такова, что история движется от преколониальной к колониальной стадии, приходя в современности к постколониальной. Критикуя «Конец истории» Фукуямы, Маклинток утверждает, что нам нужен новый способ описывать реальность. Феминизм, постколониализм, постмарксизм и т. д., как она утверждает, всё ещё выступают в роли метанарративов, претендующих на всеобъемлющее описание реальности. Маклинток же предлагает говорить о «множественности сил и историй», которые не могут быть объединены всего лишь одним понятием.

Также постколониализм критикует Рамон Гросфогель. Опираясь на работы И. Валлерстайна, Гросфогель утверждает [Grosfoguel, 2008, p. 606], что первые 30 лет XXI века должны стать трансформационными для капитализма. В связи с этим он считает возможным говорить о том, что «частью евроцентристского мифа является то, что мы живём в “постколониальной” эре и что мир и, в част-

ности метрополитенские центры, не нуждаются в деколонизации» [Там же, р. 607], потому что в этом случае мы редуцируем колониализм лишь до наличия колониальных администраций. Гроссфогель считает, что сегодня биологический расизм сменился расизмом культурным [Там же, р. 613]. После Второй мировой войны дискриминация по биологическим признакам оказалась устойчиво ассоциирована с нацистским режимом, что сделало её практически полностью недопустимой в европейском культурном пространстве, но это не означает полное исчезновение расизма. Гроссфогель утверждает, что новая форма расизма даже не апеллирует понятием расы, а говорит вместо этого о культуре. Тем не менее, именно расовая подоплёка в этой форме дискриминации оказывается ключевой, пусть она уже и более имплицитна.

Позиция Гроссфогеля о том, что Запад уже и так живет по постколониальной модели и не нуждается в деколонизации, встречает жесткое сопротивление у теоретиков постколониальной мысли. Например, известный представитель антиколониализма Франц Фанон заявляет, что у Запада и его жителей до сих пор остается предвзятое и имперское отношение к приезжающим в их страну африканцам. Это же касается и постоянного сохранения ожидания непринятия у самих Других. Фанон подчеркивает конфликт между принуждением чернокожих к интеграции в европейское общество и постоянным напоминанием о том, что эти попытки останутся безуспешными: «Чернокожий, приехавший во Францию, будет упорно опровергать миф, что мартиникцы “проглатывают” звук “р”. Он будет насилловать себя, он вступит в настоящий открытый конфликт с самим собой. Он начнет произносить “р” не просто с выражением – он будет делать на нем акцент. Украдкой наблюдая даже за самыми еле заметными реакциями окружающих, прислушиваясь к своему голосу, не доверяя собственному языку – до чего же ленивый орган! – он закроется в своей комнате и будет часами читать вслух, отчаянно пытаясь выработать правильную дикцию» [Fanon, 2015, р. 61].

В полемику с Гроссфогелем в понимании постколониализма вступили бы политологи Хелен Гилберт и Джоана Томпкинс. Они подтверждают тот факт, что постколониализм в современной науке, как правило, выступает больше в качестве временного понятия, обозначающего действительность после обретения колониями независимости, и не берет во внимание дискурс об инаковости в наше время. Гилберт и Томпкинс подчеркивают, что постколониализм – это скорее практика взаимодействия с дискурсами колониализма, структурами власти, социальными иерархиями и их оспаривание. Таким образом, теория постколониализма должна отвечать большему, чем просто хронологическое построение периода после обретения независимости, и большему, чем просто дискурсивный опыт империализма [Gilbert, Tompkins, 1996].

Исследователи постколониализма, такие как Дипеш Чакрабарты, Гаятри Спивак и Франц Фанон, в свою очередь, согласились бы с Гроссфогелем в том, что место классического колониализма в послевоенный период занимают другие формы дискриминации, которые стали скорее ментальными, а от этого и более опасными. Ученые говорят, что основная задача постколониализма – это попытка освобождения сознания от колониального прошлого, движущая сила для переориентации и поиска диалога на равных. Следовательно, постколониализм призывает

не к смене колониализма иной его формой, а предлагает построить систему ценностей, которая не будет связана с дискриминацией, представит абсолютно новую модель мышления, где одни люди не будут навязывать свои ценности другим.

Продолжая рассуждения о постколониализме, уместно обратиться к другой статье Романа Гросфогеля, где он высказался о деколонизации мышления. Позицию, выраженную в этой работе, вероятно, разделит большинство исследователей постколониализма. Основной тезис Гросфогеля состоит в том, что европейская культура мыслит в рамках «модерной, колониальной, капиталистической, патриархальной западно-центрической, христианско-центрической мир-системы» [Grosfoguel, 2006, p. 168]. При этом такой тип мышления затрагивает практически все культуры нашей планеты. Гросфогель утверждает, что «в мире нет культуры, не затронутой европейским модерном» [Там же]. Европейская колониальная культура считала именно этот тип мышления высшей точкой прогресса и именно из этой перспективы смотрела на «дикие», «примитивные» культуры. Отсюда же вытекает, например, концепт «бремени белого человека». Гросфогель отмечает, что необходимыми атрибутами этой «цивилизованности» являлись милитаризм и насилие. Начиная с XVI века и до начала XXI это цивилизаторское насилие сопровождалось риторикой о том, что оно призвано бороться с варварством коренных народов.

После Второй мировой войны система, о которой рассуждает Гросфогель, сталкивается с кризисом и становится не способной объяснить многие реалии жизни. Западная модель знания начинает рассматриваться теоретиками того времени негативной и односторонней. В частности, социолог Уильям Дюбуа связывал эту модель с социальным неравенством для психологического состояния человека и его раскола под прессом системы. Дюбуа приводил в пример внутренний конфликт чернокожего человека, который должен совмещать в себе несколько идентичностей: идентичность своего сообщества, идентичность чернокожих, как ее видит западное общество, и собственно западные ценности¹.

В 70-х годах XX в. в политике, социологии, философии и других сферах происходит поворот от западной модели мироустройства в сторону восточной, который постколониальные мыслители связывают с появлением труда палестинско-американского интеллектуала Эдварда Саида – «Ориентализм. Западные концепции Востока» (1978).

Ориентализм как предтеча постколониализма

Важнейшей работой последних десятилетий не только для постколониализма, но и в целом для левой мысли является книга «Ориентализм. Западные концепции Востока» Эдварда Саида. В ней он определяет ориентализм как особую форму мышления и обращения с Востоком европейских стран. Этот тип мышления формировался ввиду нескольких факторов. Во-первых, Восток – это ближайший территориальный сосед Европы, тесное взаимодействие с которым было

¹ Du Bois W. A proposed Encyclopedia Africana (1963) // W. Du Bois Papers (MS 312). Special Collections and University Archives (University of Massachusetts Amherst). URL: <https://credo.library.umass.edu/view/full/mums312-b156-i019> (дата обращения: 20.12.2024)

неизбежным. Во-вторых, Восток был территорией основных европейских колоний. В-третьих, Восток был культурным истоком Европы и служил для Европы образом «Другого», через который она во многом себя определяла.

На популярном научном портале «Sug.ma» зимой 2024 года велась активная дискуссия по теме постколониализма, и одно из таких обсуждений вылилось в статью «О ложной дихотомии ориентализма и колониализма» от анонимного автора под ником hortusconclusus. В этой статье был высказан следующий тезис: «...для нынешних левых практически невозможно представить себе иной способ критики чего бы то ни было сегодня кроме как через призму антиимпериализма». Далее автор продолжает: «И действительно, каким ещё способом левые оказываются сегодня в состоянии указать на собственную важность, актуальность и состоятельность? Антиимпериализм в наше время – это не попытка реально бороться за справедливость и достойное место в системе равноправного общества для всех угнетённых классов, это, в первую очередь, возможность для левых существовать, быть вписанными в дискурс вообще, столь безнравственно ныне апроприированный правыми всех мастей»². Если мы переворачиваем взгляд на рассматриваемое нами направление таким образом, то постколониализм тогда действительно оказывается паразитарным организмом, который левые используют для обоснования собственного существования. И в этом случае призывы к деколонизации мышления оказываются способом легитимации собственного существования для тех, кто эти призывы высказывает: нам необходимо деколонизировать мышление, поэтому нужны мы, которые укажут на то, как это делать.

Критику Саида разворачивает Вивек Чиббер в своей статье «“Ориентализм” и его наследие». Чиббер соглашается с той трактовкой ориентализма у Саида, согласно которой ориентализм представляет собой дискурс, легитимирующий власть Запада над Востоком (см: [Chibber, 2018]). Тут он привлекает идеи дискурса и дисциплинарной власти Фуко, согласно которой власть, с одной стороны, производится в речи, а с другой – формирует субъекта, всегда уже готового к подчинению благодаря его дисциплинированности.

Критикует же Чиббер тот тезис Саида, в котором не ориентализм является следствием колониализма, а колониализм является следствием ориентализма. Саид пишет: «Просто сказать, что ориентализм был рационализацией колониального правила – значит игнорировать ту степень, до которой колониальное правило заранее находило себе оправдание со стороны ориентализма, нежели на основе факта» [Саид, 2006, с. 62].

Саид разделяет ориентализм на скрытый и явный. Скрытый ориентализм – это то отношение к Востоку, которое остаётся практически неизменным в истории, в то время как явный представляет собой те или иные формы ориентализма, которые он принимает в различные исторические эпохи, и именно скрытый ориентализм становится причиной колониального взгляда на Восток: «Ориентализм крепок не столько своей открытостью и восприимчивостью по отношению

² «О ложной дихотомии ориентализма и колониализма: “экзотичность” борьбы за постколониальную утопию» (02.02.2024) // Sig.ma. Building solidarity beyond borders. A community-run multilingual media platform and translocal archive. URL: <https://sig.ma/@hortusconclusus/o-lozhnoy-dihotomii-orientalizma-i-kolonializma-ekzotichnost-borby-za-postkolonialnuyu-utopiyu> (дата обращения: 20.12.2024).

к Востоку, сколько внутренней, преемственной последовательностью в отношении конститутивной воли-к-власти над Востоком. В такой форме ориентализм смог пережить революции, мировые войны и буквальное расчленение империй» [Саид, 2006, с. 344]. Этот неизменный взгляд фундирует те практики, с помощью которых колониальные империи пытались подчинить себе Восток, приводя его к своим собственным представлениям, и именно этот тезис о том, что колониализм является следствием ориентализма, а не наоборот, критикует Чиббер.

Чиббер обращает внимание на то, что не только европейская культура смотрела на другие культуры из собственной перспективы, а не из перспективы Другого, и почему в этом случае именно в Европе стал возможен ориентализм, если другие мировоззрения не сильно отличаются от европейского? Чиббер считает, что тезис Саида можно было бы спасти, ослабив его. Сильная версия тезиса Саида заключается в том, что ориентализм был достаточной причиной для появления европейского колониализма. В слабой же версии этот тезис звучал так: ориентализм необходим, но недостаточен сам по себе для появления колониализма.

Слабая версия ставит вопрос о том, какие другие факторы, помимо ориентализма, способствовали появлению колониализма. Довольно уместно здесь обратиться к экономической необходимости, борьбе за ресурсы, но тогда возникает сомнение в том, нужен ли вообще ориентализм как ещё один фактор мотивации для колониальной экспансии, помимо экономических, материальных причин. Чиббер утверждает, что в этом случае ориентализм вовсе не необходим. Да, идеология для масштабных проектов типа колонизации может быть нужна, но это не значит, что она с необходимостью существует к моменту начала этого проекта. Если бы ориентализма не было, то европейские элиты могли бы его придумать, говорит нам Чиббер. Эта цепочка утверждений позволяет Чибберу вернуться к Марксу и снять с ориентализма ответственность за колониализм. Первопричиной колониальных завоеваний оказываются «материальные интересы и потенциал определенных социальных формаций на Западе». Этот тезис возвращает нас к тезису самого Саида о том, что ориентализм – это прежде всего рационализация колониальной системы власти, а не её причина.

Критикуя Саида, Чиббер критикует также и весь постколониальный дискурс. «По мере того как социальная теория переходила от материалистической к культурологической, а от культурологической к постколониальной, обращения к Ориентализму оставались в ней постоянным элементом» [Chibber, 2018, р. 48], и поэтому именно оптика Саида стала одним из столпов постколониализма. Чиббер предлагает отказаться от культурологического взгляда Саида и снова говорить прежде всего о политэкономии. Саид, по мнению Чиббера, эссенциализирует Восток в проводимой им дихотомии Востока и Запада, тем самым возвращая ему ту самую ориенталистскую «таинственность», о которой так много говорилось и которую так много критиковали впоследствии. Когда ориентализм перерастает свои географические рамки и с Востока начинает распространяться на Африку и Америку, появляется тот самый постколониализм в современном его понимании.

Современность / колониализм и постсовременность / постколониализм: две дихотомии

Общим местом в размышлениях о постколониализме являются размышления о постсовременности. Современность чаще всего понимается как европейское Новое время, связанное как раз с колониальными завоеваниями. Иммануил Валлерстайн, основатель мир-системного подхода, говорит о двух основных оттенках значения термина «современность», существовавших в его молодости: «Один был позитивным и ориентированным вперед. Современное означало самые передовые технологии... Так понимаемая современность была текучей современностью – то, что современно сегодня, устареет завтра... Существовал, однако, и второй основной оттенок значения понятия “современный”, более оппозиционный, чем утверждающий. Этот оттенок можно было бы охарактеризовать не столько как ориентированный вперед (и самодовольный), сколько как воинствующий, не столько как материальный, сколько идеологический» [Валлерстайн, 2001, с. 166]. Второй тип современности – это тип революционной настроенности, в которой смысловым ядром становится радикальный разрыв со старым миропорядком. Валлерстайн утверждает, что такая современность была «не текучей, но вечной современностью. Однажды достигнутая, она не может быть уступлена» [Там же, с. 167].

Сегодня, как считает Валлерстайн, эти два типа современности находятся в конфликте, хотя большую часть их истории они существовали в спайке. Валлерстайн предлагает посмотреть на исторические предпосылки формирования именно этих двух понятий современности. О постколониализме и деколонизации говорят как о дискурсе последних 30-35 лет, хотя, очевидно, деколонизальные движения существовали задолго до этого. Валлерстайн обращается к Французской революции как к одному из определяющих для современности событий и характеризует её следующим образом: «Французская революция не была изолированным явлением. Ее следует осмысливать скорее как глаз урагана. Она была связана (как с предшественниками или как с последствиями) с деколонизацией Америк – британской Северной Америки, испанской Америки и Бразилии; революцией рабов на Гаити; с неудачными восстаниями коренных американцев, такими как восстание Тупака Амару в Перу» [Валлерстайн, 2001, с. 170]. Хотя, вероятно, деколонизация прежде всего Северной Америки выпадает из того дискурса, который существует сегодня. Выше мы уже обозначили, что постколониализм обращается к не-белым расам, и поэтому, как нам представляется, Американская революция не является постколониальным явлением, потому что в этой ситуации один белый человек отделялся от другого белого человека, сохраняя при этом все главные паттерны европейского мышления.

В терминах текучести о современности также говорит социальный теоретик Зигмунт Бауман. Бауман приводит цитату Маркузе: «Что касается сегодняшнего дня и нашей ситуации, я считаю, что мы столкнулись с новыми историческими условиями, потому что сегодня мы должны освободиться от относительно хорошо функционирующего, богатого, мощного общества...» [Бауман, 2003, с. 23]. Дальше он комментирует это высказывание, говоря примерно следующее: для освобождения нужно либо редуцировать наше воображение до некоего реалистического

предела, либо расширять наши возможности совершать действие, соотнесённое с нашими желаниями.

В начале своего анализа Бауман говорит о текучести прежде всего как о качестве жидкостей и газов. Затем он переносит эту метафору на общество, утверждая, что текучесть является главным его свойством на современном этапе. Текучесть – это отсутствие ясных и постоянных протоколов поведения, с которыми человек мог бы согласовывать свою жизнь: «Все конфигурации, конstellации, паттерны зависимости и взаимодействия были брошены в плавильный тигель, чтобы впоследствии преобразоваться и измениться; это была стадия “разрушения формы” в истории нарушающей, ломающей границы, всеразрушающей современности» [Бауман, 2003, с. 13].

Вернёмся к Валлерстайну. Он анализирует революцию 1968 года, которая стала революцией, требующей современности как освобождения. Она произошла в тот период, когда в западном мире был достигнут невиданный уровень комфорта и современности как современности технологий. Но современность технологий не привела к современности освобождения, которая и стала идеалом этих событий, выраженном в императиве: «Будьте реалистами, требуйте невозможного». Валлерстайн считает, что именно 1968 год стал поворотным для формирования той идеологической системы, которая существует сегодня. Но 1968 год оказал скорее негативное влияние на новые способы мышления. В том смысле, что идеологии бывших европейских колоний воспринимали не идеалы 1968 года, а формировали новые мировоззрения, критикуя эти идеалы, которые многим показались обманом: «В одной за другой странах третьего мира массы отворачивались от движения “старых левых” и обвиняли их в обмане» [Валлерстайн, 2001, с. 181]. Валлерстайн связывает это разочарование в том числе с экономическим падением 1970–1980-х гг., последовавшим за экономическим ростом 1945–1970-х гг., на волне которых и появились протестные движения 1968 года. Вместо старых левых идей и либерализма, по Валлерстайну, бывшие колонии предлагали «заговор, религиозный фундаментализм, настроения против политики как таковой» [Там же, с. 181]. Окончательное разочарование в традиционных европейских идеологиях наступило после падения коммунизма в 1989–1991 гг.

В 2000 г. в свет выходит знаковая научная работа, которая говорит об ином пути развития общества, пытается разрушить устоявшуюся гегемонию Запада и предлагает посмотреть на Европу под иным углом. Все это про труд индийского исследователя Дипеша Чакрабарти «Провинциализируя Европу» (2000), который станет важной опорой для теоретиков постколониализма и выведет это направление на ключевые позиции. Монография представляет собой продолжение характерной для постколониальной теории деконструктивистской критики европоцентризма и концепции историзма, благодаря которой, по мнению Дипеша Чакрабарти, в западной истории возникло утверждение о понятии линейного времени и стадийного развития обществ. В данной системе взглядов и представлений колонии оказываются изолированными от «политического модерна», то есть от либеральных политических институтов, характерных для Европы. Чакрабарти символично называет данную ситуацию «залом ожидания», в котором с руки европейцев обосновались колонизированные народы и ждут, когда придет поезд,

способный отвезти их до цивилизации. Роль поезда в данной мысли отводится самой истории: европейскому колониальному правлению и системе образования, которые были введены в колониях. Чакрабартти оспаривает концепцию историзма и в своей монографии утверждает, что развивающиеся страны вовлечены в систему «политического модерна» даже больше, чем Европа, подчеркивая, что «понятия “центр” больше не существует, а базовые (европейские) методологические и теоретические концепции (например, идеи Просвещения и стадийные исторические теории) больше не могут служить обоснованием утверждения экономического, политического и социального первенства» [Чакрабартти, 2021, с. 160].

Современные исследователи постколониализма подчеркивают, что на данном этапе направление ещё не выработало определенную оптику, через которую мы можем дать объективную оценку событиям прошлого, поэтому с сожалением говорят, что за постколониализмом на сегодняшний день закрепился статус ангажированного направления. Камерунский философ Ашиль Мбембе, рассуждая о философии постколониализма, признаёт, что она всё еще основана на принципе: «знание, не ставящее перед собой задачи изменить мир, не является истинным» [Mbembe, 2001, p. 82]. Пытаясь изменить отношение общества к данному направлению, философы постколониализма всё чаще обращаются не только к самому историческому опыту несправедливости, но и к методам борьбы, и к преодолению этих барьеров в настоящем. Справедливо отметить, что на данном этапе постколониализм является больше формой фиксации несправедливости, а не моделью борьбы с ней. Создание этой модели и есть основная задача современных постколониальных ученых.

Заключение

Постколониализм представляет собой новейшее течение в европейской левой мысли последних 30–40 лет, но его истоки лежат гораздо глубже. Рассматриваемое нами направление старается следовать тезису Маркса о том, что философия должна менять мир, поэтому включает в себя не только теорию, но и практику. Постколониализм не существует изолированно: направление развивается в рамках гуманитарных наук, заданных ещё в XIX веке. При этом постколониализм претендует не только на существование как определённая политическая доктрина – он также стремится к радикальному изменению дискурса, в котором европейские мыслители говорят и о своих бывших колониях, и в целом о не-европейских цивилизациях. Выражается это стремление, например, в терминах деколонизации сознания. Деколонизация сознания – это определённый императив, который подразумевает, что колониализм существует не только как конкретные властные практики, но и как дискурсивная дискриминация постколониальных народов и стран.

Но едва ли можно говорить о постколониализме как о какой-то сформированной доктрине со своей догматикой. Мы видим расхождения во мнениях у разных постколониальных мыслителей. Расхождения эти могут носить и достаточно фундаментальный характер. Например, некоторые группы интеллектуалов, такие как Дипеш Чакрабартти, Гаятри Спивак, Франц Фанон, Александр Эткинд, Сергей Абашин и другие, считают постколониализм направлением, которое отражает ак-

туальное положение дел в мире, другие же говорят о том, что подчинение бывших колониальных стран существует в форме неоколониализма – непрямого подчинения в условиях отсутствия непосредственных колониальных администраций.

В академической среде постколониализм, наряду с гендерными исследованиями и критической расовой теорией, продолжает функционировать как знание, интегрированное в публичную сферу и направленное на решение социальных проблем и поиск способов их преодоления. Это знание, как признают и сами теоретики постколониализма, является принципиально ангажированным, потому что исследователи в этой области не стремятся к нейтральности.

Постколониализм на данном историческом этапе старается выйти за рамки ангажированного знания и предложить миру определенную модель поведения для преодоления различий между «центрами» и «периферией», но пока рассматриваемое в данной работе направление занимается скорее фиксацией несправедливости в обществах. Разрушить это устоявшееся отношение к постколониализму и дать практические методы борьбы с неравенством – основные задачи постколониальных исследователей.

Список литературы

- Бауман З.** Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.
- Валлерстайн И.** Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001.
- Саид Э.** Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский Мир, 2006.
- Спивак Г.** Могут ли угнетенные говорить? // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / Под ред. С.В. Жеребкина. СПб.: Алетейя, 2001. С. 649–670.
- Тлостанов М. В.** Деколонизация гуманитарного знания // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2009. № 1. С. 5–14.
- Чакрабарти Д.** Провинциализируя Европу. М.: Гараж, 2021.
- Bhabha H.** The Location of Culture. Routledge, 1994.
- Chibber V.** The Dual Legacy of Orientalism // Abu-Manneh B. (Ed.). After Said: Postcolonial Literary Studies in the Twenty-First Century. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 37–52.
- Fanon F.** Peau Noire, Masques Blancs. Paris: Points, 2015.
- Gilbert H., Tompkins J.** Post-Colonial Drama: Theory, Practice, Politics. Routledge, 1996.
- Grosfoguel R.** Transmodernity, border thinking, and global coloniality: decolonizing political economy and postcolonial studies // Review (Fernand Braudel Center). 2006. Vol. 29. No. 2. P. 167–187.
- Grosfoguel R.** Latin@s and the decolonization of the US empire in the 21st century // Social Science Information. 2008. Vol. 47, Iss. 4. P. 605–622.
- Mbembe A.** On the Postcolony. University of California Press, 2001.
- McClintock A.** The Angel of Progress: Pitfalls of the Term «Post-Colonialism» // Social Text. 1992. No. 31/32. P. 84–98.
- Young R.** Postcolonialism. A Very Short Introduction. Oxford University Press, 2003.

References

- Bauman Z.** Fluid modernity. St. Petersburg: Piter, 2008. (in Russian)
- Bhabha H.** The Location of Culture. Routledge, 1994.
- Chakrabarty D.** Provincializing Europe. Moscow: Garazh, 2021. (in Russian)
- Chibber V.** The Dual Legacy of Orientalism // Abu-Manneh B. (Ed.). AfterSaid: Post-colonial Literary Studies in the Twenty-First Century. Cambridge University Press, 2018. P. 37–52.
- Fanon F.** Peau Noire, Masques Blancs. Paris: Points, 2015. (in French)
- Gilbert H., Tompkins J.** Post-Colonial Drama: Theory, Practice, Politics. Routledge, 1996.
- Grosfoguel R.** Transmodernity, border thinking, and global coloniality: decolonizing political economy and postcolonial studies // Review (Fernand Braudel Center). 2006. Vol. 29. No. 2. P. 167–187.
- Grosfoguel R.** Latin@s and the decolonization of the US empire in the 21st century // Social Science Information. 2008. Vol. 47, Iss. 4. P. 605–622.
- Mbembe A.** On the Postcolony. University of California Press, 2001.
- McClintock A.** The Angel of Progress: Pitfalls of the Term «Post-Colonialism» // Social Text. 1992. No. 31/32. P. 84–98.
- Said E.** Orientalism. St. Petersburg: Russian Mir, 2006. (in Russian)
- Spivak G.** Can a Subaltern Speak? // S. Jerebkin (Ed.) Introduction to Gender Studies. Vol. 2. St. Petersburg: Aleteya, 2001. P. 649–670. (in Russian)
- Tlostanova M. V.** Decolonization of humanitarian knowledge // Vestnik of RUDN University. Series: Philosophy. 2009. No. 1. P. 5–14. (in Russian)
- Wallerstein I.** World-Systems Analysis. St. Petersburg: Universitetskaya Kniga, 2001. (in Russian)
- Young R.** Postcolonialism. A Very Short Introduction. Oxford University Press, 2003.

Информация об авторе

Артём Георгиевич Постнов

аспирант, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова

Information about the Author

Artem G. Postnov

postgraduate student, Khakass State University

*Статья поступила в редколлегию 23.12.2024;
одобрена после рецензирования 24.02.2025; принята к публикации 27.02.2025*

*The article was submitted 23.12.2024;
approved after reviewing 24.02.2025; accepted for publication 27.02.2025*

Научная статья

УДК 004.9 + 316.6

DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-4-59-70

«Умный город» – урбанистическая метафора, тренд или отражение повседневности

Евгения Юрьевна Немкова

*Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
Абакан, Россия*

eva1986@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2967-7029>

Аннотация

В статье рассматривается феномен «умного» города с точки зрения объективной необходимости современного процесса цифровой трансформации городской среды, а также как род урбанистической метафоры, определяющей наше отношение к этому процессу. В свою очередь понятие метафоры анализируется в рамках классического, философского и урбанистического дискурсов. В этом ключе рассматривается уместность применения к городу определения «умный», приводятся примеры успешно реализуемых проектов «умного города». Цифровизация городов – неизбежный процесс их развития. Города не смогут обеспечивать комфортное для населения проживание, а соответственно, и выдерживать конкуренцию друг с другом, если не начнут внедрять современные цифровые технологии. В нашей стране для улучшения жилищно-коммунальной, образовательной, градостроительной и других сфер был разработан федеральный проект «Умный город», который в буквальном смысле заставляет города развиваться. Тем не менее, возникает вопрос о самостоятельности процесса городской цифровизации: умный город – это метафора или реальность? Мы полагаем, что классическая метафора Кристофера Александера «город-дерево» все так же актуальна, потому что и противоречия человеческого, институционального и технологического измерений, кажущиеся особо актуальными в новых условиях, и предполагаемая логика их алгоритмического представления принадлежат одному архетипу.

Ключевые слова

метафора, урбанистическая метафора, умный город, цифровизация, цифровая трансформация

Для цитирования

Немкова Е. Ю. «Умный город» – урбанистическая метафора, тренд или отражение повседневности // Сибирский философский журнал. 2024. Т. 22, № 4. С. 59–70. DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-4-59-70

© Немкова Е. Ю., 2024

The «Smart City» – an urban metaphor, a trend, or reflection of everyday life

Evgenija Y. Nemkova

Khakass State University
Abakan, Russian Federation

eva1986@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2967-7029>

Abstract

The article examines the phenomenon of a «smart city» from the point of view of the objective need for the modern process of digital transformation of the urban environment, as well as a kind of urban metaphor that determines our attitude to this process. In turn, the concept of metaphor is analyzed within the framework of classical, philosophical and urban discourses. In this vein, the relevance of applying the definition of «smart» to a city is considered, and examples of successfully implemented «smart city» projects are given. Digitalization of cities is an inevitable process of their development. Cities will not be able to provide comfortable living for the population, and, accordingly, withstand competition with each other, if they do not begin to implement modern digital technologies. In our country, the federal project «Smart City» was developed to improve housing and communal services, education, urban development and other spheres, which literally forces cities to develop. Nevertheless, the question arises about the independence of the process of urban digitalization – is a smart city a metaphor or reality? We believe that Christopher Alexander's classic metaphor of the «tree city» is still relevant because both the contradictions of the human, institutional and technological dimensions, which seem particularly relevant in our time, and the supposed logic of their algorithmic representation belong to the same archetype.

Keywords

metaphor, urban metaphor, smart city, digitalization, digital transformation

For citation

Nemkova E. Y. The «Smart City» – an urban metaphor, a trend, or reflection of everyday life. *Siberian Journal of Philosophy*, 2024, vol. 22, no. 4, pp. 59–70 (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-4-59-70

В традиционном понимании лингвистики метафора понимается как «употребление слова в переносном значении на основе сходства в каком-либо отношении двух предметов или явлений...» [Жданова, 2017, с. 69]. Не отличается и данное понимание в литературоведении – здесь метафора рассматривается с точки зрения учения о тропах. Можно сказать, что слова, употребляемые в переносном значении, действительно являются метафорами, и в этом контексте данное понятие приобретает широкий смысл. Однако когда мы говорим о метафоре как виде тропа, то рассматриваем её уже в узком смысле, где акцент делается на переносе признаков и значений от одного предмета к другому. Лингвистика и филология преимущественно воспринимают метафору именно таким образом – как литературный приём, способствующий обогащению языка. Тем не менее, стоит задуматься глубже. Метафора – это не просто инструмент для украшения речи, но также средство познания мира через аналогии и ассоциации. Философия, в частности, рассматривает метафору как нечто большее, чем просто художественный приём. Она становится способом осмысления реальности, способом проникновения в суть вещей через их сопоставление с другими объектами или явлениями. Так, например, Платон использовал метафору пещеры, чтобы объяснить природу чело-

веческого знания и восприятия истины. Через эту метафору он показал, как люди часто довольствуются тенями и иллюзиями вместо того, чтобы стремиться к истинному знанию. Таким образом, метафора может служить мостиком между разными уровнями понимания, позволяя нам увидеть скрытые связи и закономерности там, где на первый взгляд они могут казаться отсутствующими. Это делает её мощным инструментом не только в литературе, но и в философии, психологии и других науках, связанных с исследованием человеческой природы и сознания.

Когда речь о метафоре упоминается в философском дискурсе, нельзя не вспомнить рассуждения по этому поводу испанского философа Хосе Ортеги-и-Гассета, которые он описал в работе «Две главные метафоры» (1991). Ортега-и-Гассет наделяет метафору двумя смыслами: с одной стороны, она служит неким определителем любого понятия, описывает понятия, с другой стороны, посредством метафоры мы можем понять смысл этого понятия: «Метафора и есть одна из таких составных идеограмм, с чьей помощью мы придаем отвлеченным и труднодоступным предметам особое существование. Она тем нужнее, чем дальше мы отходим от вещей, то и дело подвертывающихся под руку на повседневных дорогах жизни» [Ортега-и-Гассет, 1991, с. 211]. Именно в этом контексте метафора в философии Ортеги-и-Гассета приобретает архетипический статус. Она становится не просто литературным приемом, но инструментом познания, который позволяет человеку ориентироваться в сложном лабиринте человеческого опыта и мировосприятия. Метафора превращается в мост между пониманием и непознанным, делая сложные абстракции частью нашей обыденной жизни. Она позволяет приблизить непостижимое, делая его доступным через образы и сравнения, которые кажутся понятными и привычными.

Ортега-и-Гассет подчеркивает, что для понимания сущности мира и себя метафора занимает ключевую позицию. Образное представление никогда не является точной копией, но оно всегда является неким ориентиром, направлением, в котором можно двигаться, чтобы глубже осознать окружающую реальность. Благодаря метафоре идея становится более осмысленной, обретает форму, цвет и текстуру, идя вразрез с сухими и безжизненными фактами, которые порой оставляют умы замкнутыми в узких рамках объективной реальности. Кроме того, в философском размышлении Ортега-и-Гассета идея метафоры позволяет преодолеть ограничения языка. Слова порой не способны передать глубину и многогранность мыслей, и именно здесь метафора врывается в наши дискурсы, наполняя их жизнью и динамизмом. Она восполняет пробелы, которые сами понятия не в силах перекрыть, становясь орудием расширения горизонтов нашего сознания. Таким образом, метафора, согласно Ортеге-и-Гассету, становится не просто инструментом, но необходимостью в процессе постижения окружающего мира. Его интерес к этому феномену отражает глубокую убежденность в том, что метафора выходит за рамки простого украшения языка. Она открывает перед нами возможность создания новых смыслов, позволяя человеку возвыситься над обыденным восприятием действительности и приблизиться к тому, что философы называют «трансцендентальным».

Ортега-и-Гассет видел в метафоре своеобразную форму философского мышления, которая способна преодолеть ограниченность рационального подхода

и предложить альтернативный путь к познанию бытия. Для него метафора была не столько риторическим приемом, сколько способом выйти за пределы привычного и ощутить глубину реальности, скрытую под покровами повседневных представлений. Это своего рода «окно» в мир, который остается недоступен прямому наблюдению, но открывается благодаря интуиции и воображению.

Философская мысль, опирающаяся на метафору, позволяет нам взглянуть на вещи с неожиданной стороны, открывая новые измерения нашего опыта. Подобно тому как художник использует краски, чтобы передать невыразимое словами, так и философ, прибегающий к метафоре, стремится проникнуть в самые сокровенные уголки человеческого сознания. Метафора становится средством, которое помогает человеку осознать себя частью огромного универсума, полного тайн и загадок, и тем самым обрести новое понимание своей роли в мире. Безусловно, чаще всего с метафорой мы сталкиваемся в поэзии: благодаря переносным значениям, через художественные обращения авторы имеют возможность донести до читателя тот глубокий смысл, который они вкладывают в свои произведения. В свою очередь читатель получает чистые эмоции: эстетическое удовольствие, радость, возможно, удивление, представляя замысел поэта. Однако не только высокие материи, такие как литературные произведения, применяют метафорические обороты. Пространство и территории, которые нас окружают, также можно воспринимать в переносном смысле. Так, известный отечественный урбанист Галина Владимировна Горнова, автор множества трудов по философии города, курса видеолекций по философии города, употребляет термин «урбанистическая метафора»¹. Она говорит, что данный вид метафоры является соединением городских мифов и идеалов. Посредством объединения «рациональности идеала и образности мифа» городские объекты предстают в совершенно новых качествах. От городских идеалов и мифов метафора отличается четкостью и конкретной наполненностью. Посредством урбанистических метафор человек может домыслить и сконструировать «метафорический образ города»: «Урбанистическая метафора – это вид тропа, в котором осуществляется перенос свойств одного явления городской жизни на другое, где присутствует скрытое сравнение различных аспектов бытия города, городской культуры»².

Урбанистические метафоры в данной методологии выступают как мост между историей архитектуры и современным восприятием городской среды. Они позволяют жителям и гостям города увидеть невидимое – скрытые слои прошлого, будущие потенциалы и настоящие реалии, которые иначе просто растворились бы в повседневности. Например, архитектурное сооружение может нести в себе не только функцию и дизайн, но и содержание, связанное с историческими событиями или культурными архетипами. Таким образом, здания перестают быть просто камнем и бетоном, а обретают статус носителей памяти и мечты, создавая новые контексты, выходящие за пределы их физических границ.

Урбанистическая метафора играет ключевую роль в создании и поддержании городской идентичности. Город, воспринимаемый сквозь призму метафор,

¹ См.: Горнова Г.В. Урбанистические метафоры (14.05.2020). URTMAG.RU – Управление развитием территории. Профессиональный информационный портал в сфере градостроительства, архитектуры и информационных технологий. URL: <https://urtmag.ru/public/817/> (дата обращения 24.11.2024).

² Там же.

превращается в арену, на которой разворачиваются множественные истории и образы, переплетающиеся друг с другом. Каждый человек, живущий в городе, находит своё уникальное место и роль в этом сложном ансамбле смыслов. В этом контексте город становится не просто местом проживания, а пространством, насыщенным эмоциональными и символическими оттенками. Урбанистические метафоры придают улицам, площадям и зданиям особый, почти мистический смысл, который отражается в повседневной жизни горожан. Этот процесс напоминает древнегреческий миф о лабиринте Минотавра, где каждый шаг жителя города является путешествием вглубь сложного и многослойного пространства, наполненного историческими, культурными и личными ассоциациями.

Городские мифы и идеалы обретают плоть и кровь, становясь неотъемлемой частью городского ландшафта. Они превращаются в своего рода «проводников» между прошлым и настоящим, связывая людей с их корнями и одновременно предлагая им новые пути развития. Таким образом, урбанистическая метафора становится важным элементом социального и культурного диалога, который происходит внутри городских стен. Она позволяет каждому жителю почувствовать себя частью большого целого, участвуя в коллективном творческом процессе, направленном на создание уникального образа города. Также стоит отметить, что урбанистическая метафора может быть инструментом для гармонизации городской среды и решения текущих проблем. Она способна акцентировать внимание наблюдателя на ключевых аспектах взаимодействия человека и города, таких как экологическая устойчивость, социальная инклюзивность и культурное разнообразие. Посредством таких метафор урбанисты и сами горожане могут находить инновационные решения, вдохновленные глубоким пониманием и уважением к городской истории и культуре, что, в свою очередь, открывает новые горизонты для развития городов в будущем.

Таким образом, урбанистическая метафора становится не просто фигурой речи, но мощным инструментом преобразования городского пространства. Она дарит новые смысловые глубины как жителям, так и самим городам, делая повседневность более насыщенной, а перспективы – более многообещающими. Расширив свое понимание города за пределы физического, человек получает возможность видеть и ценить те невидимые нити, которые связывают его с окружающим миром, создавая уникальные метафорические образы, насыщенные символикой и значением.

Междисциплинарный подход к пониманию феноменов городской жизни, в том числе к анализу мифов и идеалов, утвердил целый ряд урбанистических метафор, которые мы можем классифицировать как органические и механические: «город-государство», «небесный город», «город-базар», «город Солнца», «город-крепость», «город-организм», «город-машина», «город-порт», «город-джунгли», «город-сад», «город-призрак», «город-мечта», «город-герой», «город-спутник», «Некрополь – город мертвых», «город-жертва», «город-корабль», «город-миф», «город-улей» и т.д.³

³ См.: Горнова Г.В. Урбанистические метафоры (14.05.2020). URTMAG.RU – Управление развитием территории. Профессиональный информационный портал в сфере градостроительства, архитектуры и информационных технологий. URL: <https://urtmag.ru/public/817/> (дата обращения 24.11.2024).

Под органическими метафорами понимается всё природное и естественное. Они появляются самостоятельно и стихийно. К механическим, наоборот, относятся искусственные, вызванные чей-то волей, по заказу, по определенной схеме. Такие метафоры, как «город-оазис» и «город-сад» являются примерами органических. «Город-машина» или «город-корабль» – механическими. Часто процессы жизни города описывают метафорическими выражениями. Кроме того, в отношении города довольно характерно употребление метафорических выражений, таких как город «живет», «дышит», «растет» и других. В этих выражениях город представляется как живое существо, но есть также и обратная сторона – неживая, механическая, например, город функционирует. Такие выражения встречаются гораздо реже, но тем не менее они весьма применимы.

В данном контексте словосочетание «умный город», безусловно, можно отнести к механическим урбанистическим метафорам и применить метафорическое выражение «город думает». Феномен «умного» города появился относительно недавно, когда города начали сталкиваться с такими проблемами, как перенаселение, перенакопление отходов, повышение уровня преступности, дискомфорт на автомобильных дорогах и прочее. То есть появление «умных» городов – вынужденная мера, реакция на появление дискомфорта в городских пространствах. Употребляя по отношению к городу прилагательное «умный», мы понимаем его (город) как живой и самостоятельный организм, однако не стоит забывать, что город – это лишь пространство для функционирования его жителей: управленцев и обычных горожан, бизнеса и наемных работников.

Город – это платформа, на базе которой происходит взаимодействие и сосуществование абсолютно разных и противоположных сфер: поликлиники и больницы, детские сады и школы, электростанции и утилизация отходов, правоохранительные органы и библиотеки и другие. Каждое из перечисленных направлений есть отдельная информационная система, которая должна развиваться таким образом, чтобы была возможность интеграции друг в друга. Цифровизация и автоматизация в этих системах происходят неодинаково и по-разному. Например, в образовательной среде уровень информационных технологий значительно выше, нежели в системе управления отходами – значительная разница в финансовой обеспеченности здесь играет важную роль.

«Умный город» в этом ключе – это и есть интеграция информационных и коммуникационных технологий и «интернета вещей» для грамотного и эффективного управления городскими пространствами. Цель его создания – повышение качества жизни горожан посредством совершенствования городских технологий в целях совершенствования эффективности обслуживания и удовлетворения потребностей населения. Но у этого процесса имеется также и обратная сторона – посредством улучшения технологий контроля появляется возможность применения этих средств в целях тотального контроля над обществом, так как информационные и коммуникационные технологии напрямую связывают власть с городскими кластерами. Так, например, система распознавания лиц, которую уже активно применяют в столице нашего государства, эффективно помогает правоохранительным органам раскрывать преступления, но эту же систему

можно использовать и для преследования неугодных, а не только в качестве инструмента для повышения раскрываемости нарушений. За счет использования автоматизированных датчиков, работающих в режиме реального времени, данные обо всех жителях сохраняются, обрабатываются и анализируются. С этой точки зрения часть населения воспринимает повышение городского интеллекта с некоторым опасением. Впрочем, эта сторона метафоры может служить предметом отдельного анализа, мы же продолжаем рассуждение о самом понятии «умный город» как некоем модном тренде.

Термин тренд является англицизмом и переводится как тенденция. В экономике понимается как направление движения показателей, в моде – актуальное направление, в сети Интернет – увеличение количества поисковых запросов. В ежедневном употреблении мы понимаем тренд как современную тенденцию, следование моде. Так как «умный» город появляется как инструмент повышения качества, уровня производительности и интерактивности городских процессов, автоматизации и снижения потребления ресурсов, улучшения взаимодействия между народом и государством, то мы можем сказать, что «умный» город, безусловно, является трендом, вернее, не сам «умный» город, но его отдельные составляющие. Именно отдельные части «умных» технологий являются трендом. Например, система «умный транспорт» предполагает наличие специального приложения, которое позволяет каждому увидеть в режиме реального времени, где находится интересующий его транспорт. Зная, когда автобус или троллейбус подъедут на нужную остановку, возможно не только грамотно выстроить маршрут, но и запланировать попутные дела. Это удобно. Значит, внедрение данной системы в каждом городе может являться трендом, – тем самым развивается конкуренция между городами. И то, что появляется и успешно применяется в одном, стараются транслировать и в другие.

Другой пример – «умные» мусорные баки. Когда они заполнены, то «уведомляют» дворников об этом дистанционно. В итоге дворники очищают их своевременно, мусор не сыплется через край и на улицах чисто. В городе Абакане, столице Республики Хакасия с населением, не превышающим 200 тысяч человек, очень не хватает подобной системы, так как после федеральной «мусорной реформы» 2019 г. и прихода регионального оператора городским властям стало трудно справляться с вывозом мусора.

Если говорить о реальных достижениях «умных» городов, можно привести в пример город Вену, которая использует возобновляемые источники энергии, работающие на биомассе, а в Стокгольме сточные воды используются для отопления и превращаются в топливо для общественного транспорта. Дубай ставит ставку на искусственный интеллект и беспилотные такси (в 2019 году уже началось его тестирование). Заметьте, здесь мы опять говорим «город использует, применяет, умнеет», то есть употребляем город в качестве действующего лица. Это означает, что мы действительно можем говорить о городе как о самостоятельном организме, и с этой точки зрения сочетание «умный город» на самом деле является метафорой.

В России развитие «умных» городов началось в 2018 г., когда Министерством строительства Российской Федерации был принят проект цифровизации

городского хозяйства, который так и называли – «Умный город»⁴. В данном проекте была представлена концепция «Smart City по-русски». Основными направлениями стали: городское управление, «умное» ЖКХ, инновации для городской среды, «умный» городской транспорт, интеллектуальные системы общественной и экологической безопасности, туризм и сервис, интеллектуальные системы социальных услуг, экономическое состояние и инвестиционный климат, инфраструктура сетей связи. Для реализации проекта было заключено соглашение с 19 городами из 11 регионов России. В рамках данных соглашений города-участники должны были «поумнеть» и внедрить достаточное количество «умных» технологий в своё городское хозяйство. В список вошли Калуга, Великий Новгород, Пермь, Рязань, Ставрополь и другие. К 2023 г. число участников проекта составило порядка 200. Среди «умных» технологий сейчас: ежедневный мониторинг уборки улиц в Калуге; единая диспетчерская, которая сама может определить суть проблемы и отправить бригаду специалистов, будь то скорая помощь или служба газа, в Тульской области; «умные светофоры», регулирующие трафик в Воронеже; и др.

Для улучшения городского климата пошли по добровольно-принудительному пути. С одной стороны, в конструировании «умного» города есть некая необходимость: без развития и прорыва наступит стагнация и города не смогут быть привлекательными, ведь для городов также характерно понятие конкуренции, где более умные и продвинутые во многом привлекательнее с точки зрения миграционных процессов. С другой стороны, города теперь оцениваются по определенным показателям, которые регламентирует федеральное правительство (существует специальный индекс IQ городов, который рассчитывает Минстрой).

Если все теперь становится «умным», не значит ли, что оно становится обычным? Психологи утверждают, что для того чтобы выработать какую-либо привычку, необходимо одно и то же действие повторить 21 раз. Тогда, например, подъем в 6 утра или выполнение бытовых работ перейдут из разряда диковинных и необычных в повседневные и регулярные. Так происходит и со всем, что нас окружает. Мобильный телефон в список предметов первой необходимости на уровне бессознательного был включен уже после пяти лет появления на рынке. И мы прекрасно помним, что он весьма быстро вытеснил не менее интересное средство передачи информации – пейджер, потому что более универсален, обеспечивает систему двусторонней связи без посредников, а главное – он удобен. Комфорт – вот состояние, в котором хочет жить каждый человек.

Получается, что с точки зрения городских жителей цифровизация города – это одновременно и тренд, и отражение повседневности. Каждому жителю пусть даже самого маленького города хочется, например, отслеживать движение общественного транспорта через специальное приложение и не ждать свой автобус долго, или пользоваться единой системой мониторинга загруженности дорог транспортом, или оформлять через известный портал не только федеральные, но и региональные услуги. Безусловно, города отличаются друг от друга, и в них невозможно реализовать одни и те же подходы. На это необходимо закладывать

⁴ См.: Проект цифровизации городского хозяйства «Умный город». Минстрой России. URL: <https://minstroyrf.gov.ru/trades/gorodskaya-sreda/proekt-tsifrovizatsii-gorodskogo-khozyaystva-umnyy-gorod/> (дата обращения 24.11.2024)

немалые бюджетные и прочие средства, учитывать специфику территорий. Выше мы приводили примеры «умных» городов. Вряд ли в скором будущем такой небольшой город, как Абакан, например, перейдет на беспилотное такси – до столицы республики Хакасия электромобили-то только начали доезжать. С точки зрения города как неодушевленного конструкта употребление приставки «умный» является именно метафорой, ведь то понимание, которое закладывается в определение «умный», в отношении города употребляется именно в переносном значении, и целиком «умным» город быть не может, лишь только одна или несколько его частей.

«Умный» город в современном понимании предполагает интеграцию цифровых технологий и сетей для повышения качества жизни граждан, оптимизации ресурсов и улучшения экологии. Однако как неодушевленный конструкт сам город лишен способности мышления или самопознания, что и делает саму концепцию «умного» города метафорической. Несмотря на это, использование термина «умный» указывает на высокий уровень автоматизации и цифровизации его компонентов – транспортной системы, инфраструктуры, энергетики и управления отходами. В основе любого «умного» города лежит интеллектуальная инфраструктура, которая включает в себя сенсоры, камеры, беспроводные сети и программные системы для сбора и анализа данных. Эти данные позволяют городским властям быстрее реагировать на возникающие проблемы, прогнозировать изменения и улучшать управление городом. Например, система управления дорожным движением, адаптирующая сигналы светофоров в реальном времени, может значительно сократить время в пути и уменьшить заторы. Таким образом, «умный» город, с одной стороны, предвосхищает потребности его жителей, а с другой – оптимизирует использование городских ресурсов.

Однако стоит отметить, что «умные» системы не всегда идеальны и могут сталкиваться с различными проблемами, такими как угрозы кибербезопасности, конфиденциальность данных и высокая стоимость внедрения технологий. Кроме того, зависимость от технологий может сделать город уязвимым перед техническими сбоями и атаками. По этой причине важно, чтобы внедрение «умных» решений сопровождалось продуманной политикой безопасности, этическими стандартами и планами по реагированию на чрезвычайные ситуации. В конечном итоге цель «умного» города сводится не к полной автоматизации всех процессов, но к созданию гармоничного и безопасного пространства для жизни человека.

Феномен «умного» города является ценным и перспективным для анализа всего комплекса социогуманитарных наук: например, для психологии ключевым будет изучение реакции и поведения жителей на очередную цифровую трансформацию; социология в центр внимания должна ставить непосредственные городские интеракции как между населением, так и с органами власти и их эволюцию в процессе «поумнения» городской среды; философия, в свою очередь, расставляет акценты на глубоком смысле, значимости и интерпретации. Историки, исследующие феномен «умного» города, будут вынуждены обратить внимание на хронологию и причинно-следственные связи в эволюции таких городов. Им предстоит определить, как именно развитие технологий и цифровых решений вело к трансформации городской среды и как эти изменения повлияли на насе-

ление. Исторический анализ может выявить корреляции между крупными технологическими прорывами и изменениями в социальных структурах, что поможет лучше понимать современную городскую динамику.

Экономика в контексте «умного» города становится мостом между технологиями и общественными интересами. Исследования в этой области должны сосредоточиться на том, как «умные» технологии могут содействовать устойчивому экономическому росту, например через оптимизацию городских ресурсов, снижения затрат и стимулирование инновационного предпринимательства. Сложные модели экономического развития, интегрирующие данные о поведении граждан и их предпочтениях, могут стать основой для прогнозирования и настройки городской политики, что в итоге приведет к увеличению благосостояния горожан.

Политология также играет ключевую роль в изучении «умных» городов, рассматривая, как цифровизация и внедрение новых технологий влияют на управление и участие граждан в политических процессах. Технологии открывают новые возможности для прозрачности и подотчётности органов власти, что, в свою очередь, может укрепить демократические институты. Однако наряду с этими возможностями существуют и вызовы – опасность злоупотребления данными и нарушение приватности требуют создания новых правовых норм и подходов к защите прав граждан.

Психология, социология, философия, история, экономика и политология в сочетании создают многогранное понимание феномена «умного» города. Каждая из этих дисциплин привносит свой уникальный вклад в исследование этого сложного и динамичного явления. Психология изучает поведение жителей, их восприятие и адаптацию к новым технологиям и условиям жизни. Социология фокусируется на социальных взаимодействиях и структуре общества в условиях цифрового преобразования. Философия задается вопросами смысла и цели «умного» города, исследует этические аспекты внедрения технологий и их влияние на человеческое существование.

История помогает понять корни современных изменений, прослеживая эволюцию городов и их инфраструктуры. Экономика анализирует финансовые потоки и модели управления ресурсами, необходимые для поддержания устойчивого роста. Политология же рассматривает вопросы власти, принятия решений и участия граждан в управлении городом.

Исследования в рамках каждой из этих областей дают науке возможность не только глубже понимать текущие тенденции, но и предлагать практические решения для успешного и гармоничного развития городов будущего. Эти дисциплины взаимосвязаны и дополняют друг друга, формируя целостную картину, необходимую для комплексного анализа и прогнозирования.

Значение всех этих направлений будет зависеть от темпов формирования, внедрения и развития процессов цифровизации. По мере того как технологии проникают во все сферы жизни, необходимость междисциплинарного подхода возрастает. Вот почему данные области знаний сохраняют свою актуальность и ценность на протяжении долгих периодов, помогая обществу адаптироваться к изменениям и создавать города, соответствующие вызовам будущего.

* * *

Известный архитектор Кристофер Александер отмечал: «Город – это не дерево» [Alexander, 1965]. Он противопоставил две абстрактные городские структуры: структуру «полурешетки» и структуру «дерева». «Органический» полурешетчатый город – это «сложная ткань», структура, которая «возникла более или менее спонтанно в течение многих-многих лет». Она плотная, жесткая и тонкая. «Город-дерево», напротив, характеризуется своей структурной простотой и минимальным перекрытием между его городскими единицами, будь то зонированное использование территории, социальные пространства или транспортные линии. Несмотря на свой интерес к «органическим» формам, Александер представлял себе будущее, в котором «компьютеры играют фундаментальную роль в создании мира – и прежде всего построенной структуры мира – живым, человеческим, экологически содержательным и с глубокой живой структурой» [Там же, р. 60]. Для современного человека «навязчивое желание аккуратности и порядка» теперь рационализируется посредством исчерпывающего сбора данных, автоматизированных инструментов проектирования и городских систем с искусственным интеллектом. Мы используем «деревья решений» для выращивания «деревьев городов».

Как отмечает Шэннон Маттерн: «Представьте, если бы мы срастили социальные и эпистемические инфраструктуры с техническими и архитектурными и если бы мы гораздо больше ценили общественный дизайн и поддержку всех этих систем. Представьте, если бы мы культивировали городскую “корневую систему”, которая ставит экологическую, расовую и цифровую справедливость выше эффективности; источник которой “эпистемический плюрализм”, опирающийся на логику цифровизации, чувственный опыт и культурное многообразие локальных сообществ. Город, построенный с учетом мудрости, заложенной в его “корневой системе”, в конечном счете, намного умнее любого суперкомпьютера» [Mattern, 2021, р. 154]. Логика «дерева» и в городском пространстве, и в алгоритмической форме сохраняется отчасти потому, что мы можем легко представить ее в своем воображении: от генеалогического древа до дерева познания и организационной схемы. Однако у подобной логики выстраивания отношений в рамках концепции «умного города», как подчеркивает Маттерн, есть своя цена – «крайне ограниченное обрамление различий» и чрезмерный акцент на «чистоте» заложенных классификаций [Там же]. Когда Александер предлагает несколько примеров, иллюстрирующих «древесную» логику городской структуры, он признает, что «пока не может показать планы или наброски» для «полурешетчатого» города, в основном потому, что его основные характеристики – перекрытие, изменчивость и неформальность – нелегко поддаются алгоритмизируемому представлению: «Когда мы думаем в терминах деревьев, мы меняем человечность и богатство живого города на концептуальную простоту, которая выгодна только дизайнерам, планировщикам, администраторам и застройщикам. Каждый раз, когда часть города вырывается, и дерево создается для замены полурешетки, которая была там раньше, город делает еще один шаг к диссоциации» [Alexander, 1965, р. 58]. На наш взгляд, на современном этапе классическая метафора «город-дерево» все также актуальна, по крайней мере потому что и все многообразие смысловых форм го-

родского пространства, и предполагаемая логика их алгоритмического представления принадлежат одному архетипу.

Список литературы

- Арутюнова Н. Д.** Метафора // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Прогресс, 1990. С. 157.
- Жданова Э. А., Абжамалова Н. Д., Свич Н. А.** Метафора и процесс метафоризации значения слов // International scientific review. 2017. № 4 (35). С. 69–72.
- Ортега-и-Гассет Х.** Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991.
- Alexander C.** A city is not a tree: part I // Architectural forum. 1965. Vol. 122, No. 1. P. 58–62.
- Mattern S.** A City Is Not a Computer. Princeton University Press, 2021

References

- Alexander C.** A City Is Not a Tree: Part I // Architectural Forum. 1965. Vol. 122, No. 1. P. 58–62.
- Arutyunova N. D.** Metaphor // V. Yartseva (Ed.) Encyclopedic Dictionary of Linguistics. Moscow: Progress, 1990. P. 157. (in Russian)
- Ortega y Gasset J.** Aesthetics. Philosophy of Culture. Moscow: Iskusstvo, 1991. (in Russian)
- Mattern S.** A City Is Not a Computer. Princeton University Press, 2021
- Zhdanova E. A., Abzhamalova N. D., Svich N. A.** Metaphor and the process of metaphorization of the meaning of words // International Scientific Review. 2017. No. 4 (35). P. 69–72. (in Russian)

Информация об авторе

Евгения Юрьевна Немкова

аспирант, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова

Information about the Author

Evgeniya Y. Nemkova

postgraduate student, Khakass State University

*Статья поступила в редколлегию 25.11.2024;
одобрана после рецензирования 24.02.2025; принята к публикации 27.02.2025.*

*The article was submitted 25.11.2024;
approved after reviewing 24.02.2025; accepted for publication 27.02.2025*

Материал к лекции

УДК 111.1; 165.0

DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-4-71-103

Контекст

Игорь Евгеньевич Прись

Институт философии НАН Беларусь

Минск, Беларусь

frigpr@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1721-6388>

Аннотация

Рассматривается понятие контекста, которое наряду с понятиями реальности и нормативности является центральным понятием контекстуального реализма. Устанавливаются связи между контекстуальностью, нормативностью, концептуальностью и непредопределённостью, между понятиями контекста и релевантного (имплицитного) знания. Приводятся примеры контекстуальности, в частности, в квантовой механике. Показано, что контекстуальность – антидот против релятивизма. С точки зрения контекстуального реализма предлагается критика эпистемологического корреляционизма. Рассматривается вопрос о критериях существования/реальности.

Ключевые слова

Контекст, норма, концепт, реальность, контекстуальный реализм, квантовая механика, непредопределённость

Благодарности

Исследование выполнено при частичной поддержке гранта БРФФИ № Г24МС-002 «Квантово-подобное моделирование социогуманитарных систем и философия контекстуального реализма»

Для цитирования

Прись И. Е. Контекст // Сибирский философский журнал. 2024. Т. 22, № 4. С. 71–103
DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-4-71-103

Context

Igor E. Prisy

Institute of philosophy of National Academy of Sciences of Belarus

Minsk, Belarus

frigpr@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1721-6388>

© Прись И. Е., 2024

Abstract

The concept of context is considered, which, along with the concepts of reality and normativity, is the central concept of contextual realism. The relations between contextuality, normativity, conceptuality and nonpredeterminacy, between the concepts of context and relevant (implicit) knowledge are established. Examples of contextuality are given, in particular, in quantum mechanics. It is shown that contextuality is an antidote against relativism. A critique of epistemological correlationism is offered from the point of view of contextual realism. The question of criteria of existence/reality is considered.

Keywords

context, norm, concept, reality, contextual realism, quantum mechanics, nonpredeterminacy

Acknowledgements

The reported study was partially funded by BRFFR according to the research project № Г24МС-002 «Quantum-like modeling of social and human systems and philosophy of contextual realism».

For citation

Pris I. E. Context. *Siberian Journal of Philosophy*, 2024, vol. 22, no. 4, p. 71–103 (in Russian)
DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-4-71-103

«Принцип интенционального реализма, или, скорее, интенциональной детерминации реализма (...) по сути идентифицируется с принципом *контекста*» [Benoist, 2011, p. 73].

1. Текст и контекст

Понятие контекста – (кон)текста – предполагает наличие «текста» и «окружающих», «внешних» (по отношению к тексту) или бэкграундных условий. (Латинская приставка *con* имеет значение «с», «вместе».) Эти условия должны быть релевантными (что-то имеет значение, а что-то не имеет), что говорит о нормативности понятия «контекст». Они могут быть имплицитными или эксплицитными, могут быть эксплицированы, но в общем случае никогда не могут быть эксплицированы полностью: контекст – это то, что подразумевается, остаётся на заднем плане. Контекст не навязывают, не представляют; он, так сказать, сам навязывается, сам себя представляет, но в конечном итоге, в своей основе, где он просто отождествляется с реальностью как таковой, он молчалив. Поскольку контекст нормативен, а норма, как мы будем утверждать, относится к категории идеального, не дана, не являет себя (но может быть выражена в языке), контекст до конца не уловим. Сомнения всегда возможны. Но, мы будем также утверждать, контекст, в отличие от нормы, относится к категории реального. Реальность тоже не дана; дана лишь объективированная часть реальности, реальные объекты. Поэтому, как и норма, контекст не дан, но по другой причине. Вообще контекстуальность не отделима от нормативности; одно есть, так сказать, альтер эго другого.

В простейшем случае роль текста играют личные и указательные местоимения. Например, значение местоимения первого лица единственного числа «я» зависит от человека, который его употребляет: в одном «контексте» местоимение обозначает Александра, в другом Ивана, а в третьем – Анастасию. В такого рода предельных случаях мы имеем дело с хорошо определённой функ-

цией, зависящей от значений её параметров; контекст полностью эксплицируется, превращается в текст, как таковой исчезает. Нормативность контекста, как и мы, утверждает, например, Д. Андлер [Andler, 2000]. Для него это не просто хорошо определённая функция своих параметров, позволяющая однозначно (пред)сказать результат.

В общем случае можно сделать различие между смыслом (значением) слова или предложения и смыслом (значением) его употребления. Прагматический лозунг (Витгенштейна, но не только его) гласит, что смысл (значение) (слова, предложения) есть его употребление (смысл, так сказать, супервентен на употреблении). Всякое употребление корректно или нет (нормативно). В витгенштейновских терминах это языковая игра (ЯИ), то есть нормативная практика, интенциональное действие (эпистемическое или практическое). Норму (правило) ЯИ мы называем витгенштейновским правилом/нормой (в-правилом). Таким образом, смысл-употребление, или ЯИ, – употребление в-правила.

Понятия ЯИ и в-правила подразумевают свою укоренённость в опыте, реальности. Другими словами, в-правило имеет реальные условия своего объективного существования и употребления. Оно определяется набором своих парадигматических ЯИ (неотделимо от них), между которыми имеется семейное сходство – семейное сходство и есть наличие общего в-правила, эксплицитного или имплицитного – и которые в своей совокупности образуют то, что Витгенштейн называет формой жизни.

Например, в «О достоверности» (§ 139) Витгенштейн пишет [Wittgenstein, 1984]: «Um eine Praxis festzulegen, genügen nicht Regeln, sondern man braucht auch Beispiele. Unsre Regeln lassen Hintertüren offen, und die Praxis muß für sich selbst sprechen». («Чтобы установить некую практику, недостаточно правил, нужны еще и примеры. Наши правила оставляют лазейки, а практика должна говорить сама за себя»¹.) В другом переводе читаем: «Не только правила, но и примеры необходимы для установления опыта. Наши правила оставляют пустоты, а опыт должен говорить сам за себя» [Витгенштейн, 2010]. Здесь речь идёт о формулировке правила, то есть о правиле как эксплицитной (эксплицированной) норме. Понятие в-правила, вводимое нами, включает в себя как свою эксплицитную формулировку, так и примеры, то есть не оставляет «лазеек/пустот».

В-правило или набор в-правил определяют грамматику формы жизни, то есть её нормативную структуру. Грамматические предложения, в частности, наиболее общие грамматические предложения – петлевые предложения (ПП)², которые Витгенштейн рассматривает в своей работе «О достоверности», – выражают убеждения, имеющие логическую (в широком) смысле достоверность.

В этих терминах роль текста играет в-правило (грамматика), а, точнее говоря, его эксплицитная формулировка, а роль контекста – конкретные условия его применения. ЯИ как употребление в-правила контекстуальна. Смысл как употре-

¹ См.: Витгенштейн Л. О достоверности. URL: <https://opentextnn.ru/old/man/index.html?id=4600> (дата обращения: 31.07.2024).

² Наиболее известными примерами ПП являются «Это рука», «У меня две руки», «Земля существовала задолго до моего рождения» и другие. Эти предложения/убеждения имеют гибридный характер и логическую (не эмпирическую) достоверность.

бление, или ЯИ, есть там и только там, где есть контекстуальность. Там, где нет смысла/контекстуальности, есть просто то, что есть, т. е. реальность.

Согласно витгенштейновской проблеме следования правилу, в конечном итоге не существует (мета)правила для применения правила (в новых конкретных условиях. В парадигматических же случаях правило применяется автоматически, механически). В этом смысле мы следуем правилу «слепо», «инстинктивно», «спонтанно», но не иррационально. Применение в-правила корректно тогда и только тогда, когда оно обосновывается. Но в общем случае обоснование возможно только *post factum*. Поэтому риск неправильного применения сохраняется. Тем не менее, именно понятие контекста позволяет совместить возможность ошибки, риск и объективную достоверность применения в-правила. В частности, знание как ЯИ (ментальное состояние в экстерналистском смысле, согласно Т. Уильямсону) сопровождается соответствующей феноменологией, чувством обладания знанием.

Понятие контекста отсылает к не(пред)определённости применения в-правила, (новым) ЯИ, их укоренённости в реальности, возможности изменения самого в-правила. Существует до конца не эксплицируемая часть ЯИ, в-правила, обязанная их интимному контакту с самой реальностью, – контекст.

Сказанное подразумевает, что само в-правило (норма, концепт) не часть реальности, не реально. Оно относится к категории идеального. Согласно нам, витгенштейновская проблема следования правилу, или проблема его контекстуального (прагматического/практического) применения, – проблема категориального провала между идеальным и реальным. Постулат категориального дуализма лежит в основании нашей позиции – контекстуального реализма (КР) [Прись, 2020; 2021; 2022a; 2023; 2024a].

Контекст, напротив, реален. В первом приближении это неэксплицированное (неконцептуализированное) реальное, тогда как то, что эксплицируется в виде формулировки в-правила (концептуальное), идеально. В то же время сама граница между реальным и концептуальным подвижна, зависит от точки зрения, контекста. То есть концептуальное/нормативное/идеальное и реальное/фактическое могут превращаться друг в друга. В частности, как известно, ПП могут менять свой статус: они могут превращаться из нормативных предложений в эмпирические и наоборот [Прись, 2017]³. Натурализованные ПП, то есть ПП как эмпирические предложения, – фундаментальный контекст. Это «грубые факты», которые лежат в основании других фактов. У Аристотеля роль таких фактов (ПП) играют *Ananké Stenai* – то, что не выводимо, не доказуемо, но применяется в качестве необходимой предпосылки, позволяющей остановить регрессию до бесконечности. Согласно Аристотелю, нужно где-то остановиться⁴.

³ Нам близка точка зрения авторов недавней статьи по петлевой эпистемологии, утверждающей, что «данная математическая сущность (entity) может употребляться контекстуально как эпистемическая петля, неэпистемическая петля или же не-петля» [Fairhurst, 2024, p. 1]. «Математические предложения в различных контекстах не только могут играть петлевую или эмпирическую роли, но также могут вести себя как петли разных типов (например, различие эпистемическая/неэпистемическая)» [Fairhurst, 2024, p. 8].

⁴ Понятие грубого, или бэкграундного, факта вводит Э. Энском. Она приводит пример с бакалейщиком, которому должна заплатить за доставку картофеля: «Вслед за Юмом я могла бы сказать своему бакалейщику: “Истинность состоит в согласии либо с отношением идей, как, например, двад-

Как было сказано, контекстуальна не устоявшаяся/автоматизированная, а новая, аутентичная (спонтанная/естественная) ЯИ. Контекст ЯИ – тот конкрет-

цать шиллингов составляют фунт, либо с фактами, как, например, то, что вы доставили мне порцию картофеля; отсюда вы можете видеть, что термин не применим к такому предложению, как “я должна вам столько-то за картофель”. Нельзя переходить от “есть” – например, что я действительно попросила картофеля и что вы доставили его и прислали мне счет, – к “должна”.

Состоит ли мой долг перед бакалейщиком в данном случае в каких-либо фактах, помимо упомянутых? Нет. Кто-то может сказать: он состоит в этих фактах в контексте наших институтов. В каком-то смысле это правильно. Но мы должны быть осторожны, чтобы, так сказать, правильно провести (bracket) этот анализ. То есть мы не должны сказать, что он состоит в этих фактах-имеющих-место-в-контексте-наших-институтов, а сказать, что он состоит в этих фактах – в контексте наших институтов, или, что в контексте наших институтов, он состоит в этих фактах. Ведь утверждение, что я должна бакалейщику, не содержит описания наших институтов, так же как утверждение, что я дала кому-то шиллинг, не содержит описание института денег и валюты этой страны. С другой стороны, для того чтобы быть таким высказыванием, каким оно является, необходимо наличие этих или очень похожих институтов в качестве бэкграунда» [Anscombe, 1958, p. 69].

На наш взгляд, здесь можно выделить два важных положения: реалистское понимание контекстуальности и нормативный реализм. Первое противопоставляется релятивистскому и корреляционистскому (или неокантианскому, то есть принципиально ограничивающему познание познаваемой перспективой) пониманием контекста. Контекст – необходимое условие всякого осмысленного высказывания. Он подразумевается, но не описывается высказыванием. В частности, применительно к квантовой механике роль фонового контекста играют экспериментальные условия приготовления эксперимента и наблюдения его результатов, включая прибор наблюдения (наблюдателя). Иногда говорят, что квантовый объект и результат измерения, произведённого над ним, нельзя отделить от контекста наблюдения, измеряющего прибора, наблюдателя. Это может быть понято в том смысле, что результат наблюдения/измерения – это результат-наблюдения/измерения-в-данном-экспериментальном-контексте-данном-прибором. На самом деле, согласно нашему контекстуальному квантовому реализму (ККР), утверждение, что измеряемый квантовый объект и результат измерения не отделены от прибора измерения и наблюдателя, измерительного контекста, является аналитическим/грамматическим. Описание результатов измерения и, соответственно, измеряемого объекта, его свойств не содержит в себе описание экспериментальной ситуации, хотя последняя подразумевается. (Как пишет Энском, «любое описание предполагает контекст нормальной процедуры, но этот контекст даже неявно не описывается в описании. Исключительные обстоятельства всегда могут иметь значение, но они не принимаются во внимание без причины (reason)» [Anscombe, 1958, p. 71].) При этом результаты измерения, показываемые приборами, не отождествляются непосредственным образом со свойствами измеряемого квантового объекта. Последние супервентны на результатах измерения в экспериментальном и теоретическом контексте. (То есть можно различать результаты наблюдения как показания приборов и результаты наблюдения как свойства измеряемых квантовых объектов. Последние супервентны на первых в контексте измерения.)

Подобным же образом можно говорить о существовании нормативных фактов и свойств, супервентных на ненормативных в контексте. Реальный нормативный факт, что Энском должна бакалейщику определённую сумму денег в контексте социальных институтов, с необходимостью следует из ненормативных фактов. Условие «в контексте социальных институтов» является принципиальным. Вне контекста нет никакого необходимого следования. Также контекст – нормативное понятие. Поэтому нет никакой гарантии, что мы имеем дело именно с тем контекстом, который гарантирует необходимое следование. Контингентные факторы могут привести к изменению контекста.

Проблема гильотины Юма, то есть перехода от фактического «есть» к идеальному «должно» и одновременно от ненормативного факта (свойства) к нормативному снимается; этот переход осуществляется, провал между нормативным и ненормативным закрывается на практике, в действии, в контексте. Нормативное «должно» супервентно на грубых ненормативных фактах в контексте, роль которого у Энском играют социальные институты. Само различие между грубыми и описательными фактами, предполагающими грубые факты, относительно. Описательные факты оказываются грубыми для описательных фактов более высокого уровня. И наоборот, грубые факты могут оказаться описательными в контексте более фундаментальных грубых фактов. Также описательный факт не предполагает с необходимостью некоторые фиксированные грубые факты. Контекст может оказаться исключительным. То, что Энском называет грубыми фактами, играет роль бэкграунда, то есть контекста.

ный контекст, который делает применение в-правила (нормы, концепта) *адекватным*. В рамках такого применения (ЯИ) идентифицируется, «схватывается» контекстуальный объект как сама полнокровная вещь, а не её кантианский эрзац «для нас».

Также форма жизни как таковая, определяющее (структурирующее) её в-правило (имплицитная или эксплицитная грамматика), натурализованное в виде парадигматических случаев своих применений (устоявшихся ЯИ), играют роль контекста. (В-правило идеально, но натурализованное в-правило, в частности, натурализованные ПП, относятся к категории реального. Они, как было сказано, выражают общие «грубые (реальные) факты».) Но это более общий контекст-пре-суппозиция, контекст-бэкграунд, делающий возможным конкретные ЯИ и их конкретные контексты. Если применяемые в-правило, концепты соответствуют наличному бэкграунду (форме жизни), их применение *подходящее*.

Таким образом, мы вводим два нормативных условия: подходящести и адекватности⁵. Последнее условие является более сильным, так как предполагает первое. Подходящность правила, нормы, концепта концептуальной схемы означает соответствие области своей применимости, играющей роль общего контекста, тогда как их адекватность означает корректность их применения в конкретном контексте ЯИ, устанавливающего интимный контакт с реальностью. Понятия общего и конкретного контекстов отражают категориальный (не субстанциальный) дуализм идеального правила и его реального применения. Именно контекст позволяет укоренить идеальное (нормы, концепт, смысл) в реальном (фактическом), то есть делает его подлинно идеальным (неукоренённое в реальном идеальное остаётся псевдоидеальным; идеальное не может быть автономным). Бенуа, например, пишет, что «контекст – это то, что делает возможным действительный смысл (*le sens effectif*)» [Benoist, 2011, p. 88].

2. Контекстуальный реализм

Резюмируем вышесказанное в терминах нашего контекстуального реализма (КР). КР мы формулируем в виде двух постулатов (аналитических/грамматических истин): (1) реальность первична; она просто такова, какова она есть; (2) идеальное (концепты, правила, нормы, интенции, смысл) вторично; идеальное и реальное относятся к разным категориям (категориальный дуализм): идеальное не реально. То же самое сформулируем в виде двух тавтологий: (1) реальное реально; (2) идеальное идеально (не часть реальности, не дано, не являет себя). Идеальное, однако, объективно, то есть имеет реальные условия своего (не реального) существования и применения (в противном случае оно превращается в псевдоидеальное). Применение идеального – измерение реальности. В частности, норма – норма реальности: реально то и только то, что удовлетворяет соответствующей норме, которая применяется в контексте. То есть норма (идеальное) измеряет реальность, идентифицирует то, что есть. И наоборот: реальность и есть то, что измеряется нормой (идеальным). Поэтому эквивалентным образом КР формулируется как чувствительность онтологии (а следовательно, и эписте-

⁵ Аналогичное различие вводит Бенуа [Benoist, 2011, p. 56].

мологии, и семантики) к контексту. Также эквивалентным образом КР формулируется как чувствительность норм к контексту (это положение можно даже трактовать как аналитическое: нормы по определению чувствительны к контексту). Наконец, с точки зрения КР исчезает различие между реализмом и идеализмом: КР совпадает с контекстуальным идеализмом (КИ), понятием как реалистский (контекстуальный) подход к идеальному как имеющему реальные условия своего объективного (но не реального) существования, а не как реализм идеального. По этой причине КР можно назвать идеальным (нормативным, интенциональным или концептуальным) реализмом. Понятие контекста стирает различия между позициями. КР оказывается позицией, объединяющей существующие философские позиции и, одновременно, в рамках этого объединения корректирующей их⁶. С этой точки зрения, существует одна правильная философская позиция – КР. Любая другая позиция, отклоняющаяся от неё, оказывается либо ошибочной антиреалистской (идеалистической) позицией, либо позицией приближённой, либо имеющей ограниченную область применимости. Другими словами, КР играет роль «единой теории» философии, подобно тому как теория струн или квантовая гравитация играют роль единой теории физики, а программа Ленглендса – единой теории математики.

Поскольку КР – категориальный дуализм, его структура – структура провала между идеальным и реальным. Это структура витгенштейновской проблемы следования правилу. Провал между в-правилом и его применением закрывается на практике, в действии – когнитивном (суждении) или практическом, – в контексте. (Суждение и действие контекстуальны).

С точки зрения КР понятие контекста неотделимо от понятия нормы. Норма приобретает смысл и применяется в контексте. О контексте, в свою очередь, имеет смысл говорить там и только там, где есть нормативное (концептуальное) движение в реальности, смысл. В более общем плане контекст есть там и только там, где есть идеальное (норма, концепт, смысл). КР – это правильное понимание контекста (нормы, идеального), контекстуальности (нормативности, идеальности)⁷. Утверждение категориального дуализма идеального и реального – это утверждение контекстуальности.

Наконец, контекстуальность – это, как уже было сказано, также не(пред)определённость. Это, в частности, означает, что КР, будучи синтезом реализма и контекстуализма (на самом деле подлинный реализм не может не быть контекстуальным), отвергает редукцию реальности к объективности, реализма к объективизму, присущую философии модерна и постмодерна. Объективизм исключает не(пред)определённость.

⁶ Я рассматриваю КР как одновременно терапевтическую и объединяющую позицию примерно в том же смысле, в котором Н.О. Лосский рассматривает свой интуитивизм (универсальный, или мистический, эмпиризм) как корректирующую (традиционные (индивидуалистический) эмпиризм, рационализм и критицизм, а также мистический (идеалистический) посткантовский рационализм) и объединяющую позицию. Хотя Лосский не оперирует понятием контекста, существует много общего между КР и интуитивизмом [Лосский, 1908].

⁷ С точки зрения КР контекст не ограничивает и не релятивизирует познание, а, напротив, делает возможным объективное познание, существование подлинной универсальности, которая есть универсальность идеального (нормативного, концептуального) как универсальная пригодность в области своей применимости (что является аналитической истиной, тавтологией).

Таким образом, наш КР утверждает следующее отношение эквивалентности: контекстуальность = идеальность (нормативность, концептуальность, смысл) = не(пред)определённость, или свобода воли. Из этих эквивалентностей следует также эквивалентность между КР и этикой [Прись, 2024a]. В метафизическом плане КР – это подход «сначала реальность». В эпистемологическом – «сначала знание». В этическом – «сначала благо (good)».

Наш контекстуальный квантовый реализм (ККР) – применение КР в области квантовой механики (КМ). ККР позволяет скорректировать и совместить понятия не(пред)определённости и контекстуальности эпистемических, в частности неокопенгагенских, интерпретаций КМ, нормативную трактовку КМ кьюбизмом (QBism) и его субъективную интерпретацию квантовой вероятности, прагматистские, феноменологические и реалистские интерпретации [Прись, 2023]. ККР вводит понятие контекстуальной вероятности (к-вероятности), которое независимо в математической физике было введено А. Хренниковым [Khrennikov, 2009; Прись, 20226].

3. От нормы к контексту и наоборот

Итак, как уже должно быть ясно, на отношение между нормой и контекстом можно посмотреть с двух сторон. Можно начать с нормы и рассмотреть её применения в разных ситуациях, контекстах (понятия «ситуация» и «контекст» можно рассматривать как эквивалентные). В этом случае контекст возникает как конкретные условия применения нормы. Одна и та же норма может быть применена в разных контекстах. Но можно начать с некоторой конкретной ситуации, контекста и эксплицировать в нём норму. В другом контексте может быть эксплицирована та же самая норма, но может быть эксплицирована и другая норма. (Эксплицированная норма, разумеется, может быть применена в разных контекстах.) В этом втором случае понятие контекста связано с бэкграундом как таковым, эксплицируемой нормой (которая, оставаясь неэксплицированной, просто играет роль грубого факта, пресуппозиции. Точнее говоря, роль грубого факта играют соответствующие устоявшиеся случаи её применения, образующие в своей совокупности форму жизни). Таким образом, контекстуальность оказывается двойственной, многоуровневой. Регресса контекстов, однако, не возникает, так как контекст по определению не предполагает наличие другого контекста. Суть контекстуальности в наличии эксплицитной или имплицитной нормы (концепта, смысла, идеального). Это то, что, как уже было сказано, делает контекст, данную конкретную ситуацию до конца неуловимой. В свою очередь сама норма, а не только её применения, контекстуальна. Отсюда и двойственность контекста. В следующем параграфе мы рассмотрим пример.

4. Пример зависимости от контекста

Рассмотрим (интерпретируем) вкратце пример с объединением и дизъюнктивным объединением двух множеств, который приводит Ж. Бенуа [Benoist, 2011, ch. III]. Эти понятия совпадают, если множества не пересекаются, и они не совпадают, если множества пересекаются. Мощность (число элементов) дизъюнктного объединения двух пересекающихся множеств равна сумме их мощностей.

Напротив, мощность их простого объединения меньше суммы их мощностей, так как относящиеся к разным множествам одинаковые элементы учитываются только один раз. В случае если множества не пересекаются, мощность простого объединения двух множеств равна мощности их дизъюнктного объединения.

Если простое объединение множеств рассматривается как смешение их элементов, оно играет роль реальности (общего, бэкграундного контекста) для дизъюнктного объединения. Последнее предполагает норму, в соответствии с которой эта реальность «измеряется» таким образом, что общие элементы двух множеств учитываются дважды, поскольку они помечаются индексом, указывающим на их принадлежность к тому или иному множеству и, тем самым, превращаются в отличные друг от друга элементы. Конкретный контекст – контекст дизъюнктного объединения (когда множества пересекаются) – возникает в реальности простого объединения.

Как уже было сказано, различие между реальным/фактическим и нормативным зависит от контекста. Само простое объединение в бэкграундном контексте теории множеств, играющем роль реальности, есть её измерение при помощи нормы объединения, конкретный контекст.

Таким образом, мы делаем различие между специальным (особым, конкретным) контекстом (ситуацией) и общим контекстом, бэкграундом – тем, что делает конкретный контекст, ситуацию возможными. В витгенштейновских терминах это различие между языковой игрой и формой жизни (внешними обстоятельствами), которую она предполагает. Устоявшиеся ЯИ образуют общий контекст, реальность, тогда как новые ЯИ – особый контекст, контекст употребления. (Бенуа говорит о внешнем по отношению к смыслу «чисто голом контексте» и «контексте употребления» [Benoist, 2011, p. 82]).

Тем не менее, иерархии контекстов и, соответственно, бесконечного регресса не возникает. Мы всегда имеем дело с той или иной реальностью, в которой возникает нормативное движение и, соответственно, контекст. В идентификации, схватывании самой вещи в рамках ЯИ никакого регресса контекстов не возникает по определению, так как контекст – это лишь то, что делает возможным эту идентификацию, схватывание.

Контекст подразумевает норму, её применение, а, следовательно, реальность, которую эта норма измеряет (бэкграундный контекст). То, что измеряется, – измеряется в конкретном контексте, который может варьироваться (в более общем бэкграундном контексте).

Контекст – это то, что делает норму возможной, что укореняет её в реальности, что представляет собой «трение» нормы и реальности и, следовательно, то, что сопротивляется норме и преобразует её. В общем случае контекст – «трение» идеального (нормы, концепта, смысла) и реального, делающее возможным существование идеального. Поскольку контекст нормативен, это предполагает дистанцирование от реальности, то есть рефлексии, возникновение концептуального измерения. (Это дистанцирование особенно заметно в том случае, если контекст новый, специфический). Витгенштейн пишет: «Мы ступили на скользкий лёд, где нет и следа трения, зато, в некотором смысле, условия идеальны, но именно из-за этого мы не можем двигаться. Мы хотим двигаться: следовательно»

но, нам нужно *трение*. Обратно на грубую почву!» [Витгенштейн, 2019, § 107]. Это означает, что идеальное (смысл, нормы, концепты) не автономно. Автономная идеальность («нет и следа трения») – псевдоидеальность.

Контекст, с одной стороны, позволяет ограничить область применимости концепта, в-правила (очертить эту область), а с другой – обобщить его (расширить эту область, но уже для обобщённого в-правила. Релятивистская физика, например, обобщает нерелятивистскую, а квантовая – классическую. Соответствующие теории как в-правила/концепты обобщаются) [Прись, 2012].

5. Контекст как релевантное (имплицитное/бэкграундное) знание

Контекст как форма жизни, имплицитная или эксплицитная натурализованная грамматика (в-правило, ПП) – общее знание. (В-правило как таковое не знание (знание пропозиционально и фактивно, то есть с необходимостью предполагает наличие соответствующего факта), но натурализованное в-правило в виде своих парадигматических применений и факта наличия самого правила, выражаемого в формулировке правила, – знание. Это знание правила.) Специфический контекст конкретной ЯИ – конкретное знание. Таким образом, контекст не есть нечто прилагаемое, дополнительное. Он есть (в виде условий – релевантное знание, очевидность (evidence)) и его нет в том смысле, что есть только данное, то, что даётся (познаётся) в ЯИ, – контекстуальный объект. Понятие контекста указывает на то, что онтология не автономна, не predetermined, а «контекстуальна». Идентифицируемые (познаваемые) вещи идентифицируются (познаются) в контексте. В то же время они таковы, какими они идентифицируются, познаются, и они были таковыми до своей идентификации, познания. В этом смысле, строго говоря, нет релятивности к контексту, разделения на «текст» и внешний «контекст», в зависимости от которого один и тот же текст мог бы иметь различный смысл⁸. Правильное понимание понятия «контекст» делает возможным подлинный реализм, который не может не быть контекстуальным.

Если контекст – это релевантное знание (формы жизни или более конкретное), а релевантное знание (о фактах, знание реальности), как утверждает ЭСЗ Уильямсона, это очевидность (evidence), то контекст – это очевидность. Согласно ЭСЗ, знание (очевидность), вообще говоря, не очевидно. Зачастую мы что-то знаем (у нас есть соответствующая очевидность), но мы не знаем, что мы это знаем (наша очевидность не очевидна). И наоборот: зачастую мы уверены, что мы что-то знаем (у нас есть очевидность второго порядка в пользу очевидности первого порядка), тогда как на самом деле мы это не знаем (у нас нет очевидности первого порядка) [Williamson, 2002]. Контекстуальность предполагает отсутствие гарантии, риск. Таким образом, контекст как, вообще говоря, имплицитное (бэкграундное) знание, очевидность не всегда очевиден, до конца не уловим.

Таким образом, существует тесная связь между понятием «контекст» и понятиями знания, очевидности, смысла, нормы, концептуального, объекта (онтологией). Ни одно из этих понятий не имеет строгого содержательного определения. Знание – первичное эпистемическое понятие, не поддающееся концептуальному

⁸ Релятивность к внешнему контексту означала бы своего рода релятивизм.

анализу (с точки зрения ЭСЗ, которую мы принимаем). Нормативность, концептуальность и идеальность, так же как и контекстуальность, трудноопределимы⁹. Объект как принцип идентификации того, что есть, – грамматическое определение. Формула «смысл – употребление (супервентен на употреблении)» – не определение смысла.

6. Контекст и контекстуальность в квантовой механике (КМ)

6.1. Некоторые разновидности контекста в КМ

В КМ контекст, во-первых, определяется условиями (приготовления) эксперимента¹⁰. Его называют ещё «до-измерительным (англ. *pre-measurement*) контекстом». В данном до-измерительном контексте мы можем измерять различные наблюдаемые. Поэтому такой контекст вместе с выбором наблюдаемой для измерения образуют более конкретный контекст измерения. По умолчанию предполагается, что измерение является проективным. Но оно может быть непроективным (вместо проекторов могут использоваться «положительные операторы», что отсылает к общей теории измерительных инструментов в КМ). В таком случае контекст измерения предполагает также задание «инструмента измерения» (в общем случае непроективного оператора). Таким образом, вероятностное распределение значений измеряемой величины и состояние системы после измерения не однозначны, а зависят от выбора инструмента измерения. Результату измерения соответствует «после-измерительный контекст»¹¹. В несколько других, но эквивалентных, терминах можно сказать, что условия приготовления эксперимента определяют квантовую систему, то есть её волновую функцию. А. Хренников отказывается от понятия автономной квантовой системы и говорит, что волновая функция описывает условия эксперимента. Для нас условия эксперимента, то есть контекст, остаётся на заднем плане, но он определяет (чувствительную к контексту, а не автономную) квантовую систему, которая и описывается (представляется) волновой функцией. Таким образом, контекст каждого конкретного результата квантового измерения – это соответствующая (измеренная, например,

⁹ Т. Уильямсон пишет: «Я больше не пытаюсь серьезно работать с термином “концепт”, поскольку считаю выделение (*individuation*) “концептов” безнадежно неясным» [Левин, 2023, с. 53].

¹⁰ Отметим, что Н. Бор термин «контекст» не употреблял, но у него роль этого термина играет выражение «экспериментальные условия».

¹¹ Хренников даёт следующие определения контекста: «Измерительный контекст состоит из до-измерительного контекста C , наблюдаемой A , и после-измерительного (*post-measurement*) контекста $C_{A=x}$, соответствующего исходу $A = x$, то есть представляется тройкой $(C, A, C_{A=x})$ » (см.: Khrennikov A. Contextual measurement model and quantum theory (19 Dec 2023) URL: <https://arxiv.org/abs/2312.13300> (дата обращения: 07.12.2024), р. 4). Преобразование $C \rightarrow C_{A=x}$ может быть описано как отображение $T_A(x) : C \rightarrow C$, где C – множество до-измерительных контекстов. Пару $I_A = (A, T_A)$ Хренников называет контекстуальным инструментом. Это базовый инструмент теории измерений. В несколько других обозначениях: «Пара $I_A = (\text{наблюдаемая, отображение актуализации контекста (context update map)}) = (A, T_A)$ называется контекстуальным инструментом; пара (C, I_A) , или тройка (C, A, T_A) , называется измерительным контекстом». «Разнообразие (a variety) инструментов может быть ассоциировано с той же самой наблюдаемой A : $I_A = (A, T_A)$, $I'_A = (A, T'_A)$, $I''_A = (A, T''_A)$, Все эти отображения актуализации имеют ту же самую область определения, определяемую наблюдаемой A » (см.: Khrennikov A. Contextual measurement model and quantum theory (19 Dec 2023) URL: <https://arxiv.org/abs/2312.13300> (дата обращения: 07.12.2024), р. 9).

проективно редуцированная) волновая функция, то есть волновая функция квантовой системы после измерения.

6.2. Квантовая вероятность – контекстуальная вероятность:

Р. Фейнман, А. Хренников

Впервые формулу квантовой вероятности, то есть вероятности для квантовой частицы, вывел Р. Фейнман. Он сделал это, исходя из рассмотрения известного интерференционного квантового эксперимента на двух щелях. Фейнман понял, что в рассматриваемом эксперименте возникают три различных контекста, соответствующие трём различным условиям эксперимента: А (открыта только левая щель), В (открыта только правая щель), С (открыты обе щели). Квантовая вероятность попадания частицы в некоторую точку экрана в ситуации С не есть сумма вероятностей её попадания в эту точку в ситуациях А и В, как это имеет место в классическом случае. Возникает дополнительный интерференционный член. Это можно объяснить тем, что значимыми оказываются не только простой факт наличия двух открытых щелей, но также и ситуация в целом («топология» С, или контекст С. То есть имеется дополнительная информация, которая и позволяет модифицировать классическую вероятность). Фейнман сделал заключение, что квантовая вероятность, в отличие от классической, не аддитивна. Хренников предложил другую, но тоже контекстуальную, интерпретацию. Та же самая формула полной вероятности возникает, если предположить, что вероятность аддитивна, но нарушается формула условной вероятности (формула Байеса), тогда как Фейнман по умолчанию предполагал справедливость классического байесовского подхода, основанного на условной вероятности. Нарушение формулы Байеса обусловлено контекстуальностью вероятности, то есть необходимостью принимать во внимание изменение контекста. Контекстуальность, то есть существование несовместимых, но дополняющих друг друга, контекстов, – единственное отличие квантового случая от классического. Принцип дополнительности Бора Хренников, как и мы, трактует как принцип контекстуальности. В этом смысле не существует никакой мистической квантовой природы. Квантовые и квантовоподобные явления обусловлены контекстуальностью.

Квантовая вероятность может быть понята как обобщение классической вероятности – как контекстуализированная классическая вероятность (в классической (колмогоровской) теории вероятности контекст просто фиксирован), а КМ, соответственно, – как обобщение классической механики. Зависимость от контекста означает, что не существует совместного распределения вероятностей всех величин системы. В зависимости от контекста существуют разные, но дополняющие друг друга распределения вероятности. Например, нет совместного распределения вероятности координаты и импульса частицы, а есть два дополняющих друг друга распределения: вероятностное распределение её координаты и вероятностное распределение её импульса. Говорят ещё о корпускулярно-волновом дуализме: в одном контексте это волна, а в другом – частица. Но нет контекста, в котором квантовая частица была бы одновременно волной и частицей. Частица-волна – противоречивый объект.

В известном смысле в каждом фиксированном контексте мы имеем дело с классической механикой¹². Квантовый формализм лишь устанавливает связь между контекстами. Это делает возможным говорить о квантовой системе, наблюдаемые которой измеряются, вообще говоря, в разных контекстах. Только в том случае, если наблюдаемые совместимы, то есть коммутируют, существует общий контекст, в котором они могут быть одновременно измерены.

6.3. Интерпретация КМ и квантовой вероятности А. Хренниковым

Хренников пишет о своей интерпретации квантовой механики, «Växjö» («Векшё». Это название города в Швеции), следующее: «Мы показали, что, вопреки распространенному мнению, нетривиальная интерференция вероятностей не связана с какими-то особыми (и даже мистическими) “квантовыми свойствами”. В подходе Векшё все вероятностные рассуждения являются чисто классическими (но контекстуальными!). Мы не будем рассматривать волны или апеллировать к дуализму волна-частица. Интерференция вероятностей для наблюдаемых a и b в контексте C является следствием присутствия в этих наблюдаемых некоторой дополнительной информации о контексте C » [Khrennikov, 2009, p. 83, note 2].

Понятие «контекстуальной вероятности» Хренников вводит так: «Принцип контекстуальной относительности вероятностей. Контекстуальность означает, что все вероятности зависят от комплексов условий S – контекстов: $P(E) \equiv P_S(E)$. Бессмысленно говорить о вероятности, не определив комплекс физических условий»¹³. Это универсальное понятие, применимое не только в физике.

Ранее мы ввели аналогичное понятие контекстуальной/очевидностной квантовой вероятности [Прись, 2022б]. Наше понятие – применение в КМ понятия очевидностной (evidential) вероятности Т. Уильямсона [Williamson, 2002]. Очевидностная вероятность – вероятность события, условная на очевидности, понятой как полное релевантное (контекстуальное) знание (в этом отличие от субъективистского байесовского подхода)¹⁴. Контекст, или данные, в смысле Хренникова – это как раз и есть такое знание/очевидность. В КМ контекст определяется волновой функцией. Как уже было сказано, в отличие от Хренникова, мы говорим, что волновая функция кодирует знание о квантовой системе (в контексте), а не описывает контекст. То есть, как и Хренников, мы отвергаем существование автономной, или предопределённой (предшествующей измерению), квантовой онтологии, но утверждаем, что квантовая онтология контекстуальна.

Хренников делает различие между условной и контекстуальной вероятностями. Условная вероятность $P(B/A)$ – «это вероятность того, что событие B

¹² Аналогичным образом в контексте каждой фиксированной инерциальной системы отсчёта мы имеем дело с ньютоновскими абсолютными пространством и временем. Специальная теория относительности (СТО) устанавливает связь между этими контекстами. Отличие от КМ в том, что СТО устанавливает не только связь, но и точное соответствие между контекстами.

¹³ См.: Khrennikov A. Växjö Interpretation of Quantum Mechanics (28 Jul 2003) URL: <https://arxiv.org/abs/quant-ph/0202107> (date of access: 10.06.2024), p. 8–9.

¹⁴ С точки зрения эпистемологии сначала-знания (ЭСЗ) Т. Уильямсона имеет место эквивалентность очевидность = знание.

произойдет при условии, что произошло событие A . Таким образом, обычное обусловливание – это обусловливание события». Обусловливание в смысле Хренникова – «это контекстное обусловливание: $P(b = \beta|C)$ – это вероятность того, что наблюдаемая b принимает значение β в процессе измерения в контексте C » [Khrennikov, 2009].

Но условную вероятность $P(B/A)$ можно трактовать как частный случай контекстуальной вероятности: $P(B/A) = P(b = B|C=A)$. Таким образом, в классической физике (теории вероятности) $P(B|C) = P(A|C)P(B|C\&A)$, где C – исходный общий контекст. Он фиксирован, но конкретный контекст актуализируется, превращается в $C \& A$. В КМ возникновение события A меняет исходный контекст, так что $P(B|C) = P(A|C) P(B|C\&A = C')$ (равенство, поскольку контекст C' предполагает A), где $C' = TC$ (T – измерительный инструмент, преобразующий C в C' . T может быть проектором или положительным оператором)¹⁵. $C\&A \neq C'\&A = C'$. Классическая и квантовая формулы отличаются. Таким образом, поскольку в общем случае условная вероятность предполагает переход от одного контекста C к другому C' , классическая байесовская формула оказывается нарушенной.

6.4. Некоторые примеры квантовой контекстуальности

Колмогоровская вероятность классической физики неявно предполагает один-единственный фиксированный контекст, для которого она и рассматривается (хотя сам Колмогоров указывал на бессмысленность определения вероятности в отрыве от контекста). (Технически это означает, что не требуется вводить дополнительный индекс, обозначающий контекст.) Если бы все контексты были совместимыми, их можно было бы свести к одному контексту, и, таким образом, в понятии контекстуальности не было бы необходимости. Но, как доказывает, например, КМ, существуют несовместимые контексты. Соответственно, следует предположить существование несовместимых распределений вероятности.

В простейшем случае квантовую вероятность можно связать с некоммутативностью наблюдаемых, что эквивалентно их несовместимости (дополнительности), зависимости результата измерения от порядка измерения. Например, координаты и импульс не могут одновременно иметь определённые значения. Результат их измерения зависит от порядка измерения. $P(x, p) \neq P(p, x)$, где $P(x, p)$ и $P(p, x)$ – распределения вероятности величин x и p , измеряемых в соответствующем порядке.

Контекстуальность в смысле Белла, которая проявляет себя в явлении квантовой корреляции запутанных переменных, – это зависимость результата измерения одной переменной B от результата измерения другой, коммутирующей с ней переменной A . В разных контекстах (при разных значениях A) B имеет разные

¹⁵ Хренников определяет контекстуальную условную вероятность так: «Рассмотрим измерительный контекст (C, A, T_A) . Пусть он генерирует исход $A = x$ и соответствующую актуализацию контекста, $C \rightarrow C_{A=x} = T_A(x)C$. Рассмотрим измерение другой наблюдаемой B относительно условия $A = x$, то есть относительно контекста $C_{A=x}$. Условная вероятность даётся формулой: $P_{C, T_A}(B = y|A = x) \equiv P_{C_{A=x}}(B = y) = P_{T_A(x)C}(B = y)$ » (см.: Khrennikov A. Contextual measurement model and quantum theory (19 Dec 2023) URL: <https://arxiv.org/abs/2312.13300> (date of access: 07.12.2024), p. 10).

значения, что выглядит как мгновенное воздействие на расстоянии¹⁶. Поэтому обычно квантовая корреляция трактуется как нелокальный эффект в КМ. Хренников отказывается от такой точки зрения и трактует квантовую корреляцию как эффект контекстуальности¹⁷. Независимо контекстуальная трактовка была предложена нами в рамках КР (ККР) [Прись, 2020; 2023].

Предположим, что величина A коммутирует с величинами B и C . То есть A и B могут быть измерены одновременно, а также могут быть одновременно измерены A и C . Оказывается, что результат измерения A зависит от того, измерили мы B или C . То есть он зависит от контекста. Это явление называется контекстуальностью совместного измерения (joint measurement contextuality, JMC) [Khrennikov, 2023, p. 308]¹⁸.

6.5. О (нео)кантианском и реалистическом подходах к квантовой контекстуальности

В самом общем случае Хренников формулирует принцип контекстуальности в КМ следующим образом: «Неразделимый вклад в результат измерения (output) всякой квантовой наблюдаемой вносят система и измерительный прибор»¹⁹. Ссылаясь на Бора, что невозможно чётко разделить поведение атомных объектов и их взаимодействие с измерительными приборами, и на (нео)кантианскую интерпретацию Бора А. Плотницким, он рассматривает результат измерения как результат «взаимодействия» системы и измерительного прибора. Вводя для контекста, или «комплекса экспериментальных условий», обозначение $C = (\rho, \sigma, U)$, где ρ – атомный объект (его состояние), σ – измерительный прибор (его состояние), U – взаимодействие, выражаемое унитарным оператором, Хренников пишет: «Связь между контекстуальностью (в смысле Бора) и несовместимостью совершенно ясна: несовместимость является, так сказать, “производной” от контекстуальности. Нет оснований ожидать, что любая пара контекстов $C_1 = (\rho_1, \sigma_1, U_1)$ и $C_2 = (\rho_2, \sigma_2, U_2)$ может быть объединена в рамках совместной измерительной схемы, даже если $\rho_1 = \rho_2 = \rho$ »²⁰. Таким образом, контекст, с одной стороны, оказывается единым

¹⁶ A и B могут, например, быть проекциями спина на ось z двух запутанных между собой в результате первоначального взаимодействия квантовых частиц, разнесённых на очень большое расстояние друг от друга.

¹⁷ Спутывание Хренников трактует в терминах вероятности, а не тензорного произведения гильбертовых пространств. В общем случае (в терминах теории инструментов, обобщающей теорию проективных измерений) оно определяется так: «Для $C \in \mathcal{C}$ инструменты IA и IB совершенно условно совершенно (perfectly) коррелируются для значений ($A = \alpha, B = \beta$), если условная вероятность получить значение $B = \beta$ при условии, что предшествующее A -измерение имело исход $A = \alpha$, равно 1, $P_C(B = \beta | A = \alpha) = 1$ » (см.: Khrennikov A. Contextual measurement model and quantum theory (19 Dec 2023) URL: <https://arxiv.org/abs/2312.13300> (date of access: 07.12.2024), p. 18). Здесь $\mathcal{C}$ – совокупность всех контекстов.

¹⁸ В этом случае $P(B, A, C) \neq P(C, A, B)$, где $P(B, A, C)$ – распределение вероятности величин A, B, C , измеряемых в порядке B, A, C , а $P(C, A, B)$ – распределение вероятности тех же величины, измеряемых в порядке C, A, B . Совместное вероятностное распределение оказывается неоднозначным.

¹⁹ См.: Khrennikov A. Formalization of Bohr's contextuality within theory of open quantum systems (18 Feb 2021) URL: <https://arxiv.org/abs/2102.09184> (дата обращения: 07.12.2024), p. 3.

²⁰ См.: Khrennikov A. Formalization of Bohr's contextuality within theory of open quantum systems (18 Feb 2021) URL: <https://arxiv.org/abs/2102.09184> (date of access: 07.12.2024), p. 6.

целым, включающим в себя и измеряемую систему, так что само понятие измеряемой системы теряет смысл, а с другой – такие элементы контекста как измерительный прибор и взаимодействие между ним и системой оказываются внешними по отношению к системе: в зависимости от того, какой прибор и какое взаимодействие между ним и квантовой системой (в этом случае она уже рассматривается как нечто самостоятельное, но как таковое непознаваемое – вещь в себе), результат измерения будет разным (это своего рода релятивистская позиция).

Наш КР такую философскую трактовку отвергает. Согласно КР, то, что измеряется, измеряется в контексте (вне контекста вообще не имеет смысла говорить об измерении). Но оно таково, каким оно измеряется (именно контекст делает возможным идентификацию), и оно было таким до своего измерения (это реализм), хотя до измерения оно не было (пред)определено, не являлось объектом, на него нельзя было (не имело смысла) указать (это не метафизический, а контекстуальный реализм). То же самое можно выразить в виде тавтологии: до измерения физическая величина не была измерена²¹.

7. О понятиях эпистемической и онтической реальностей

Рассматривая научные теории, Х. Атманспахер и Г. Примас делают различие между онтическим и эпистемическим уровнями [Atmanspacher 2001; 2005; 2024]. Они вводят понятия «контекстуальной топологии» (в зависимости от эпистемического контекста в абсолютной (не контекстуальной, максимально симметричной) онтической реальности оказывается эмерджентной та или иная «эпистемическая реальность», вообще говоря, с контекстуально нарушенной симметрией) и «относительной онтичности» (различие между эпистемической и онтической реальностями относительно; в контексте эпистемическая реальность может приобретать статус онтической и, соответственно, наоборот)²². В недавней статье Атманспахер пишет: «Любая онтология может также рассматриваться как эпистемология в зависимости от того, используется ли она как основа для дифференциации или как результат дифференциации» [Atmanspacher, 2024, p. 19]. Если она используется как «основа для дифференциации», то рассматривается как онтология («онтологическая реальность»), если же как «результат дифференциации», то – как эпистемология («эпистемическая реальность»).

Мы отказываемся от предлагаемого авторами разделения на «онтическую/онтологическую» и «эпистемическую» реальности, которое может ввести в заблуждение, что понятие реальности не однозначно, тогда как реальность просто

²¹ Мы всё время говорим о тавтологиях. Ж. Бенуа, например, считает, что, в отличие от науки, философия имеет дело лишь с тавтологиями.

²² Авторы указывают на определённые связи с концепцией онтологической относительности У. Куяна и концепциями внутреннего и прагматического реализмов Х. Патнэма [Atmanspacher, 2001; 2005]. В связи с этим отметим, что прагматический реализм Патнэма оказал определённое влияние на контекстуального реалиста (КР) Ж. Бенуа. Связи КР Бенуа и нашей версии КР с этими концепциями мы здесь не рассматриваем. Скажем лишь, что КР отличается от них именно отказом от предпосылок философии (пост)модерна и, соответственно, пониманием вариативности онтологии не в релятивистском смысле зависимости от выбора концептуальной схемы, теории или «внешнего контекста», а в смысле её чувствительности к контексту.

такова, какова она есть (в то же время существуют различные виды реальности, например физическая, биологическая, социальная и так далее. Но это реальности в одном и том же смысле). Для нас эпистемология определяет чувствительную к контексту (а не деконтекстуализированную, как у рассматриваемых авторов) онтологию в онтическом смысле. Деконтекстуализированной онтологии не существует. Делать различие между «онтической» и «эпистемической» реальностями не имеет смысла, поскольку в одном контексте мы имеем статистическое приближение (то, что авторы называют «эпистемической реальностью») некоторой онтологии («онтической реальности»), а в другом – саму реальность, другую (эммерджентную) онтологию (в терминологии авторов «эпистемическая реальность» превращается в «онтическую реальность»), которая, в свою очередь, может служить основанием для нового приближения (новой «эпистемической реальности») и, соответственно, новой онтологии («онтической реальности» в терминологии авторов). Фундаментальную неконтекстуальную «онтическую реальность» в смысле Атманспахера и Примаса можно трактовать просто как абстрактную математическую модель, исходя из которой могут быть выработаны различные физические (эмпирические) модели, имеющие отношение к реальности²³. Вкратце, реальность одна, но онтология многообразна и контекстуальна. В то же время в рамках своего двухаспектного нейтрального монизма Атманспахер утверждает, что существует онтический уровень реальности, который уже не может быть превращён в «эпистемическую реальность»²⁴. Это фундаментальный уровень психофизически нейтральной (области) реальности, исходя из которого и возникает разделение на физическое и ментальное [Atmanspacher, 2022; 2024]. Поскольку

²³ Хренников, как и мы, критикует подход рассматриваемых авторов. Он апеллирует к другому различию: различию между наблюдаемой моделью (observational model) и теоретической причинно-следственной моделью (Bild-conception). Если первая основывается на очевидности, является эмпирически подтверждённой моделью/теорией, не обязательно описывающей явления в причинно-следственных терминах, то вторая представляет собой её причинно-конструктивный образ (Bild), неоднозначна и не претендует на описание самих вещей, реальности как она есть. Например, в квантовой механике (КМ) классическая концепция причинности неприменима. Существует, однако, как показал Хренников, её классический статистический «образ» (Bild) (не в смысле теории со скрытыми параметрами в смысле Белла). КМ – статистическое приближение к своей модели-образу. Напротив, классическая механика является одновременно и тем и другим видом модели/теории; это вырожденный случай. Разработка понятия модели-образа и различия между двумя видами моделей восходит к Герцу, Гельмгольцу и Больцману. См.: Khrennikov A. Bild-conception for Scientific in Classical and Quantum Physics: from Hertz and Boltzmann to Schrödinger and De Broglie (10 Oct 2023) URL: <https://arxiv.org/abs/2310.06954> (date of access: 07.12.2024).

²⁴ Грубо говоря, согласно этой метафизической позиции, физическое и психическое – аспекты фундаментальной нейтральной субстанции. Согласно С. Перейра, родоначальником одной из разновидностей нейтрального монизма был Кант. См.: Sa Pereira R. The Kantian Version of Russellian Neutral Monism (to be published in: Grazer Philosophische Studien) URL: https://www.academia.edu/109387546/The_Kantian_Version_of_Russellian_Neutral_Monism_forthcoming_in_GSP_ (date of access: 07.12.2024). Действительно, Канта можно интерпретировать в том смысле, что существует фундаментальный глубокий уровень не пространственно-временных вещей в себе, из которого возникают сознание и материя. В «Критике чистого разума» (А 359) он пишет: «Demnach ist selbst durch die eingeräumte Einfachheit der Natur die menschliche Seele von der Materie, wenn man sie (wie man soll) bloß als Erscheinung betrachtet, in Ansehung des Substrati derselben gar nicht hinreichend unterschieden» (Наш перевод: «Следовательно, даже при признаваемой простоте природы человеческая душа недостаточно отличается от материи, если её рассматривать (как и должно быть) только как видимость, в отношении её субстрата») [Kant, 1998, S. 477].

для автора ключевым концептом является концепт смысла/значения (meaning as referent, meaning as sense), мы рассматриваем её как идеалистическую²⁵. У нас первичным концептом является концепт реальности. Реальность, в частности, первичный чувственный опыт, а не смысл, играет роль психофизически нейтральной области реальности.

8. Квантовая неопределённость, корреляционизм, контекстуализм

КР/ККР – критика (нео)кантианства и, в частности, (нео)кантианского «корреляционизма». Сравним нашу позицию со следующей неокантианской в широком смысле корреляционистской позицией Битболя: «Наиболее подходящий способ представления о квантовой неопределенности сродни “срединному пути”. Квантовая неопределенность не является ни отражением хаоса отделенной от нас Вселенной, ни выражением нашего частичного незнания природы. Она возникает из-за неотделимости явления от условий, в которых оно проявляется. Другими словами, квантовая неопределенность *по сути своей (essentially) корреляционна*» [Bitbol, 2024, p. 1]. Битболь отвергает как «гиперхаотический абсолют» антикорреляциониста (спекулятивного реалиста) К. Мейясу, случайность, присущую некой абсолютной реальности, так и контингентное незнание детерминированного абсолюта, детерминированных результатов квантового эксперимента (квантовых событий) или фундаментальных детерминистских законов, управляющих квантовыми событиями. Вместо этого предлагается идея гибридной формы случайности. Для Битболя квантовая неопределенность возникает в результате реляционного процесса, в котором участвует агент как часть среды, в которую он погружён. Отношение между средой и агентом контингентно. «Корреляционист, – пишет Битболь, – делает вывод, что ничто не мыслимо *само по себе*, а только *относительно нас самих*» [Bitbol, 2024, p. 3].

КР совпадает с позицией Битболя в её критической части, но расходится по вопросу «корреляционизма». Для КР ничто не мыслимо в себе, но мыслимо как оно есть. Контекст определяет то, о чём идёт речь. Нет смысла говорить, что (контекстуальный) объект определяется относительно собственного контекста, или относительно самого себя. Понятию гибридной формы вероятности соответствует рассмотренное выше понятие контекстуальной вероятности²⁶. Квантовая неопределённость (и случайность) не эпистемическая и не онтическая в традиционном смысле, а контекстуальная. Её можно назвать эпистемической или онтической, но только в контекстуальном смысле. То есть сами эпистемическая и онтическая неопределённости зависят от контекста, а не предопределены.

²⁵ Атманспахер пишет: «Значение (meaning) как референт – отношение, связывающее ментальный аспект реальности с её физическим аспектом» [Atmanspacher, 2024, p. 13]. «Значение (meaning) как референт (referent) и значение (meaning) как смысл (sense) – реляционные концепты, связывающие физический аспект реальности с ментальным аспектом и оба аспекта с их базисом в психофизически нейтральном» [Atmanspacher, 2024, p. 18]. Значение/смысл (meaning) – «фундаментальное свойство фабрики (fabric) реальности» [Atmanspacher, 2022].

²⁶ Как и Фейнман, Битболь полагает, что квантовая вероятность нарушает закон аддитивности (вероятности не складываются, а интерферируют). С точки зрения альтернативной интерпретации Хренникова, квантовая вероятность аддитивна, но нарушается формула Байеса (см. § 6.2).

Корреляционизм можно трактовать более или менее дефляционно, более или менее метафизически, а также эпистемологически или онтологически, например, как тезис «о неделимой природе мира, его полной неанализируемости как полюса “знающего” и полюса “известного”» [Bitbol, 2024, p.7]. Битболь симпатизирует кьюбизму (QBism), который принимает онтологическую неопределённость. Ранее мы показали, что кьюбизм – антиреалистическая позиция, которая, однако, может быть переинтерпретирована как ККР [Прись, 2023]. По стопам Бенуа ККР отвергает как корреляционизм, так и антикорреляционизм. В первом приближении ККР может быть названа дефляционной позицией, но в отличие от неё признаёт существование самих вещей и возможность их познания.

С Битболом можно согласиться, что неопределённость «возникает из-за неотделимости явления от условий, в которых оно проявляется» [Bitbol, 2024, p. 1], «из-за невозможности полностью контролировать условия, в которых возникает явление, когда вы сами являетесь частью этих условий» [Bitbol, 2024, p. 3]. Вопрос, однако, в том, как понимать эти условия и неотделимость явления от них. Для Канта условия априорны. Для КР это фактические условия; они определяются постфактум и, следовательно, не предопределены: это контекстуальные условия. Неотделимость от них просто означает контекстуальность. Но в таком случае термин «корреляция» может вводить в заблуждение, так как предполагает отношение между чем-то реальным (быть может, неопределённым) и чем-то (быть может, неопределённым) – реальным или реальным в некотором особом смысле (например, субъект/агент-объектная корреляция, не позволяющая отделить объект от субъекта, рассматривать их независимо друг от друга). Корреляция между идеальным и реальным не имеет смысла. Для КР в конечном итоге непредопределённость – непредопределённость применения витгенштейновского правила (в-правила), новой контекстуальной языковой игры (ЯИ). По определению контекст неконтролируем (операционная эпистемология, устанавливающая всегда доступные рефлексии правила, оказывается несостоятельной). Но неконтролируемость контекста совместима с рациональностью, если за неё не принимать интерналистскую рациональность – рациональность, доступную рефлексии.

Для КР квантовая неопределённость является одновременно семантической, эпистемической и онтической, но не онтологической в следующем смысле: КМ в принципе не запрещает детерминистское или статистическое объяснение случайных квантовых событий *post factum* (когда контекст фиксирован и может быть описан), нахождению его причин. Например, мы не можем предсказать, через какую щель прошёл электрон в известном двухщелевом эксперименте. Более того, вопросы о том, через какую щель он прошёл и каким образом он прошёл через две щели, не имеют смысла. Электрон просто проходит через две щели и попадает на экран. Если же перед щелью поставить детектор, то можно обнаружить, что электрон прошёл либо через одну щель, либо через другую, а интерференционная картина на экране исчезнет. При этом нельзя сказать, что детектор оказал влияние на электрон. Он просто зафиксировал его поведение в том или ином контексте, тех или иных условиях, которые не контролируемы, но описываемы *post factum*. Если мы установили (в контексте измерения), через какую щель прошёл электрон, мы можем установить причину наблюдаемого события, объяснить его.

КМ совместима как с детерминизмом квантовой реальности, так и с её индетерминизмом, в том смысле что классическая причинная реконструкция *post factum* случайных квантовых событий может оказаться как детерминистской, так и индетерминистской. Нет смысла говорить о реальности как таковой, что она является детерминистской или индетерминистской. Концепт реальности это не предполагает. С точки зрения КР первичен концепт реальности, а не предположение о детерминизме или индетерминизме. Поэтому и в общем случае, а не только в КМ, концептуализация некоторого среза реальности может быть детерминистской или индетерминистской.

Итак, квантовый индетерминизм – это контекстуальность и, как следствие, онтический индетерминизм и эпистемический индетерминизм (непредсказуемость), но не онтологический, то есть не индетерминизм реальности как таковой. Другими словами, характер квантовой реальности определяется характером объяснения квантовых явлений постфактум. Одно объяснение может оказаться детерминистским, а другое – статистическим. Примером является классический статистический «образ» КМ, предложенный Хренниковым (см. предыдущий параграф, сноска 23. См. также позицию Г. Герман [Прись, 2023, гл. 8, § 10.2, с. 212]). Поэтому мы согласны с Битболом, что «квантовые явления фактически безразличны к постулатам о детерминистском или недетерминистском характере лежащей в их основе реальности. Индетерминированность квантовых явлений недостаточна. Для доказательства какого-либо тезиса о детерминизме или индетерминизме, преобладающем в гипотетической “независимой реальности”» [Bitbol, 2024, p. 6–7].

Исходя из вышесказанного ясно, что принцип (соотношение) неопределённости Гейзенберга, который ещё в англоязычной литературе называют принципом недостоверности (uncertainty), можно было бы назвать также принципом контекстуальности. Объяснительный статистический (ин)детерминизм постфактум (реконструкция события) отличается от индетерминизма как неопределённости, которая предшествует реализации того или иного события. Неопределённость не является внутренне (онтологически) присущей самой природе, но также и не является чисто эпистемической (нашим незнанием того, что есть на самом деле). Квантовая неопределённость – онтическая неопределённость, которая сама неопределённа, то есть зависит от контекста.

Битболь выделяет три смысла квантовой случайности (randomness) и, соответственно, вероятности и неопределённости: «Случайный характер процесса может быть конститутивным свойством исследуемой природы; он может обозначать пробел в знаниях исследователя, изучающего этот процесс; или он может возникать из самого процесса (flow) исследовательской деятельности. Из этого трио вариантов вытекают три названия знаменитых неравенств Гейзенберга: уравнения неопределённости (природы); принцип недостоверности (uncertainty) (познающего субъекта); принцип непредсказуемости (явлений, готовых возникнуть на стыке природы и познающего субъекта)» [Bitbol, 2024, p. 5]. Как и Битболь, КР отвергает первые два смысла. Непредсказуемость КР понимает как не-предопределённость.

Термины «интерфейсная неопределенность», «неопределенность взаимодействия», «корреляция», которые употребляет Битболь, отражают не неопределённость как контекстуальность в нашем понимании, а, скорее, следующие эпистемологическую и метафизическую её трактовки: «Она [неопределённость] может рассматриваться как выражение случайности, возникающей из необходимого незнания (в отличие от контингентного незнания, которое было отвергнуто), или как сущностно корреляционная форма случайности (в отличие от случайности, относящейся к сущности абсолютной реальности, которая не может быть доказана). Ведь необходимое незнание – это незнание интерактивного процесса, из которого познающий субъект не может себя исключить, а сущностная корреляция – корреляция взаимодействия в потоке изменений, в котором мы не можем сказать, что относится к одному коррелирующему термину, а что к другому» [Bitbol, 2024, p. 7]. КР отказывается от таких трактовок.

Историю физики корреляционистская эпистемология Битболя интерпретирует как расширение применения принципа относительности, при котором сущности или свойства предыдущего этапа развития физики заменяются трансляционными инвариантами, относящимися к более позднему этапу [Bitbol, 2024, p. 2]. Это сближает его позицию со структурным реализмом (см. нашу критику структурного реализма [Прись, 2024б]). Мы интерпретировали прогресс физики в терминах обобщения её контекстуальной грамматики, или в-правила [Прись, 2012]. Битболь тоже существенным образом употребляет понятие контекста, но философское понимание этого понятия у него другое²⁷.

9. Релятивизм и контекстуализм

Зачастую не делается различия между контекстуализмом и релятивизмом или же первый принимается за второй, тогда как на самом деле контекстуализм – антитеза против релятивизма. Релятивист утверждает, что истина зависит от контекста, относительна, не абсолютна. При этом релятивист трактует контекст как внешний фактор по отношению к определённому содержанию, которое само по себе ни истинно, ни ложно. Контекстуалист, напротив, утверждает, что контекст – это то, что позволяет определить само содержание, о чём на самом деле идёт речь, не смешивая его с другим содержанием, и, соответственно, определить, что именно истинно или ложно и истинно оно или ложно (всякое содержание, выраженное в виде пропозиции, либо истинно, либо ложно). Но то, что истинно или ложно, для контекстуалиста истинно или ложно абсолютно, не зависит от контекста. Смысл/значение (meaning) есть употребление, определяется лишь

²⁷ Следует различать три уровня понимания контекстуальности: математический, физический и философский. Ни один из них не редуцируется к другому. И в самой философии понимание контекстуальности неоднозначно. О физической и математической контекстуальностях см., например, Budroni C., Cabello A. et al. Kochen-Specker Contextuality (9 Jan 2023) URL: <https://arxiv.org/abs/2102.13036> (date of access: 07.12.2024); Abramsky S., Barbosa R. S. The logic of contextuality (5 Nov 2020) URL: <https://arxiv.org/abs/2011.03064> (date of access: 07.12.2024). Для математика С. Абрамски контекстуальность есть там, где есть совокупность локально непротиворечивых данных, которые глобально противоречивы. Так, в КМ отсутствует глобальное распределение вероятности (см. понятие контекстуальной вероятности у А.Ю. Хренникова выше).

в реальном (следовательно, контекстуальном) употреблении слов и предложений, то есть в рамках (нормативных, контекстуальных) языковых игр, предполагающих ответственное суждение. Ответственность, нормативность и контекстуальность идут рука об руку. Таким образом, для контекстуалиста зависимость значения истинности высказывания (предложения, утверждения, суждения, убеждения, мысли) от контекста не прямая, как это имеет место для релятивиста (в одном контексте предложение истинно, в другом оно же ложно). Оно зависит от контекста, но только потому, что оно зависит от смысла высказывания, который зависит от контекста. Контекстуальный реалист Ж. Бенуа пишет: «С одной стороны, контекстуализм подчеркивает важность контекста для получения настоящих, полнокровных пропозиций (т. е. носителей истины) – или, может быть, более тонко, *развенчивает миф о пропозиции как аконтекстуальном носителе истины*. С другой стороны, “контекст”, как он используется логическим релятивизмом, определяет извне истинностное значение пропозиции, которая должна быть одинаковой в различных контекстах, в которых она оценивается. Этот контекст не влияет на содержание, но исключительно на его истинностное значение. Что предполагает: 1) аконтекстуальную устойчивость пропозиций (или, по крайней мере, что на данном этапе проблемы, связанные с контекстуальностью смысла, уже решены или, так сказать, нейтрализованы), 2) *отсутствие у пропозиции внутреннего истинностного значения* (против Фреге). В этом отношении “контекст высказывания” и “контекст оценки” могут быть не только онтологически разными. Даже когда они просто онтологически одинаковы, их функция в любом случае не одинакова» [Benoist, 2024a, p. 7–8].

Таким образом, содержание, которое релятивист оценивает извне, либо де-контекстуализировано и, таким образом, строго говоря, не является осмысленным содержанием (о чём релятивист забывает), либо рассматривается вне своего первоначального контекста, в котором оно приобрело смысл.

В рамках своего семантического релятивизма, вдохновляющегося семантическим контекстуализмом, Дж. МакФарлайн делает различие между контекстом употребления и контекстом оценки, вводит «индекс оценки» помимо контекстуального индекса. Содержание высказывания определяется в контексте его употребления, а оценивается оно в контексте оценки. При этом одно и то же содержание, фиксируемое в контексте употребления, может быть по-разному оценено в разных оценочных контекстах.

Согласно Бенуа, источник семантического релятивизма МакФарлайна находится, с одной стороны, в семантическом контекстуализме, а с другой – в темпоральной логике А. Прайора, принимающей семантику, которая противоречит семантике Г. Фреге [Benoist, 2024a]. Например, для Фреге содержание высказывания «Идёт дождь» подразумевает момент времени, в который оно делается, внутренний темпоральный индекс. Напротив, с точки зрения темпоральной логики Прайора содержание высказывания не зависит от момента времени, а темпоральный индекс является внешним. Как следствие, истинность высказывания оказывается зависящей от момента времени, в который производится его оценка. Весь вопрос в том, имеет ли эта вообще-то полезная в некоторых отношениях формально-логическая схема философское обоснование, соответствует ли она реаль-

ному употреблению языка, реальным различиям, принимает ли она во внимание эпистемическую ответственность субъекта при оценке истинностного значения высказывания.

Оценочную относительность можно понять в том смысле, что субъекты могут иметь разные (субъективные) стандарты оценки, и, следовательно, каждый в своей оценке может быть прав относительно своего стандарта. Но, с одной стороны, такая относительность является чисто условной и не ведёт к проблеме разногласий, а с другой – в этом случае возникает вопрос об истинных стандартах (если предположить, что существуют привилегированные стандарты, релятивизм исчезает и возникает разногласие относительно выбора стандартов). Сказать, что высказывание истинно относительно некоторого стандарта, и сказать, что оно истинно-относительно-(такого-то, моего, твоего)-стандарта, не одно и то же. Во втором случае само понятие истины деформируется, а стандарты трактуются как равноправные; истина превращается в субъективную (относительную) истину («у каждого своя правда»). В первом случае существование абсолютной истины, то есть истины, соответствующей привилегированному стандарту, можно допустить. Во втором случае понятие абсолютной истины просто элиминируется. Во втором случае субъект вместе со своими субъективными стандартами делается частью контекста, в котором производится оценка. Возможность разногласия исчезает. Речь просто идёт о разных вещах, разных понятиях «истины-для...»²⁸.

Мы критиковали релятивизм, в частности релятивизм Макфарлайна, в одной из наших работ: «Эпистемический релятивизм есть неправильный способ опровержения эпистемического метафизического реализма: последний отвергается в своих собственных рамках. В результате релятивизм оказывается противоречивой позицией. (...) Релятивизм может быть преобразован в витгенштейновский контекстуализм, лишённый недостатков семантического контекстуализма и предполагающий неметафизическую (контекстуальную) онтологическую позицию (без рассмотрения онтологических вопросов невозможно удовлетворительно решить эпистемологические проблемы). В рамках контекстуального подхода в нашем понимании нет необходимости вводить релятивистский “контекст оценки”, как это делает Джон Макфарлайн, а контекст употребления совпадает с контекстом, в котором располагается субъект, которому приписывается знание»²⁹. «У Макфарлайна суждение оценивается в контексте оценки, тогда как у нас оно употребляется в контексте, который в то же время есть и контекст оценки»³⁰.

Эта трактовка согласуется с трактовкой Бенуа, для которого нет такого понятия как «субъективный контекст». Понятие субъективного (приватного) контекста, которое использует релятивист, в том числе и Макфарлайн, противоречиво, так как назначение контекста состоит в том, чтобы сделать идентифицируемые

²⁸ Согласно Г. Фреге, у таких высказываний нет истинностного значения. Предикат «истинно-для...» противоречив (inconsistent).

²⁹ Прись И.Е. Витгенштейновский контекстуализм против эпистемического релятивизма // Электронный научный журнал «Apriori. Серия: Гуманитарные науки» (2018. № 5. С. 1–37). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35583770> (дата обращения: 11.10.2024), с. 1.

³⁰ Прись И.Е. Витгенштейновский контекстуализм против эпистемического релятивизма // Электронный научный журнал «Apriori. Серия: Гуманитарные науки» (2018. № 5. С. 1–37). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35583770> (дата обращения: 11.10.2024), с. 22.

содержание и истинностное значение публичными, объективными, следовательно, intersubjectivными. «Контекст, по сути, – это принцип публичности: то, во что мыслящие люди могут войти или спроецировать себя, а не частный контекст, частью которого был бы я – и никто другой» [Benoist, 2024a, p. 5]. Другими словами, релятивист смешивает субъективный фактор в самой оценке, то есть субъективность того, кто оценивает, субъективность, относящуюся к (субъективному) контексту оценки, и оцениваемую субъективность, субъективный фактор в том, что оценивается. Во втором случае субъективность выступает в роли объекта. В первом случае она субъективно судит об объекте. Обе субъективности могут относиться к одному и тому же человеку. При этом они будут выполнять разные функции в суждении. Принципиальный момент в том, что суждение субъекта, оценка содержания на истинность подразумевают обязательство установить их истинностные значения, то есть подразумевает эпистемическую ответственность, что предполагает публичность, несовместимую с эпистемической субъективностью [Benoist, 2024a, p.10]. Понятие истины, относительной к своей оценке, противоречиво.

Таким образом, семантический релятивизм Макфарлайна – формально-логический подход, игнорирующий эпистемическую ответственность субъекта, оценивающего истинность высказываний. Это разновидность субъективного релятивизма, отвергающего внешние критерии истинности и принимающего, что истинность оценочного суждения в самом этом суждении определяется им самим. Такой подход разрушает саму идею истины.

Контекстуализм, в отличие от субъективизма и релятивизма, понимает эпистемическую субъективность как эпистемическую ответственность, внимание к реальности, восприимчивость как к объективному контексту, то есть контексту высказывания, определяющему его смысл, так и к субъективному контексту – контексту того, кто оценивает высказывание. Это ответственный субъективизм. С точки зрения контекстуализма, оценивающий субъект не внешний фактор по отношению к оцениваемому, а сам вовлечён в конкретную реальную ситуацию оценки и несёт ответственность за свою оценку.

10. О критериях существования/реальности

Контекст можно также определить как структуру ситуации (Е.В. Попов), – это нормативная структура; Д. Андлер пишет о нормативности контекста [Andler, 2000] – или как набор смыслов (В.И. Павлюкевич). Бенуа пишет: «Нет смысла (фр. *signification*) без контекстуальности; но также верно и обратное: нет контекстуальности без смысла» [Benoist, 2011, p. 77–78]. Эти три понятия, которые можно трактовать как эквивалентные, – смысл, контекст и норма (осмысленность, контекстуальность и нормативность), – соединяет в себе понятие языковой игры (ЯИ). ЯИ нормативно структурирована, так как это употребление в-правила (нормы). Такое употребление контекстуально. Также, согласно знаменитому лозунгу, употребление есть смысл (значение). Контекст в более широком смысле – это форма жизни, определяемая своей грамматикой (структурой, нормой) или, что эквивалентно, набором смыслов как языковых игр (ЯИ), связанных между собой семей-

ным сходством. Таким образом, и индивидуальная ЯИ, и форма жизни структурированы, осмысленны, конститутивно нормативны, контекстуальны.

ЯИ, как мы их понимаем, – «игры» в реальности или с реальностью. Реальным ЯИ можно противопоставить ЯИ-фикции, не подразумевающие реальных обязательств, а скорее подразумевающие отсутствие таковых. Таким образом, объекты фикции, в отличие, например, от математических объектов, не особый вид реальности (в рамках фикции), как считают некоторые философы (М. Габриэль и др.); они не реальны. О существовании единорога можно говорить лишь условно, в рамках дискурса, а не как об особом виде реальности. Фикция имеет дело не с реальными референтами, а с референционной способностью. В то же время опосредованно фикция имеет связь с реальностью. Подлинный реализм в том, чтобы понять эту связь.

Мы знаем, что относится к фикции, а что к реальности. У нас есть концепт реальности, который вырабатывается на практике, прежде всего в повседневном чувственном опыте. В естественных и социогуманитарных науках он получает значительное расширение (например, в физике – в области микромира и макромира). Устоявшиеся и подтвержденные на опыте научные теории дают знание о реальности. Эти теории, то есть их корректное применение, – критерий реальности.

Реально что-то или нет, определяется в контексте: оно реально существует (как реальный объект) в рамках ЯИ (и соответствующей формы жизни), если и только если удовлетворяет своей контекстуальной норме, в-правилу ЯИ (грамматике формы жизни). В то же время реальность не редуцируется к существованию, а концепт существования не редуцируется к концепту реальности. Существование, как мы его определили, – объектное существование. Имеет смысл говорить о реальности, которая не объективирована, не состоит из объектов. Мы также применяем понятие существования, когда говорим о нормах, правилах, смыслах, интенциях и так далее, то есть по отношению к (идеальным (не реальным) объектам, которые тоже контекстуальны.

Таким образом, критерии того или иного существования или той или иной реальности контекстуальны. О (контекстуальных) критериях реальности можно также говорить в том смысле, что в зависимости от контекста на первый взгляд «одно и то же» может быть как реальным, так и идеальным (нормой) или нереальным (видимостью, представлением). Различие между реальным (подлинным) объектом и его представлением зависит от контекста [Benoist, 2010, ch. 2]. «То, что при одних условиях можно было бы принять за реальность самой вещи, при других становится ее представлением» [Benoist, 2011, p. 22]. Различие между (идеальным) концептуальным и реальным, между (идеальной) нормой и (реальным) фактом зависит от контекста (витгенштейновские петлевые предложения гибричны: в зависимости от контекста они могут выражать факты или нормы). Не существует метафизического критерия существования или реальности как таковой. Не существует критерия, который бы раз и навсегда устанавливал, что что-то реально, а что-то нет безотносительно к контексту. Например, видимость не может рассматриваться как абсолютное данное в метафизическом смысле. Существуют случаи видимости видимости; в этих случаях видимость играет

роль реальности, которая ошибочно принимается за то, чем она не является (см. примеры в [Benoist, 2024b; Blackburn, 2021, p. 71]). В духе Канта можно сказать, что существование и реальность (бытие) не реальные предикаты. Они не имеют содержания сами по себе.

В то же время то, что реально в одном контексте, а в другом не реально, в этом другом контексте является уже чем-то другим. Контекст определяет идентичность и, таким образом, реальность или нереальность в абсолютном смысле. Контекстуальный релятивист скажет, что на обыденных масштабах кварки не существуют (как если бы на обыденных масштабах о них имело смысл говорить). Контекстуальный реалист скажет, что на обыденных масштабах понятие кварка не имеет смысла.

Существование различных употреблений слова «реальный» означает не многозначность концепта реальности, а зависимость того, что реально, от контекста и существование различных видов реальности. Сам концепт реальности неизменен и однозначен: реальность просто такова, какова она есть. Конечно, этот концепт (как и многие другие) с развитием человечества обогатился и продолжает обогащаться, поскольку мы узнали о реальности бозона Хиггса и гравитационных волн, о разных ранее неизвестных видах математической, социальной, информационной, цифровой и других реальностей. Что же касается деконтекстуализированных (не концептуализированных, не осмысленных, не объективированных) вещей, то они просто таковы, каковы они есть; это просто «куски» реальности. «То, что не имеет смысла (signification), напротив, не “контекстуально”. Не видно, в каком смысле оно могло бы им быть. Это “вещи, как они есть” – то, что также называют “реальность” на том или ином уровне применения этого термина» [Benoist, 2011, p. 78].

11. Контекст как функциональное понятие

Реальный объект как то, что идентифицируется (имеет идентичность, концептуализировано), предполагает точку зрения, перспективу, в рамках которой он идентифицируется (он не может быть идентифицирован «ниоткуда» или «отовсюду»), и средства, при помощи которых он идентифицируется. Объективизм, то есть редукция реальности к объективности, объектности (реального к (объективно) истинному, познанному), реализма к объективизму, не принимает во внимание укоренённость объекта и средств его идентификации в реальности, контекст, то есть то, что реальный объект является вещью, а средства идентификации имеют реальные условия своего существования и применения. Это может вести к релятивизму, поскольку совместимо с манипуляцией точками зрения, необоснованным (а не аутентичным) плюрализмом «объектов», то есть псевдо-объектов. Релятивизм утверждает, что при замене точки зрения меняется и сам объект (или его свойства), что то, что есть, не абсолютно, а зависит от точки зрения, меняется вместе с ней.

На самом деле без реального основания нет подлинной объективности. Последняя возникает в той или иной ситуации, в реальности. Реальный объект требует реальной, а не произвольной, точки зрения, то есть реальных условий своего существования, своей идентификации (концептуализации). Эти условия и есть

контекст, позволяющий говорить о контекстуальном (а не абсолютном, деконтекстуализированном) объекте, не подверженном релятивистскому подозрению. Контекст выступает в роли реальности, то есть той территории, на (ситуации в) которой происходит идентификация объекта [Cahill (ed.), 2024; Gustafsson, 2024]. Контекст, таким образом, не объект. Не имеет смысла говорить о его существовании или несуществовании³¹. Если контекст становится объектом рассмотрения (в другом контексте), он, по определению, перестаёт быть контекстом. Например, в квантовой механике наблюдатель, то есть контекст наблюдения, если он становится объектом рассмотрения (вместе с системой, которую он наблюдает), перестаёт быть наблюдателем в эпистемологическом смысле, контекстом наблюдения.

Нормативное измерение контекста позволяет его рассматривать как с точки зрения ситуации (реальности), так и с точки зрения условий возможности объекта, как реального, так и идеального (идеального измерения реального объекта). Реальный объект идентифицируется (идеальной) контекстуальной нормой, играющей роль идеального объекта³².

Существование или несуществование некоторого объекта – одна из форм нормативного отношения с реальностью (норма существования может удовлетворяться или нет). Но есть и другие формы. Любое измерение реальности при помощи нормы – нормативное отношение с ней. Оно предполагает контекст.

Первоначально реальность, таким образом, входит в игру, выступает в роли контекста, а не объекта. В результате концептуального «картографирования» реальности в ней возникают реальные и идеальные объекты. В этом смысле реальность как совокупность реальных (познанных) объектов вторична. О первичном и производном смыслах реальности Бенуа пишет: «Только в производном употреблении она может появиться в виде объекта, и, если бы она появлялась только в этом употреблении, она потеряла бы смысл реальности, который прежде всего заключается не в том, чтобы быть тем, что известно, а в том, чтобы быть основанием, на котором, и ситуацией, в которой возможно знание или любое другое отношение» [Benoist, 2024в, р. 14].

Таким образом, контекст не объект, не факт, не событие, не процесс или какая-то другая онтологическая сущность, а то, что делает возможным идентификацию той или иной онтологической сущности. Контекст определяется функционально; это то, что функционирует как контекст. Это нормативный функционализм. Там, где функционирует норма, где измеряется реальность, и, следовательно, возникает смысл, там есть контекст. И только там. Бенуа пишет: «Понятие контекста в сущности функционально: контекст определяется тем, что он функционирует как контекст для определенных идентификаций объектов или любого другого нормирования реальности. Там, где он больше не функционирует, нет никакого контекста, а в лучшем случае есть некоторый факт, что не то же самое. (...) Мы должны признать, что *также и для того, чтобы существовал объект, должно существовать нечто иное, чем объект*, – это именно то, что, в сущности, *есть*. Объект, со своей стороны, является мерой, построенной на том, что есть, ме-

³¹ О реальности нет смысла говорить, что она существует или не существует.

³² Бенуа называет объектом принцип идентификации, то есть то, что мы называем идеальным объектом, а то, что мы называем реальным объектом, он иногда называет вещью.

рой, действие которой, как и любой другой меры, зависит от реальных условий, которые лишь формализм, отличный от объекта (здесь может помочь понятие *ситуации*), позволяет нам понять (*apprehender*)» [Benoist, 2024в, р. 14].

12. Принцип контекста

Бенуа отстаивает «принцип контекста», согласно которому контекст не может рассматриваться как внешнее давление реальности на смысл, он неотделим от (контекстуального) смысла; контекст – само местоположение смысла [Benoist, 2021]. В терминах нашей интерпретации позднего Витгенштейна смысл есть употребление, то есть языковая игра, или контекст [Cahill, 2024; Gustafsson, 2024]. В некотором смысле эту формулировку можно трактовать как тождество, не забывая при этом, что смысл идеален, а то, что идентифицируется в рамках языковой игры, реально.

Представление о том, что смысл создаёт контекст, идеалистично. На самом деле смысл наличествует там и только там, где есть контекст, то есть в контексте. Таким образом, и о контексте можно говорить там и только там, где есть смысл. Смысл производится, и он производится в контексте. Это такое производство, которое не требует ни внешних, ни внутренних усилий, а требует наличия соответствующих реальных условий, контекста. В противном случае смысл окажется псевдосмыслом. Условия смысла – не фиксированные внешние условия, а такие условия, которые не могут быть отделены от того, что они обуславливают.

Пример понимания контекста во внешнем, ограничивающем смысле можно найти у М. Габриэля [Gabriel, 2015; 2016; 2024]. В рамках его онтологии смысловых полей одно и то же высказывание в одном смысловом поле может быть истинным, а в другом ложным, один и тот же объект в одном смысловом поле может существовать, а в другом – нет. Это эпистемологический и онтологический релятивизм³³. С подлинно реалистической точки зрения контекст играет не негативную, ограничивающую, а позитивную, раз(от)граничивающую, идентифицирующую роль. Он определяет то, что может быть истинным или ложным, содержание высказывания. Он является внутренним для того, что он позволяет идентифицировать и как таковой исчезает в результате такой идентификации.

Контекстуализм тесно связан с экстернализмом, как семантическим, так и ментальным. Содержание высказываний, мыслей, ментальных состояний, а также, быть может, сами ментальные состояния, например знание как ментальное состояние, в известном смысле определяются «внешними условиями». Традиционный экстернализм в эпистемологии, философии языка и философии сознания позволил увидеть проблематичность традиционного интернализма, в частности, представления о смысле как самодостаточной сущности, о том, что смысл представляет собой, как критически выражается Бенуа, «государство в государстве»

³³ Для Габриэля быть (реальным), существовать, – это быть (реальным), существовать в смысловом поле; приоритет имеет концепт существования, а не реальности. Реальные (существующие) объекты, таким образом, автоматически наделены смыслом. Реальность оказывается, так сказать, осмысленной в себе. Соответственно, смысл для Габриэля не идеален, а реален. Речь идёт о расширенном, не семантическом понимании смысла (англ. *sense*, нем. *Sinn*). См. критику такого подхода [Benoist, 2024в; 2024г].

или, что ещё хуже, «государство вне государства». Но сам традиционный экстернализм проблематичен, представляет собой обратную сторону интернализма, принимает во внимание лишь минимальное и весьма ограниченное – «внешнее» – понятие контекста.

Наш КР, вдохновляющийся философией позднего Витгенштейна, экстерналистская позиция. Но это нормативный, или контекстуальный, экстернализм, содержащий в себе нормативный, или контекстуальный, интернализм как частный случай. В его рамках традиционная дихотомия интернализма и экстернализма заменяется функциональным дуализмом внутреннего и внешнего. Радикально экстерналистская эпистемология сначала-знания Уильямсона, на наш взгляд, как раз разновидность такого нормативного экстернализма. Бенуа, в свою очередь, вместо «грубого» семантического экстернализма в духе Х. Патнэма принимает форму утончённого интернализма, который не отделяет возникающий смысл от его внешних условий [Benoist, 2024в, р. 19]. Последние, следовательно, уже не могут, строго говоря, рассматриваться как «внешние»: «Дело не в том, что мы не можем выйти из универсума смысла, как хотели бы сказать метафизики интенциональности, а в том, что, скажем так, *там, где артикулируется определенный смысл, это происходит потому, что, по определению, условия для его артикуляции соблюдены*. В таком случае не имеет смысла делать контекст своего рода внешним условием для смысла. Это опять означало бы разделение того, что не может быть разделено. Контекст – это не то, что может быть дано смыслу “извне”» [Benoist, 2024в, р. 19]. Таким образом, дихотомия внутреннего смысла и внешнего контекста, внешних условий исчезает. Нормативное понятие контекста как раз это и предполагает.

Контекст (реальность) производит смысл, который, в свою очередь, позволяет его понять. Смысл интересен лишь постольку, поскольку он является подлинным, то есть укоренённым в реальности. Именно потому что смысл укоренён в реальности, контексте, который с лёгкостью может быть утерян или измениться (такова нормативная, не объективная, природа контекста), он тоже может быть с лёгкостью утерян. В результате деконтекстуализации возникает бессмыслица (нонсенс) или псевдосмысл. Таким образом, мы не можем, произвольно (субъективно) создать смысл, придать его вещам или, так сказать, присвоить его себе или вещам гарантированным образом. Не существует иммунитета против превращения смысла в бессмыслицу. И его утеря не обязательно зависит от нас³⁴.

Список литературы

- Витгенштейн Л. Культура и ценность. О достоверности. М.: АСТ, 2010. 250 с.
Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: Аст, 2019. 384 с.
Левин М.П., Уильямсон Т. Кант и анализ // Кантовский сборник. 2023. Т. 42. № 3. С. 49–73.

³⁴ «Новый реализм» Габриэля, на самом деле представляющий собой разновидность современного идеализма, онтологизирует смысл, трактует его как реальное внутреннее свойство вещей/объектов [Gabriel, 2015; 2016; 2024]. Как следствие, потеря смысла зависит с точки зрения такой позиции не от реальности, а от субъекта, который, так сказать, может ошибиться в смысле. (см. критику Бенуа [Benoist, 2024в; 2024г]).

- Лосский Н.** Обоснование интуитивизма. Пропедевтическая теория знания. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1908. 377 с.
- Прийс И. Е.** О смысле принципа соответствия и единства физики // *Analytica*. 2012. № 6. С. 18–35.
- Прийс И. Е.** Витгенштейн о знании, достоверности и «осевых предложениях». Lambert, 2017. 144 с.
- Прийс И. Е.** Контекстуальность онтологии и современная физика. СПб.: Алетейя, 2020. 354 с.
- Прийс И. Е.** Бозон Хиггса, квантовые струны и философия физики. СПб.: Алетейя, 2021. 192 с.
- Прийс И. Е.** Знание в контексте. СПб.: Алетейя, 2022а. 720 с.
- Прийс И. Е.** О квантовой вероятности // *Философия науки*. 2022б. № 3(94). С. 46–65.
- Прийс И. Е.** Контекстуальный квантовый реализм и другие интерпретации квантовой механики. М.: Ленанд, 2023. 304 с.
- Прийс И. Е.** Мораль, квантовая механика, религия, технологии, искусственный интеллект через призму контекстуального реализма. М.: Ленанд, 2024а. 280 с.
- Прийс И. Е.** Эффективный онтический структурный реализм и контекстуальный реализм // *Философия науки*. 2024б. № 2 (101). С. 69–91.
- Andler D.** The normativity of context // *Philosophical Studies*. 2000. Vol. 100. P. 273–303.
- Anscombe G.** On brute facts // *Analysis*. 1958. Vol. 18. No. 3. P. 69–72.
- Atmanspacher H.** Determinism is ontic, determinability is epistemic // H. Atmanspacher, R. Bishop (Eds.) *Between Chance and Choice: Interdisciplinary Perspectives on Determinism*. Thorverton, UK: Imprint Academic, 2001. P. 49–74.
- Atmanspacher H., Primas H.** Epistemic and ontic quantum realities // G. Adenier, A.Yu. Khrennikov (Eds.) *Foundations of Probability and Physics*. Melville, NY: AIP, 2005. P. 49–62.
- Atmanspacher H., Rickles D.** Dual-Aspect monism and the Deep Structure of Meaning. Routledge, 2022.
- Atmanspacher H.** Psychophysical neutrality and its descendants: a brief primer for dual-aspect monism // *Synthese*. 2024. Vol. 203, No. 1. DOI 10.1007/s11229-023-04449-z
- Benoist J.** Concepts. Introduction à l'analyse. Paris: CERF, 2010.
- Benoist J.** *Éléments de philosophie réaliste*. Vrin, 2011.
- Benoist J.** *Toward a Contextual Realism*. Harvard University Press, 2021.
- Benoist J.** Assessment-relativity? // *Annals of the Japan Association for Philosophy of Science*. 2024а. Vol. 33. P. 57–68.
- Benoist J.** *Sans anesthésie: La réalité des apparences*. Vrin, 2024б.
- Benoist J.** Préface pour la traduction chinoise de «Toward a Contextual Realism». Harvard University Press, 2024в.
- Benoist J.** I can't see the «sense» in this // J. Voosholz (Ed.) *Markus Gabriel's New Realism*. Springer, 2024г. P. 129–145.
- Bitbol M.** Randomness from relationships and interfaces // A. Duprat, A. James (Eds.) *Chance in Theory and Practice. Figures of Chance II*. Routledge, 2024.

- Blackburn S.** Politics, truth, post-truth, and postmodernism // M. Hannon, J. de Ridder (Eds.) *The Routledge Handbook of Political Epistemology*. Routledge, 2021. P. 65–73.
- Cahill K.** (Ed.) *Wittgenstein on practice. Back to the rough ground*. Palgrave Macmillan, 2024.
- Fairhurst J., Perez-Escobar J. A., Sarikaya D.** Against a global conception of mathematical hinges // *The Philosophical Quarterly*. DOI 10.1093/pq/pqae090
- Gabriel M.** *Fields of sense. A new realist ontology*. Edinburgh University Press, 2015.
- Gabriel M.** *Sinn und Existenz. Eine realistische Ontologie*. Suhrkamp, 2016.
- Gabriel M.** *Sense, non-sense and subjectivity*. Harvard University Press, 2024.
- Gustafsson M.** What is a context // K. M. Cahill (Ed.) *Wittgenstein on practice. Back to the rough ground*. Palgrave Macmillan, 2024. P. 97–117.
- Kant I.** *Kritik der reinen Vernunft*. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1998.
- Khrennikov A.** *Contextual approach to quantum formalism*. Springer, 2009.
- Khrennikov A.** *Open quantum systems in biology, cognitive and social sciences*. Springer Cham, 2023.
- Williamson T.** *Knowledge and Its Limits*. Oxford: Oxford UP, 2002.
- Wittgenstein L.** *Über Gewißheit*. Suhrkamp. Frankfurt am Main, 1984.

References

- Andler D.** The normativity of context // *Philosophical Studies*. 2000. Vol. 100. P. 273–303.
- Anscombe G.** On brute facts // *Analysis*. 1958. Vol. 18. No. 3. P. 69–72.
- Atmanspacher H.** Determinism is ontic, determinability is epistemic // H. Atmanspacher, R. Bishop (Eds.) *Between Chance and Choice: Interdisciplinary Perspectives on Determinism*. Thorverton, UK: Imprint Academic, 2001. P. 49–74.
- Atmanspacher H., Primas H.** Epistemic and ontic quantum realities // G. Adenier, A. Yu. Khrennikov (Eds.) *Foundations of Probability and Physics*. Melville, NY: AIP, 2005. P. 49–62.
- Atmanspacher H., Rickles D.** *Dual-Aspect monism and the Deep Structure of Meaning*. Routledge, 2022.
- Atmanspacher H.** Psychophysical neutrality and its descendants: a brief primer for dual-aspect monism // *Synthese*. 2024. Vol. 203, No. 1. DOI 10.1007/s11229-023-04449-z
- Benoist J.** *Concepts. Introduction à l'analyse*. Paris: CERF, 2010.
- Benoist J.** *Éléments de philosophie réaliste*. Vrin, 2011.
- Benoist J.** *Toward a Contextual Realism*. Harvard University Press, 2021.
- Benoist J.** Assessment-relativity? // *Annals of the Japan Association for Philosophy of Science*. 2024a. Vol. 33. P. 57–68.
- Benoist J.** *Sans anesthésie: La réalité des apparences*. Vrin, 2024b.
- Benoist J.** Préface pour la traduction chinoise de «Toward a Contextual Realism». Harvard University Press, 2024b.
- Benoist J.** I can't see the sense the «sense» in this // J. Voosholz (Ed.) *Markus Gabriel's New Realism*. Springer, 2024r. P. 129–145.

- Bitbol M.** Randomness from relationships and interfaces // A. Duprat, A. James (Eds.) *Chance in Theory and Practice. Figures of Chance II.* Routledge, 2024.
- Blackburn S.** Politics, truth, post-truth, and postmodernism // M. Hannon, J. de Ridder (Eds.) *The Routledge Handbook of Political Epistemology.* Routledge, 2021. P. 65–73.
- Cahill K.** (Ed.) *Wittgenstein on practice. Back to the rough ground.* Palgrave Macmillan, 2024.
- Fairhurst J., Perez-Escobar J. A., Sarikaya D.** Against a global conception of mathematical hinges // *The Philosophical Quarterly.* DOI 10.1093/pq/pqae090
- Gabriel M.** *Fields of sense. A new realist ontology.* Edinburgh University Press, 2015.
- Gabriel M.** *Sinn und Existenz. Eine realistische Ontologie.* Suhrkamp, 2016.
- Gabriel M.** *Sense, non-sense and subjectivity.* Harvard University Press, 2024.
- Gustafsson M.** What is a context // K. Cahill (Ed.) *Wittgenstein on practice. Back to the rough ground.* Palgrave Macmillan, 2024. P. 97–117.
- Kant I.** *Kritik der reinen Vernunft.* Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1998.
- Khrennikov A.** *Contextual approach to quantum formalism.* Springer, 2009.
- Khrennikov A.** *Open quantum systems in biology, cognitive and social sciences.* Springer Cham, 2023.
- Levin M. P., Williamson T.** Kant and analysis // *Kantian Journal.* 2023. Vol. 42. No. 3. P. 49–73. (in Russian)
- Lossky N. O.** *Justification of intuitionism. A propaedeutic theory of knowledge.* St.-Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1908. (in Russian)
- Pris I. E.** On the meaning of the correspondence principle and the unity of physics // *Analytica.* 2012. No. 6. P. 18–35. (in Russian)
- Pris I. E.** *Wittgenstein on knowledge, certainty and hinge propositions.* Lambert, 2017. (in Russian)
- Pris I. E.** *Contextuality of Ontology and Contemporary Physics.* St. Petersburg: Aletheia, 2020. (in Russian)
- Pris I. E.** *Higgs boson, quantum strings and philosophy of physics.* St. Petersburg: Aletheia, 2021a. (in Russian)
- Pris I. E.** *Knowledge in context.* St. Petersburg: Aletheia, 2022a. (in Russian)
- Pris I. E.** On quantum probability // *Filosofia nauki.* 2022b. Vol. 94. No. 3. P. 46–65. (in Russian)
- Pris I. E.** *Contextual quantum realism and other interpretations of quantum mechanics.* Moscow: Lenand, 2023. (in Russian)
- Pris I. E.** *Morality, quantum mechanics, religion, technologies, artificial intelligence through the prism of a contextual realism.* Moscow: Lenand, 2024a. (in Russian)
- Pris I. E.** Effective ontic structural realism and contextual realism // *Filosofia nauki.* 2024b. Vol. 101. No 2. P. 69–91. (in Russian)
- Williamson T.** *Knowledge and Its Limits.* Oxford: Oxford UP, 2002.
- Wittgenstein L.** *Über Gewißheit.* Suhrkamp. Frankfurt am Main, 1984.
- Wittgenstein L.** *Culture and value. On certainty.* Moscow: AST, 2010. (in Russian)
- Wittgenstein L.** *Philosophical investigations.* Moscow: AST, 2019. (in Russian)

Информация об авторе

Игорь Евгеньевич Прись, доктор философии (PhD), канд. физ.-мат. наук
Ведущий научный сотрудник Института философии НАН Беларуси

Information about the Author

Igor E. Pris, Doctor (PhD) in Philosophy, Candidate of Sciences (Theoretical physics)
Leading Researcher, Institute of Philosophy of NAS of Belarus

*Статья поступила в редколлегию 20.12.2024;
одобрена после рецензирования 24.02.2025; принята к публикации 27.02.2025*

*The article was submitted 20.12.2024;
approved after reviewing 24.02.2025; accepted for publication 27.02.2025*

Правила представления, рецензирования и опубликования научных статей

I. Общая информация

1. «Сибирский философский журнал» (до 2016 г. «Вестник НГУ Серия: Философия», свидетельство ПИ № ФС77-40146 от 04.06.2010, ISSN 1818-796X) публикует научные статьи и критические материалы с широкой философской и научной (социально-гуманитарной) тематикой, отражая интеллектуальное разнообразие позиций сообщества философов Новосибирского государственного университета и регионального отделения Российского философского общества, совмещающих интеллектуальную свободу и требовательность к обоснованности суждений, стремление к ясности и четкости мышления, рациональность аргументации.

2. Журнал зарегистрирован как средство массовой информации (свидетельство ПИ № ФС77-64829 от 02.02.2016). Подписной индекс в каталоге «Пресса России» – 11236. Журнал зарегистрирован в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) – договор № 548-09/2014 от 17.09.2014. Периодичность издания – 4 раза в год.

3. Основные разделы журнала: «Аналитическая философия, эпистемология и философия науки», «Социальная философия», «История философии» и «Научная жизнь, полемика, рецензии, переводы». Рубрики соответствуют Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени кандидата и доктора наук, по следующим отраслям науки:

5.7 – Философия;

4. Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет редакции следующие неисключительные права на использование произведения на весь срок действия авторского права, предусмотренного действующим законодательством РФ, следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение и перевод произведения; доведение до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, в том числе право на публикацию статьи как в виде твердой копии (в журнале), так и в электронном виде (в том числе на платформе Научной электронной библиотеки eLibrary.ru). Территория использования статьи способами, предусмотренными выше, не ограничивается территорией Российской Федерации.

5. Редакционная коллегия осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов с целью их экспертной оценки. Привлекаемые рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних трех лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в редакции издания в течение пяти лет.

Все статьи проходят обязательное двойное слепое (double-blinded) рецензирование. О принятом решении авторы извещаются по указанному ими адресу электронной почты. Редакция издания направляет авторам представленных

материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также (при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса) направляет копии рецензий в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации.

6. Недопустимо представлять в редакцию ранее опубликованные работы, а также не оригинальные рукописи, скомпилированные из цитат или представляющие собой изложение ранее опубликованных работ, которые могут вызвать подозрение в нарушении научной этики.

Если статья возвращается автору для доработки, исправления или сокращения, то датой представления ее в журнал считается день получения редакцией окончательного текста.

Гонорар за публикуемые статьи, доклады, сообщения и рецензии не выплачивается. Не принятые к публикации материалы авторам не возвращаются.

7. Редакция оставляет за собой право редактировать, сокращать (по согласованию с автором) и адаптировать публикуемые материалы к рубрикам журнала. Обязательным условием публикации материалов является наличие УДК, отвечающего основным разделам журнала. Общий объем статей с главным (первым) индексом УДК, не относящимся к разделу 1 – «Философия», не может превышать четверти объема каждого выпуска.

Публикации, значительно превышающие рекомендованный объем текста статьи (до 40 000 знаков с пробелами), допускаются к рассмотрению только по согласованию с редколлегией.

8. Статьи иностранных авторов, выполненные на иностранных языках, публикуются по согласованию с автором при наличии ключевых слов и аннотации на русском языке объемом до 3 000 знаков с пробелами.

9. Рукописи принимаются только в электронном виде.

10. Примерные сроки подачи рукописей в соответствующий номер: № 1 – до 15 декабря; № 2 – до 15 февраля; № 3 – до 1 июля; № 4 – до 1 сентября.

Адрес редакционной коллегии журнала
Новосибирский государственный университет,
Институт философии и права
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия
Тел.: (383) 363-42-38. E-mail: philos@vestnik.nsu.ru

II. Правила оформления текста рукописи

1. Подаваемая в редколлегию рукопись должна содержать информацию по каждому из обязательных пунктов, приведенных ниже.

Библиографические ссылки, библиографическое описание и списки литературы должны быть оформлены строго в соответствии с приведенными ниже правилами.

Рукописи принимаются только в виде файлов в формате .rtf

2. Обязательные пункты рукописи.

(а) УДК; название статьи на русском языке; ФИО автора (полностью); место работы (без сокращений); город, страна; e-mail; <https://orcid.org/>; аннотация

на русском языке (до 150 слов); ключевые слова на русском языке (до 10 слов); раздел «Для цитирования».

(б) Название статьи на английском языке; ФИО автора на английском языке; место работы (без сокращений), город, страна на английском языке; e-mail; ORCID; аннотация на английском языке (до 150 слов); ключевые слова на английском языке (до 10 слов); раздел «For citation».

(в) Текст статьи (до 40 000 знаков с пробелами).

(г) Раздел «Список литературы» для русскоязычного читателя.

(д) Раздел «References» для иноязычного читателя.

(е) Раздел «Информация об авторе(ах)» (фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, должность по указанному месту работы) на русском и на английском языках (Information about the author(s)).

В случае необходимости также приводится раздел «Благодарности» / «Acknowledgements».

3. Название статьи, содержание аннотации и ключевые слова на английском языке проверяются редколлегией. За перевод на английский язык источников в разделе «References» редколлегия ответственности не несет.

4. Основной текст статьи оформляется следующим образом. Основной шрифт – Times New Roman. Размер шрифта – 14 пт. Междустроочный интервал – 1,5 строки. Масштаб шрифта – 100 %. Интервал шрифта – обычный. Смещение шрифта – нет. Поля стандартного листа А4 – все по 2 см. Абзацный отступ – 1,25 см.

Авторы, оформляющие материалы в формате .docx (с последующей конвертацией в .rtf), **должны** выставить в настройках (включая настройки оформления номера страницы) стандартные значения для абзацев: отступ слева – 0 см, отступ справа – 0 см. Интервал перед – 0 пт, интервал после – 0 пт.

Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

Если в статье используются нестандартные шрифты (греческий), то к тексту рукописи необходимо приложить файлы используемых шрифтов (.ttf). Передача шрифтов не должна нарушать лицензионную политику правообладателей.

В тексте статьи используется тире **только** одного вида – так называемое «короткое» тире (сочетание клавиш: CTRL + Num-). В качестве пунктуационного знака тире требует пробелов с обеих сторон, при обозначении интервала в цифрах используется тире без пробелов (2–3, 1920–1940 гг.; однако с поясняющими словами тире используется с пробелами: конец 1920 – начало 1921 г.).

Цитаты заключаются в кавычки «елочки». Если внутри цитаты, заключенной в кавычки, встречаются слова, в свою очередь заключенные в кавычки, для них нужно использовать кавычки «лапки» (две «шестёрки» и две «девятки» сверху).

5. Библиографические ссылки внутри текста статьи оформляются в квадратных скобках, через запятую указываются: фамилия автора, год издания, страницы со строчной с. или р.

При прямом цитировании после кавычек указывается: [Horton et al., 2006, p. 427–428] или [Целищев, Бессонов, 1979, с. 92].

При указании на источник ссылка заключается в круглые скобки: (см., например: [Дарвин, 1939]).

При косвенном цитировании (парафраз) указание на страницы источника является обязательным, источник заключается в круглые скобки: (см.: [Пелевин, 2013, с. 215]).

Комментарии и замечания к тексту приводятся в подстрочных сносках (текст сноски располагается внизу страницы) и нумеруются по порядку с начала документа, начиная с цифры 1¹.

Ссылки на архивные документы и документы из сети Интернет оформляются **только** в виде подстрочной сноски.

Ссылка на документ из сети Интернет имеет вид: автор (если есть), название материала (как указано на странице), дата опубликования материала (если есть), официальное название ресурса, на котором размещен материал, URL ресурса, дата обращения к ресурсу автора статьи.

Не допускается указывать ссылки на документы из сети Интернет, если эти документы имеют стандартные библиографические идентификаторы для печатной продукции (статьи, монографии, grey/green papers и т. д.), которые и включаются в список литературы.

Если сайт, на котором находится документ, запрещен, указывается дата проверки нахождения сайта в соответствующем реестре Роскомнадзора².

Если текст статьи содержит указание: а) на запрещенную организацию (либо ликвидированную или деятельность которой приостановлена); б) на некоммерческие организации / средства массовой информации / незарегистрированные общественные объединения / физические лица, признанные СМИ / физические лица, признанные «иностранными агентами»; в) на нежелательную организацию, то в подстрочной сноске **в обязательном порядке** указывается статус, – например, «организация, запрещенная на территории РФ», «организация, деятельность которой признана нежелательной на территории РФ», «признан иностранным агентом» и т.д., – а также полное название соответствующего нормативного документа либо указание на раздел сайта соответствующего ведомства, закрепившего статус, и дата его последней редакции³.

6. Список литературы оформляется в конце статьи в алфавитном порядке (сначала русскоязычные авторы). Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), фамилии и инициалы редакторов (если речь идет о коллективной монографии или сборнике), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства или издающей организации (для книг), год

¹ Здесь мы согласны с мнением В.Е. Петрова [2002, с. 111]. Подробный анализ самого подхода см. в статье [Rorty, 1979].

² См.: «Гринпис» (14 марта 2017). Русскоязычная энциклопедия фольклора и субкультур «Луркоморье». URL: <https://lurkmore.to/Гринпис> (дата обращения 01.02.2021). Сайт входит в Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено (<https://eais.rkn.gov.ru/>) (дата проверки 07.02.2021).

³ Как отмечает комик Данила Поперечный: «Я думал до такого не дойдет». См.: «Меня признали иноагентом», видео, 3:07 [38:17] (8 июля 2024). YouTube, канал «Данила Поперечный». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3QXwMnKUwSc> (дата обращения 15.08.2024). Поперечный Д.А. включен в Реестр иностранных агентов Министерства юстиции РФ (<https://minjust.gov.ru/ru/activity/directions/998/>) (дата обновления 30.08.2024).

издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий). Для статей (глав монографий и сборников) указывается объем публикации (первая и последняя страницы).

NB! В целях унификации оформления русскоязычных и иноязычных источников разделы «Список литературы» и «References» оформляются в одном стиле. Все источники оформляются по адаптированным правилам ГОСТ (см. ниже).

Решением редакционной коллегии с 2023 года **прекращена** практика дублирования англоязычного названия русскоязычного источника транслитерацией этого названия латинскими буквами. В списке «References» обязательная транслитерация сохраняется только для названий издательств. Также в списке «References»: вместо значка номера журнала «№» пишется «No.»; города именуются в соответствии с принятыми конвенциями без сокращений: Moscow, Saint Petersburg, New York; для русскоязычных источников указывается (in Russian).

7. При подготовке иллюстративного материала следует учесть, что рисунки принимаются только в форматах .gif, .jpg, .tif, .cdr. Максимальное поле изображения 120 x 180 мм. Цветовая гамма изображений и таблиц (кроме исключительных случаев) должна отвечать требованиям черно-белой печати (белый фон, черные или серые линии, без цветных элементов и мелких сплошных заливок). Допускается создание таблиц и диаграмм в Word и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls).

Рисунки и таблицы в тексте **должны иметь подписи** на русском и на английском языках, размер шрифта подписи – 9 пт.

III. Образец оформления рукописи

УДК 101 + 378

Гуманитарные и социальные исследования в XXI веке

Иван Иванович Иванов

*Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия*

ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Аннотация

Ключевые слова

Благодарности

Для цитирования

Humanitarian and Social Research in the 21st Century

Ivan I. Ivanov

*Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation*

ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Abstract

Keywords

Acknowledgements

For citation

Основной текст статьи

Список литературы

- Аристид.** Апология Св. Аристида // Сочинения древних христианских апологетов: в 25 т. / Под ред. А.Г. Дунаева. СПб.: Алетейя, 1999. Т. 1. Афинские государственные деятели V в. до н. э. С. 290–336.
- Целищев В. В.** Рационалистический оптимизм и философия Курта Геделя // Вopr. философии. 2013. № 8. С. 12–23.
- Lee J. Y.** God Suffers for Us: A Systematic Inquiry into a Concept of Divine Passibility. L.: Springer Netherlands, 1974. 323 p.
- Sarot M.** Patripassianism, Theopaschitism and the Suffering of God: Some Historical Considerations // Religious Studies. 1990. Vol. 26. № 2. P. 363–375.

References

- Aristid.** Apology of St. Aristides // Works of Ancient Christian Apologists (25 vols.) / A. G. Dunaev (Ed.). Saint Petersburg: Aletea, 1999. Vol. 1. Athenian Statesmen of the 5th century BC. P. 290–336. (in Russian)
- Lee J. Y.** God Suffers for Us: A Systematic Inquiry into a Concept of Divine Passibility. L.: Springer Netherlands, 1974. 323 p.
- Sarot M.** Patripassianism, Theopaschitism and the Suffering of God: Some Historical Considerations // Religious Studies. 1990. Vol. 26. No. 2. P. 363–375.
- Tselishchev V. V.** Rationalistical Optimism and the Philosophy of Kurt Godel // Voprosy filosofii. 2013. No. 8. P. 12–23. (in Russian)

Информация об авторе

Иван Иванович Иванов, кандидат философских наук, доцент
Научный сотрудник, Институт философии и права Сибирского отделения
Российской академии наук

Information about the Author

Ivan I. Ivanov, Candidate of Science (Philosophy), Docent
Researcher, Institute of Philosophy and Law of Siberian Branch of the Russian
Academy of Sciences